ДЖАННЕТТ УОЛЛС

дикие лошади

от автора бестселлера
«ЗАМОК ИЗ СТЕКЛА»

«Три поколения женщин: Лили, Роз-Мари, Джаннетт. Первая укрощала мустангов. Вторая рисовала картины. Третья расплачивалась за их ошибки». CHICAGO TRIBUNE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Коровы раньше нас почувствовали приближение опасности». Так начинается история Лили Кейси, женщины, которая всегда ладила с животными лучше, чем с людьми.

В своей семье Лили даже в детском возрасте была самым трезвомыслящим человеком. Когда во время наводнения она вычерпывала воду и спасала младших детей, все остальные молились Богу.

В юности Лили решила выучиться на учителя, но ей пришлось покинуть школу, потому что отец потратил деньги, отложенные на ее образование, на породистых щенков.

Судьба никогда не щадила Лили: она пережила торнадо, наводнения, засуху и Великую депрессию, но сложнее всего оказалось пережить страшное предательство близких.

За годы жизни Лили объездила десятки и сотни диких лошадей, но так и не смогла укротить свою непокорную дочь.

- Джаннетт Уоллс
  - ○
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ I. Солт Дро
  - ○ II. Волшебная лестница
  - ○ III. Обещания
  - ○ IV. Красная шелковая рубашка
  - ○ V. Ягнята
  - ○ VI. Учительница
  - ○ VII. Райский сад
  - ○ VIII. Сыщики
  - ○ IX. Летун
  - ○ Эпилог. Маленькое существо
  - ○ Благодарности
  - ○ Об авторе
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Джаннетт Уоллс
Дикие лошади. У любой истории есть начало

Jeannette Walls
Half Broke Horses
Copyright © 2009 by Jeannette Walls.
All rights through out the world reserved to Jeannette Walls
Перевод *Алексея Андреева*

© Андреев А.В., перевод на русский язык, 2015
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2015

* * *

Это великий северный ветер создал викингов.

Древняя норвежская притча

Посвящается всем учителям, и в особенности Роз-Мари Уоллс, Филлису Овенсу и Истер Фухс.

Посвящается светлой памяти Жаннетт Бивенс и Лили Кейси Смит

От автора

Первоначально я планировала написать книгу о детстве своей матери на ранчо в Аризоне. Однако каждый раз в течение многих месяцев, когда я заводила с ней этот разговор, мама говорила, что жизнь ее матери и моей бабушки была гораздо более интересной и вместо нее мне стоит написать о Лили.

Моя бабушка была во всех смыслах удивительным человеком. Это факт. Я ее помню и была с ней близка в раннем детстве, но она умерла, когда мне было восемь. Поэтому практически все, что я о ней знаю, я услышала от других.

Я всю свою жизнь слышала разные истории о Лили Кейси Смит. Эти истории рассказывала мне мать. Лили была сильной женщиной, страстным преподавателем, оратором и рассказчиком. Она очень подробно описывала все, что с ней происходило в жизни, что она делала по тому или иному поводу, а также то, какие выводы она из всего сделала и чему научилась. Моя бабушка хотела передать дочери опыт и знания, которые получила. И моя собственная мать, которая даже не в состоянии запомнить номер моего телефона, удивительным образом помнит очень многое из жизни своих родителей, а также их родителей, а также историю и географию штата Аризона. Ни разу не было такого случая, что в ее рассказах об индейцах хавасупай, о Могольонском моренном вале, убое скота или процессе объездки лошадей она сказала что-нибудь, чего я не смогла проверить и подтвердить с помощью других источников.

Я беседовала с матерью и другими членами семьи. Кроме этого я нашла несколько книг, где упоминаются истории жизни моих дедов и бабушек, а также прабабушек и прадедушек по материнской и отцовской линии. Это книги «Майор Смит, Воин-мормон», написанная Иваном Барретом (Major Lot Smith, Mormon Raider, Ivan Barrett) и «Роберт Кейси и ранчо Рио Хондо» Джеймса Шинкла (Robert Casey and the Ranch on the Rio Hondo, James Shinkle).

Эти книги подтверждали правдивость определенных событий, таких как убийство Роберта Кейси и ссоры его детей о наследстве. Некоторые данные противоречили услышанным от матери историям. Шинкл писал о том, что, проводя свое исследование во время работы над книгой, он слышал разные версии событий, и в некоторых случаях он так и не докопался до того, что является исторической правдой.

Я писала историю моей бабушки и не гналась за исторической точностью. Для меня эта книга — дань устной

традиции. Я хотела пересказать истории, пришедшие ко мне через несколько поколений. Поэтому как рассказчик я пользуюсь определенной свободой изложения материала.

Эта история написана от первого лица потому, что я хотела рассказать ее с точки зрения Лили, ее выразительным голосом, который я хорошо помню. Для меня эта книга — не вымысел. Лили Кейси Смит была реальной женщиной, поэтому не стоит хвалить меня больше, чем я заслужила. Однако не стоит думать, что все написанное мне диктовала сама Лили. Я использовала свое воображение для того, чтобы заполнить пробелы. Кроме того, я изменила некоторые имена из уважения к личной жизни тех, кто их носит или носил.

I. Солт Дро

Ранчо Кейси на Рио Хондо

Коровы раньше нас почувствовали приближение опасности. Это произошло в августе, во второй половине дня, ближе к вечеру. Стоял сезон дождей, и воздух был горячим и влажным. В тот день мы несколько раз видели молнии, ударявшие в районе Бернт Спринг Хиллз, но потом гроза ушла на север. Я почти закончила свои дела, и вместе с братом Бастером и сестрой Хелен мы начали отгонять коров с поля в загон, где их доят. Но когда мы подошли к стаду, коровы стали вести себя очень странно. Вместо того чтобы топтаться у ворот загона, чем они неизменно занимались перед тем, как их начинали доить, животные стояли не шевелясь, вытянув хвосты. Они нервно подергивали головами и прислушивались.

Не сказав ни слова, Бастер и Хелен вопросительно на меня посмотрели. Я наклонилась, встала на колени, приложила ухо к земле и услышала шум, низкий и такой неуловимо тихий, что его скорее можно было почувствовать телом, чем услышать ухом. Тогда я поняла то, что коровы уже давно почувствовали, — идет вода ливневого паводка.

Я поднялась с колен. Коровы бросились к южной границе огороженного пастбища. Добежав до забора из колючей проволоки, животные начали через него перепрыгивать — я даже и не подозревала, что им это под силу, — после чего устремились

вверх по склону холма.

Я поняла, что и нам пора уходить, как можно быстрее, поэтому схватила Хелен и Бастера за руки. К тому времени сквозь подошвы ботинок я уже отчетливо ощущала, что земля трясется. Потом увидев, что в низинах пастбища начинает появляться вода, я поняла, что мы в отличие от коров не успеем добежать до холма. В середине поля стоял старый трехгранный тополь с широкими ветками и большими наростами на стволе. Мы бросились к этому дереву.

Хелен споткнулась, но Бастер схватил ее за руку, и мы вдвоем подняли сестру и бегом бросились к тополю. Добежав до дерева, я помогла Бастеру взобраться на нижнюю ветку, потом он поднял вверх Хелен. Я всем телом прижалась к стволу дерева и обеими руками обхватила Хелен. В этот момент нас накрыла двухметровая волна, в которой как в супе «варились» камни и ветки деревьев. Волна окатила нас с ног до головы и с плеском разбилась о ствол тополя. Тополь затрещал и накренился, и некоторые нижние ветви с треском оторвались. Я очень боялась, что дерево вырвет с корнем, но тополь устоял. В бурном потоке коричневатой воды с обломками деревьев, змеями и ящерицами удержались и мы. Волна прошла и стала разливаться по низине.

В течение часа мы сидели на дереве, не произнося ни слова, и как завороженные смотрели на воду. Солнце начало садиться за горами Бернт Спринг Хиллз, облака налились багрянцем, а сиреневые тени растянулись на восток. Под нами все еще бурлила вода. Хелен сказала, что ее руки устали, и она не знает, хватит ли у нее сил держаться. Тогда ей было всего семь лет.

Бастер, которому тогда было девять, сидел чуть выше на месте, где из ствола росла большая ветка. Я была самой старшей, мне было уже десять, и решила взять власть в свои руки. Я сказала Бастеру, чтобы он поменялся местами с Хелен, чтобы та не держалась за ствол, а могла посидеть на ветке и дала возможность отдохнуть рукам. Через некоторое время стемнело, и вышла луна, ярко осветившая все вокруг. Время от времени мы менялись местами, чтобы дать себе возможность отдохнуть в более удобном положении и не перенапрягать руки. Мы с Хелен все ноги разодрали о жесткую кору дерева. Когда мы хотели писать, то делали это просто под себя. К середине ночи голосок Хелен стал совсем слабым и тихим.

«У меня больше нет сил держаться», — пожаловалась она.

«Нет, у тебя есть силы, — настаивала я. — У тебя есть силы, потому что выбора у нас нет, и ты должна это сделать». Я твердо сказала им, что мы все это переживем. Я знала, что мы выживем, я была в этом совершенно уверена, словно видела внутренним

взором ясную картинку. Я видела, как все мы завтра утром поднимемся по склону холма, а из дома, который стоит на вершине, выбегут мама с папой. Я была уверена, что все так и будет. Главное — не сдаваться.

Я поняла, что не должна дать брату с сестрой уснуть, иначе они упадут с дерева. Сначала я заставила их повторить всю таблицу умножения. Когда мы несколько раз «прошлись» по таблице умножения, я стала их выспрашивать имена президентов и названия столиц штатов, потом определения слов, а потом рифмы. Когда я слышала, что они начинают отвечать тише, я строго прикрикивала на них, не давая им заснуть. Так мы провели на дереве всю ночь.

Рассвело. Воды стало меньше, но она не ушла полностью. Наше пастбище находилось в низине около реки, поэтому, если в местах повыше воды было уже совсем мало или она исчезла, вокруг нас все еще были остатки ливневого паводка. После таких наводнений вода на пастбище могла не уходить в течение нескольких дней. Тем не менее она уже не прибывала, а постепенно впитывалась в землю.

«Мы выжили», — сказала я.

Я решила, что сейчас уже можно вполне безопасно пройти по воде вброд, и мы слезли с тополя. Наши ноги и руки онемели от того, что мы всю ночь крепко держались за дерево, и почти не двигались. Ноги затягивала мокрая жижа, но постепенно мы вышли на сухую землю, поднялись по склону холма и увидели наш дом. Все происходило именно так, как я себе представляла, сидя ночью на дереве.

Папа нервно ходил от одного конца высокой веранды дома до другого. Походка его была неровной, потому что он хромал на одну ногу. Увидев нас, он испустил радостный крик и начал спускаться с крыльца. Из дома выбежала мама. Она встала на колени и начала молиться Господу за то, что Он спас ее детей от наводнения.

Мама заявила, что это она нас спасла. Она не спала всю ночь и молилась. «Становитесь на колени и благодарите своего ангела-хранителя! — заявила она. — И меня благодарите».

Хелен и Бастер послушно встали на колени и начали молиться вместе с мамой, а я осталась стоять и смотрела на них. По моему убеждению, нас спасла я, а не мама или какой-то там ангел-хранитель. Той ночью нас на тополе было всего трое. Папа подошел ко мне и обнял за плечи.

«Папа, там не было никакого ангела-хранителя», — сказала я, и потом начала объяснять, как мы добрались до тополя,

пересаживались с одного места на другое, чтобы наши руки и ноги не устали, и как я всю ночь не давала Хелен и Бастеру заснуть.

Папа крепко сжал мое плечо. «Хорошо, дорогая, может быть, этим ангелом была ты».

Наша ферма стояла на реке Солт Дро, которая впадала в реку Пекос в западной части Техаса, где было много лугов и пастбищ. Наша земля находилась в низине. Небо в этих местах было высоким и будто выгоревшим от солнца, земля казалась серой, словно песок. Иногда ветер мог, не стихая, дуть несколько дней подряд, а иногда днями стоял полный штиль, и было слышно, как лает собака на ранчо Динглеров, расположенном в трех километрах вверх по течению реки. Если поблизости проезжала повозка, то поднятая ею пыль долго висела в воздухе, не оседая на землю.

Когда смотришь на горизонт, то земля, ограждения, канавы, поросль молодых кедров — все кажется плоским и растянутым. Люди, повозки, скот, ящерицы и прочие создания движутся медленно, словно стараясь экономить силы.

Это были суровые места. Земля была твердой, как камень, за исключением периодов ливней и наводнений, когда все превращалось в жижу. Животные были худыми и жилистыми, а растения — колючими и редкими. В сезон дождей земля неожиданно вспыхивала яркими цветами. Папа называл эти края High Lonesome, или Одинокое плоскогорье, и говорил, что это место не для слабых головой и мягких сердцем. Он говорил, что именно поэтому мы с ним спокойно могли выживать в этих краях. Потому что мы оба были крепкими орешками.

Площадь нашей фермы составляла всего 160 акров.[1] В тех местах наша ферма считалась маленькой, поскольку, чтобы вырастить одну голову рогатого скота требовалось, по меньшей мере, пять акров пастбища. Однако наша ферма выходила к реке, а такая земля была в десять раз дороже той, на которой не было воды. И благодаря тому, что у нас был выход к воде, папа мог разводить и тренировать лошадей для повозок и дилижансов, дойных коров, десятки кур, несколько свиней и даже павлинов.

Павлины были папиным коммерческим начинанием, не оправдавшим его ожиданий. Он потратил кучу денег на покупку павлинов на ферме, расположенной далеко на востоке. Папа был совершенно уверен в том, что павлины — это символ элегантности и стиля, поэтому те, кто покупал его тягловых лошадей, гарантированно будут готовы выложить еще пятьдесят долларов за павлина, дабы продемонстрировать свое

благосостояние и принадлежность к высшему классу. Он коварно планировал продавать только самцов павлинов, чтобы никто другой не смог разводить павлинов в нашем районе.

К сожалению, папа сильно переоценил спрос на павлинов в западном Техасе (даже среди тех, кто мог позволить себе свой собственный дилижанс). В результате через несколько лет на нашем ранчо развелась масса бесхозных павлинов. Они гордо расхаживали по территории, кричали, клевали нас в колени, пугали лошадей, убивали цыплят и нападали на свиней. Хотя должна признать, что в перерывах между террористическими выходками они были очень красивыми, когда распускали свои хвосты.

В любом случае павлины не были папиным главным товаром. Как я уже писала, папа занимался разведением и воспитанием лошадей. Он обожал лошадей, несмотря на то, что много лет назад у него с ними приключилась очень плохая история. Когда папе было всего три года, он бежал в стойле для лошадей, и одно из животных лягнуло его в голову, чуть не разбив череп. Папа несколько дней пролежал в коме, и никто не думал, что он выживет. Однако в конце концов, папа поправился, но правая сторона его тела плохо двигалась. Он подволакивал правую ногу, а его правая рука была полусогнута и все время торчала в сторону, словно крыло на ощипанной курице. В молодости папа работал на очень шумной мукомольне на нашем ранчо и поэтому стал немного тугим на ухо. И кроме всего прочего, у него были проблемы с произношением, поэтому к его выговору надо было привыкнуть, иначе было сложно понять, что он говорит.

Папа не затаил ненависти на лошадей за то, что в свое время одна из них его лягнула. Он много раз повторял, что тогда лошадь поняла только одно — рядом с ней бегает существо величиной с пуму. Лошади никогда не ошибаются. Они никогда ничего не делают без причины, поэтому пойди разберись, что тогда у лошади было в голове. Хотя лошадь его чуть не убила, папа души не чаял в этих животных, потому что в отличие от людей они его всегда понимали и никогда его не жалели. Из-за того несчастного случая папа не мог сидеть в седле, но это не мешало ему обучать лошадей тянуть повозки и дилижансы.

Я родилась в землянке на берегу реки Солт Дро в 1901 году, через год после того, как папа вышел из тюрьмы, где сидел по сфабрикованному обвинению в убийстве.

Папа вырос на ранчо в долине Хондо в штате Нью-Мексико.

Его отец в 1868 году получил землю бесплатно как поселенец.[2] Его отец и мой дед был одним из первых белых поселенцев в том районе. Однако к тому времени, когда папа подрос, туда приехало больше поселенцев, чем река была в состоянии прокормить. Начались споры о том, где проходят границы участков, и в особенности о правах на использование воды из реки. Все, кто жил ниже по течению, постоянно жаловались на то, что их соседи, живущие выше, используют больше воды, чем следовало. При этом жившие еще ниже по течению выдвигали точно такие же упреки к первым. Споры перерастали в драки, судебные тяжбы и перестрелки. Когда папе было 14 лет, его отца и моего дедушку, Роберта Кейси, застрелили в результате подобного спора. Папа остался на ранчо вместе со своей матерью. Но споры не закончились, и когда через двадцать лет был убит очередной поселенец, полиция решила списать дело на моего папу.

Папа настаивал на том, что его «подставили», писал длинные письма сенаторам, конгрессменам и в газеты, громко заявляя о том, что не виновен. Он отсидел три года, после чего его отпустили, он встретил мою маму и они поженились. Однако прокурор планировал снова завести на него дело, поэтому папа решил, что будет гораздо спокойнее, если он побыстрее от греха подальше уедет из долины Хондо. С мамой они переехали к реке Солт Дро, где и заявили о своих правах на участок земли.

Многие переселенцы в районе Солт Дро жили в землянках, потому что леса в тех местах было мало. Папа вырыл рядом с берегом реки большую яму и накрыл ее сучьями кедра и илом. В землянке была одна комната, земляной пол, деревянная дверь и печка-буржуйка, труба которой выходила через крышу.

Землянка хороша тем, что летом там прохладно, а зимой не слишком холодно. Но самое неприятное в ней то, что время от времени с потолка или стен падают скорпионы, появляются змеи, сороконожки, американские мешетчатые крысы и кроты. Однажды, во время пасхального обеда на обеденный стол свалилась гремучая змея. Папа в тот момент резал ветчину и мгновенно воткнул нож в змею, отрубив ей голову.

Во время дождя стены и потолок землянки превращались в жидкую грязь. Иногда большие куски земли отваливались от потолка, и их приходилось снова прилаживать на место. Иногда козы, оказавшись на крыше, проваливались, и мы видели, как на потолке появлялось копытце, после чего козу приходилось вытаскивать из «западни» и заделывать дырку.

У землянки был еще один серьезный недостаток — обилие

комаров. Иногда их было так много, что казалось, что плывешь в облаке назойливых насекомых. Особенно они досаждали маме, с ее кожи укусы не сходили по нескольку дней. Однажды из-за этих комаров я заболела желтой лихорадкой.

Мне тогда было семь лет. На второй день болезни у меня начались озноб, рвота и боль в теле. Мама очень боялась, что я могу заразить остальных детей, и хотя папа уверял, что заболеть можно только от укуса комара, мама соорудила импровизированную ширму вокруг моей кровати, отгородив меня от всех остальных. Папа был единственным, кто мог заходить за ширму, и он проводил со мной целые дни, растирая меня водкой, чтобы сбить температуру. Я бредила и в бреду видела совершенно иные белые миры, где обитали зеленые и фиолетовые существа, изменявшиеся в размерах при каждом ударе моего сердца.

Когда лихорадка, наконец, прошла, я весила на три килограмма меньше, от меня остались кожа да кости, и я была вся желтой. Папа рассказывал, что мой лоб был таким горячим, что он себе чуть ладонь не обжег, когда его трогал. Мама просунулась тогда за ширму, чтобы посмотреть, как у меня идут дела, и заявила: «Высокая температура может все мозги сжечь. Ты никому не говори, что у тебя была высокая температура, а то потом будет сложно мужа найти».

Мама очень беспокоилась о том, чтобы в будущем ее дочери нашли подходящих мужей. Ей всегда хотелось, чтобы все было «пристойно» и «правильно». Нашу землянку мама украсила настоящим восточным ковром, шезлонгом с тележкой на колесиках для сервировки напитков, накрытой небольшой вышитой скатертью, бархатными занавесками, которые закрывали стену, создавая иллюзию, что за ними находится окно, серебряными столовыми приборами и столом из дерева грецкого ореха, который ее родители привезли с собой, когда переезжали с востока страны в Калифорнию. Мама очень любила этот стол, говоря, что он дает ей возможность спокойно спать по ночам, потому что напоминает о цивилизованном мире.

Мамин отец был золотоискателем и в свое время неплохо заработал на приисках к северу от Сан-Франциско. Несмотря на то что моя мама (до замужества ее величали Дэйзи Мей Пикок) росла в мелких городишках, возникавших вокруг приисков, она получила воспитание почти как в благородных семьях. У нее была нежная белая кожа, которая быстро обгорала на солнце, и мама очень легко могла порезаться. Когда мама была маленькой, ее мать заставляла ее надевать льняную повязку каждый раз, когда та выходила на солнце. В западном Техасе мама всегда носила на

улице шляпу с вуалью и длинные перчатки, а выходить на улицу старалась как можно реже.

Мама занималась хозяйством в землянке, но отказывалась таскать воду и дрова. «Ваша мама настоящая леди» — такими словами папа обычно объяснял мамино нежелание заниматься физическим трудом. Всю тяжелую работу папа делал сам или при помощи нашего батрака, индейца Апачи. На самом деле он не был индейцем апачи. Индейцы взяли его в плен, когда ему было шесть лет, и держали у себя до тех пор, пока тот не вырос. Потом, когда на лагерь индейцев напал отряд американской военной кавалерии, для которого отец папы выполнял функции разведчика, краснокожие стали кричать: «Soy blanco! Soy blanco!»[3] После этого пленник индейцев остался жить с семьей моего дедушки.

Ко времени, о котором я рассказываю, Апачи был уже стариком с такой длинной белой бородой, что ему приходилось заправлять ее в штаны. Он был одиночкой и мог часами смотреть на линию горизонта или на стену сарая. Иногда он исчезал на несколько дней, но всегда возвращался. Все наши соседи считали Апачи весьма странным человеком, но, с другой стороны, все придерживались точно такого же мнения о моем отце, поэтому папа и Апачи прекрасно находили общий язык.

Готовила и убирала нам служанка по имени Лупе. До того, как попасть к нам, она забеременела, и после родов ей пришлось уйти из своей деревни возле города Хуарес (Juárez), потому что она опорочила честь своей семьи, и никто на ней никогда бы не женился. Лупе была невысокого роста и была очень похожа на бочонок. Она была еще более истовой католичкой, чем наша мама. Бастер называл ее Лупи,[4] но я ее искренне любила. Несмотря на то что родители отняли у нее ребенка, и сама она спала на полу землянки, на одеяле индейцев навахо, она никогда себя не жалела. Я решила, что, пожалуй, именно это качество я больше всего ценю в людях.

Хотя Лупе помогала маме по хозяйству, маме не нравилась жизнь в Солт Дро. Когда все только начиналось, она рассчитывала не на такой поворот событий. Ей казалось, что она удачно вышла замуж за Адама Кейси, несмотря на его хромоту и невнятный выговор. Отец моего папы иммигрировал из Ирландии, когда там несколько лет не было урожая картофеля и люди умирали десятками тысяч. Дед тогда поступил на службу во Второй драгунский полк — одну из первых кавалерийских частей в армии США — и служил под началом полковника Роберта Ли.[5] Он сражался с разными племенами индейцев: команчи, апачи и киова. После того как он ушел из армии, он купил себе ранчо

сначала в Техасе, а потом и в долине Хондо. Когда его застрелили, у него было одно из самых больших стад во всей округе.

Роберта Кейси застрелили на центральной улице города Линкольн в штате Нью-Мексико. Согласно одной из версий причиной убийства послужил его спор с неким человеком из-за долга в восемь долларов. Его убийцу повесили, и потом в долине долго еще все это вспоминали. Дело в том, что, после того как его повесили, сняли, положили в гроб и похоронили, некоторые начали утверждать, что из-под земли стали раздаваться странные звуки. Поэтому на всякий случай тело выкопали из могилы и снова повесили.

После смерти Роберта Кейси его дети начали спорить о том, как поделить огромное стадо. Споры продолжались до папиной смерти и испортили всем много крови. Папе достался участок земли в долине Хондо, но он считал, что его старший брат оттяпал себе больший и более лакомый кусок наследства, а именно: увел отцовское стадо скота в Техас, поэтому папа писал при помощи адвокатов жалобы и петиции. Он продолжил судебные тяжбы даже после того, как сам перебрался в западный Техас. Он постоянно возвращался на суды в Нью-Мексико, и кроме этого постоянно судился с другими поселенцами и владельцами ранчо в долине Хондо.

Папа был очень нетерпеливым человеком и неизменно возвращался из судов в страшном гневе. Отчасти такой склад его характера можно было объяснить горячей ирландской кровью, а во многом тем, что у него не хватало терпения объяснять и повторять людям, которые зачастую просто не понимали, что он говорит. Папа считал, что непонимающие его собеседники — его собственные братья, их адвокаты, коробейники, разного рода полукровки, торгующие лошадьми, — думают, что он глуп, и поэтому пытаются его объегорить. В гневе он начинал ругаться и плеваться и мог так разозлиться, что доставал пистолет и начинал стрелять не в людей, а по вещам. Или, лучше скажем, большей частью по вещам.

Однажды он разозлился на жестянщика, который, по его мнению, пытался содрать с него слишком высокую цену за починку чайника. Жестянщик начал передразнивать выговор отца, и папа бросился в дом за ружьями, но Лупе поняла, к чему может привести этот спор, и заблаговременно спрятала оружие под своим одеялом навахо. Папа, конечно, орал о том, что у него пропало оружие, но я убеждена, что тогда Лупе спасла жизнь несчастному жестянщику. Если бы папа тогда его застрелил, то

его бы самого повесили, что и произошло с убийцей его собственного отца и моего деда.

Папа говорил, что жизнь была бы гораздо проще и приятней, если бы мы получили от нее все то, что нам полагается по праву. Однако даже за то, что тебе полагается по праву, надо бороться. Папа по уши завяз в судебных тяжбах, а все остальные члены семьи тем временем самоотверженно боролись с силами природы. Бастер, Хелен и я провели ночь на тополе во время наводнения, и это было далеко не единственное наводнение или разлив реки Солт Дро, которое нам пришлось пережить. Паводковые и другие наводнения случались в той части Техаса нередко, можно было с уверенностью ожидать крупного наводнения каждые два года.

Помню, когда мне было восемь лет, мы пережили еще одно страшное наводнение. Тогда папа был в Остине, заполняя и подавая очередные судебные бумаги. Ночью Солт Дро разлилась и стала затапливать нашу землянку. Я проснулась от раскатов грома, и когда спустила ноги с кровати, то по колено оказалась в воде. Мама схватила Хелен и Бастера, поднялась по склону берега вверх и принялась молиться, а мы с Апачи и Лупе остались в землянке. Мы забаррикадировали дверь ковром, начали вычерпывать воду и выливать ее через окно. Мама вернулась и стала умолять, чтобы мы пошли с ней молиться.

«К черту молитвы! — закричала я. — Вычерпывай воду, черт подери, вычерпывай!»

Мама была в шоке. Она, возможно, подумала о том, что бог от меня отвернется и проклянет меня за мои слова. Я и сама не ожидала своей реакции, но вода поднималась быстро и ситуация была очень опасной. Мы зажгли керосиновую лампу и увидели, что стены землянки могут обрушиться. Если бы мама нам тогда помогла, мы, возможно, смогли бы спасти землянку. По крайней мере, если бы мы вместе за нее боролись, у нас был бы небольшой, но все-таки шанс. Втроем с Лупе и Апачи мы явно не справлялись. Когда начал заметно проседать потолок, мы быстро вытащили наружу мамин стол из орехового дерева, затем стены и потолок землянки обвалились, похоронив внутри весь наш скарб.

После этого случая я долго злилась на маму. Мама твердила, что все это — воля божья и, следовательно, ей надо подчиниться. Но я по-другому воспринимала происходящее. Я полагала, что подчиниться — значит сдаться. Если Бог дал нам силы вычерпывать воду и таким образом показал нам путь к спасению, так именно этим и надо было заниматься, верно?

Как выяснилось позже, нет худа без добра. Наш сосед-

белоручка мистер МакКлург жил в доме из двух комнат. Этот дом он построил из бревен, которые привезли из Нью-Мексико. Наводнение размыло фундамент его дома, и стены упали. Мистер МакКлург заявил, что больше не хочет жить в сей забытой богом дыре и возвращается в Кливленд. Как только папа вернулся из Остина, мы дружно запрыгнули в повозку и быстро, пока никто из соседей не сообразил, что надо делать, поехали разбирать остатки дома МакКлурга. Мы взяли все, что можно было взять: сайдинг, стропила, балки, двери, половые доски. К концу лета мы отстроили себе новый дом на холме. Когда дом побелили, он ничем не отличался от нового, и никто никогда бы и не догадался, что построили мы его из обломков чужого дома.

Мы стояли и любовались домом. Мама повернулась ко мне и сказала: «Вот видишь, разве это не доказательство божьей воли?»

Я ничего не ответила. Задним числом всегда легко рассуждать и делать выводы, но когда ты решаешь кризисную ситуацию, тебе совершенно не до того, чтобы думать о божьей воле.

Я спросила папу, верит ли он в то, что во всем есть божья воля.

«И да и нет, — ответил он. — Бог каждому из нас раздал карты. Как мы с этим картами играем, это уже наше дело».

Я хотела спросить папу о том, считает ли он, что бог раздал нам плохие карты, но почему-то не решилась. Иногда папа вспоминал, как лошадь лягнула его в голову, но никто из нас никогда сам не поднимал разговор о его хромоте, дефектах речи и плохой дикции.

Папин дефект речи и дикции выражался в том, что, когда он говорил, казалось, будто он находится под водой. Допустим, если он говорил «Запрягайте лошадь», большинство людей слышали «Сапры адь», а фраза «Маме надо отдохнуть», звучала «Мыы на уть».

Ближайшим к нам городом был городишко Тойа, расположенный в шести километрах от нашего дома. Иногда, когда мы приезжали в город по делам, местные дети ходили за папой хвостом и передразнивали его выговор. В такие моменты мне хотелось сильно ударить их чем-нибудь тяжелым и твердым. Но если вместе с нами была мама, Хелен и Бастер, я не могла себе позволить такое поведение и просто с ненавистью смотрела на этих злых детей. Сам папа вел себя так, словно назойливые дети вообще не существовали. Понятное дело, что он не собирался доставать свой револьвер и использовать его против малолетних, как он планировал поступить, скажем, с

жестянщиком, но однажды, когда мы были в стойле для лошадей, пара детей настолько сильно досадила отцу, что я по его глазам заметила, что ему очень больно и тяжело. Бастер помогал загружать вещи в телегу, а я вернулась в стойло и быстро объяснила детям, что своим поведением они делают людям больно. Ребята выслушали меня, злорадно улыбаясь. Тогда я толкнула их в навозную кучу и быстро убежала. Скажу вам, что ни одно из плохих дел, совершенных потом мною в жизни, не доставило мне такого большого удовольствия. Единственное, о чем я могла пожалеть, — лишь о том, что не могла рассказать об этом папе.

Эти дети, да и многие взрослые, не понимали одного: мой папа плохо и непонятно говорит, но это не значит, что он был недоумок. Наоборот, с головой у него было все в порядке. Когда папа был мальчиком, у него была гувернантка-учительница, он прочитал много книг по философии и писал длинные письма известным политикам вроде Уильяма Тафта, Уильяма Дженнингса Брайена и Фредерика Севарта, который был госсекретарем США во время президентства Авраама Линкольна. Севарт даже отвечал папе, и папа очень дорожил его письмами и хранил их в небольшой железной коробке под замком.

Папа был настоящим мастером письма и выражения своих мыслей на бумаге. Я не знала человека, который бы выражал свои мысли в письменном виде более изящно и красиво. У папы был прекрасный витиеватый почерк, а его предложения — длинными и экстравагантными. Папа часто использовал сложные слова, такие, как mendacious[6] или abscond,[7] тогда как большинству жителей Тойи, чтобы понять, что эти слова значат, надо было с оханьем залезать в словарь. Папу очень волновали вопросы индустриализации и механизации труда, который, по его мнению, убивает душу человека. Кроме этого у него было еще два любимых конька: запрет употребления алкоголя и фонетическое написание слов. Обе эти проблемы папа считал причиной иррационального поведения своих современников.

Когда папа был подростком, он часто был свидетелем того, как пьяные люди начинали друг в друга стрелять. У его отца, моего деда, был на ранчо Рио Хондо собственный магазин горячительных напитков, и ему однажды пришлось застрелить пьяного клиента, который собирался застрелить его самого. Папа считал, что крепкий алкоголь — главная причина вымирания и деградации индейцев, а также того, что многие считают ирландцев сумасшедшими. Когда папиного отца убили, папа вылил весь алкоголь из запасов отцовского магазина. И когда я была маленькой, у нас в доме не было ни капли алкоголя, и все

мы никогда не пили ничего, крепче чая, — к величайшему сожалению прибившегося к нам Апачи.

Папу ужасно раздражало, что правописание в английском языке не совпадает с фонетикой. Он громко протестовал против использования буквосочетаний наподобие sh или ph. Папа считал совершенно необязательным написание букв, которые не читаются в слове или в сочетании звуков. Папа придерживался мнения о том, что было бы гораздо проще читать, и гораздо проще построить общество всеобщей грамотности, если выкинуть подобные нечитаемые буквы из слов.

Школа в городе Тойя располагалась в одной комнате. Папа считал, что образование в этой школе плохое, поэтому решил обучать меня сам. Каждый день после обеда, когда на улице было слишком жарко для того, чтобы работать на открытом воздухе, он обучал меня грамматике, истории, арифметике и другим наукам. После окончания уроков с папой я начинала обучать Бастера и Хелен. Папиным любимым предметом была история, которую он преподавал мне, скорее с точки зрения ирландца. Он ненавидел первых переселенцев из Англии, которых презрительно называл «помами», и презирал основателей нации, которые в свое время создали Соединенные Штаты. Папа говорил, что эти люди — лицемеры, корчившие из себя святош. Они объявили всех людей равными, что нисколько не мешало им самим держать рабов и без зазрения совести истреблять мирных индейцев. В вопросе войны Америки с Мексикой папа занимал четкую промексиканскую позицию и считал, что США при помощи войны просто украли у Мексики земли к северу от реки Рио-Гранде. И папа утверждал, что южные штаты имеют полное право выйти из состава США, подобно тому, как в свое время Америка перестала быть колонией Англии и вышла из состава Британской империи. «Разница между предателем и патриотом очень тонкая и зависит исключительно от выбранной тобой точки зрения», — говорил он.

Папины уроки мне очень нравились, в особенности геометрия и другие точные науки. Мне нравилось учиться и постигать невидимые правила, объяснявшие тайны мира, в котором мы живем. Хотя мама с папой считали, что я получаю гораздо более качественное образование дома, чем в школе города Тойя, в 13 лет мне нужно будет пойти в настоящую школу, чтобы социализироваться и получить диплом. Папа говорил, что в этом мире недостаточно иметь хорошее образование, требуется документ, подтверждающий и доказывающий, что ты его получил.

Мама делала все возможное, чтобы ее дети росли и воспитывались так, как это принято в благородных семьях. Когда я занималась с Бастером и Хелен, мама равномерно сотней

движений расчесывала мне волосы. Она откидывала мне волосы назад и втирала в проборы ланолин с костным мозгом для того, чтобы волосы больше блестели. На ночь мама вплетала мне в волосы небольшие кусочки бумаги, которые она называла папильотками. «Волосы — это корона женщины», — поговаривала мама. Она утверждала, что мой «мыс вдовы»[8] — самая красивая часть моего лица, но когда я сама внимательно рассматривала в зеркале V-образный клинышек волос на лбу, мне не казалось, что в нем есть что-то исключительное.

Несмотря на то что мы жили в глуши в шести километрах от города Тойя и могли на протяжении нескольких дней не видеть никого, кроме членов нашей семьи, Апачи и Лупе, мама всегда старалась выглядеть, как настоящая леди. Она была худой, невысокого роста, и у нее была такая маленькая нога, что она носила высокие ботинки на кнопках детского размера. Чтобы руки были белыми, она натирала их мазью, сделанной из меда, лимонного сока и буры. Мама носила корсеты, самым жесточайшим образом затянутые в талии, которые я помогала ей надевать и зашнуровывать. Из-за давления корсета мама часто теряла сознание, что считала показателем своего благородного происхождения, воспитания, тонкой натуры и нежной конституции. Я придерживалась прозаического мнения о том, что корсет мешал ей дышать. Когда мама теряла сознание, я должна была привести ее в чувство, поднеся ей под нос флакончик с нюхательной солью, который она носила на розовой ленте, обвязанной вокруг шеи.

Из всех детей мама чувствовала самую сильную связь с Хелен, унаследовавшей мамину нежную конституцию, руки и ноги которой были такими же миниатюрными, как у нее самой. Иногда они читали друг другу стихи, а полуденный зной проводили вместе в мамином шезлонге. Мама была очень близка с Хелен, что нисколько не мешало ей души не чаять в своем единственном сыне Бастере, которого она считала будущим всей нашей семьи. Бастер был шустрым мальчишкой с неотразимой улыбкой, и возможно, в качестве компенсации судьбы за папины речевые проблемы и сложности Бастер говорил так быстро, словно строчил из пулемета, и мог уболтать и уговорить кого угодно в округе. Мама шутила, что Бастер может уговорить луну спуститься с неба. Она постоянно повторяла Бастеру, что он может добиться многого и стать кем пожелает: железнодорожным магнатом, владельцем огромного ранчо или губернатором штата Техас.

Мама не очень хорошо представляла себе, чего в жизни смогу

добиться я. Она боялась, что я не найду себе мужа, потому что я не вела себя так, как подобает истинной леди. У меня были немного кривые ноги. Мама считала, что все это потому, что я слишком много езжу верхом. Кроме этого ее смущало то, что мои передние зубы сильно выступали вперед. Мама купила мне красный шелковый веер, чтобы я могла прикрывать им рот. Каждый раз, когда я чересчур громко смеялась или широко улыбалась, мама строго произносила: «Лили, дорогая, веер».

Мама была не самым практичным человеком на этом свете, поэтому в самом раннем возрасте я поняла, что важно уметь делать дела и доводить их до конца. Такой настрой очень сильно удивлял и трогал маму, которая хотя и придерживалась мнения о том, что я не веду себя как истинная леди, все же считала, что на меня можно положиться. «Никогда в жизни не встречала такой находчивой и сообразительной девочки, — говорила мама, — хотя, если честно, я даже не знаю, хорошо это или плохо».

Мама считала, что женщины не должны браться за мужскую работу, а оставлять ее мужчинам, которые, занимаясь этой работой, проявляют и развивают свою мужественность. Все это было бы очень хорошо, если бы в семье был сильный мужчина, который взял бы на себя всю тяжелую мужскую работу. Однако папа был хромой, Бастер — мастером уверток и отговорок, а Апачи постоянно исчезал именно тогда, когда надо было что-то сделать. Получалось, что мне приходилось следить за тем, чтобы все в доме и на ранчо работало и функционировало. Даже если все мы работали вместе, дел оставалось невпроворот. Я любила наше ранчо, хотя иногда мне казалось, что не мы им владеем, а оно нами.

Мы слышали об электрификации больших городов на востоке страны, в которых было так много электрических лампочек, что на улицах оставалось светло даже после захода солнца. Однако в Техасе еще мало где было электричество, поэтому все приходилось делать как в старину: разогревать на плите утюг, чтобы погладить мамины блузки, варить поташ и щелочь в чанах на огне, чтобы сделать мыло, насосом вручную качать воду, чтобы помыть посуду, а потом вынести грязную воду и полить ей овощи, растущие в огороде.

Мы слышали, что в богатых домах на востоке проводят воду и канализацию, но ни у кого в западном Техасе подобных удобств не было и в помине, да и большинство местных жителей, включая маму и папу, считали идею установки туалета внутри дома абсурдной и даже отталкивающей. «Скажите, ради бога, кому сдался нужник в самом доме?» — задавался риторическим

вопросом папа.

Я с раннего детства научилась понимать, что говорит папа, и когда мне исполнилось пять лет, начала помогать ему обучать лошадей. Чтобы приучить пару лошадей везти дилижанс или повозку, папе требовалось шесть лет. На нашем ранчо всегда было шесть пар лошадей в разной степени подготовки. Папа в год продавал пару лошадей, и этого хватало, чтобы сводить концы с концами. Лошади в паре должны были быть не просто хорошо обучены, но и соответствовать друг другу по масти. Например, не могло быть такого, чтобы только у одной лошади из пары были белые «чулки».

Годовалые жеребята и молодые лошади, которым было два года, спокойно паслись, и папа не пытался их чему-либо научить. «В первую очередь лошадь должна научиться быть лошадью», — говорил он. Я работала с лошадьми, которым исполнилось три года. Я приучала их к удилам и обучала основным принципам, которые должны понимать тягловые лошади. Кроме того, я помогала папе надевать и снимать сбрую и седло с лошадей постарше, уже подходивших к концу периода обучения. Я в качестве возницы управляла парами лошадей, гоняя их по кругу, в центре которого стоял папа с кнутом. Папа следил за тем, чтобы лошади высоко поднимали ноги, одновременно меняли темп и скорость, дрессировал их на аллюры и следил за тем, чтобы они красиво держали шеи.

Папа любил повторять, что все, кто работает с лошадьми, должны научиться думать, как эти животные. Он часто повторял: «Думай, как лошадь». Он считал, что очень важно понять следующее: лошади — это боязливые создания, которые могут испугаться в любую секунду. И чтобы их не загрызли волки и пумы, лошади имеют только одно оружие — они умеют лягаться и убегать. Лошади бегут быстрее ветра, они скачут наперегонки друг с другом, потому что хищники валят только самое слабое животное, отстающее от стада. Лошади хотят, чтобы их защищали, и если тебе удается убедить лошадь в том, что ты будешь ее защищать, она пойдет за тобой в огонь и в воду.

У папы был целый лексикон свистков, мурлыканья, цоканья языком, фырканий, похрюкиваний и других звуков, при помощи которых он общался с лошадьми. Казалось, что он разговаривает с ними на своем языке. Он никогда не стегал их по спинам и не делал им больно, он лишь подавал им сигналы, хлопая кончиком кнута рядом с их ушами, поэтому лошади его не боялись.

Папа сам изготовлял сбрую для лошадей. Казалось, что он становился совершенно счастливым, когда, сидя за швейной

машинкой и работая ножной педалью, что-то напевал себе под нос. Вокруг папы лежали обрезки кожи, большие ножницы, банки с маслом, катушки толстых ниток и огромные иголки, которыми шьют седла. Никто не беспокоил папу, никто его не жалел и не чесал рукой в затылке, пытаясь понять, что он хочет сказать.

Я объезжала лошадей. Это, конечно, было гораздо проще, чем объезжать диких мустангов, потому что наши лошади знали нас и жили на ранчо с рождения или с той поры, когда были жеребятами. Чаще всего я забиралась на спину лошади. Так как седла мы для этого не использовали, если лошадь оказывалась слишком худой, то я сильно натирала себе попу. Я хватала лошадь за гриву, ударяла пятками по бокам, и мы неслись вперед. Лошадь могла останавливаться или вставать на дыбы, потому что не понимала, что маленькая девочка делает у нее на спине, но очень быстро привыкала ко мне, переставала роптать на свою судьбу, и все шло прекрасно. Потом можно было начинать использовать седло, а после этого и приступать к обучению.

Тем не менее с необъезженными лошадьми могли возникнуть трудности, и лошади меня неоднократно сбрасывали. Мама ужасно этого боялась, но папа обычно не переживал по сему поводу и помогал мне встать на ноги.

«Самое важное в жизни, — говорил он в таких случаях, — это научиться падать».

Иногда мне удавалось падать правильно. Лошадь могла споткнуться или пыталась сбросить меня, а мое тело по инерции продолжало двигаться вперед, в результате чего ноги вылетали из стремян, и я двумя руками обхватывала лошадь за шею. Если я не могла снова выпрямиться в седле, надо было отпускать руки, падать с лошади и, упав на землю, откатываться в сторону. Но самыми опасными были падения, происходящие настолько молниеносно, что у тебя нет времени на все эти маневры.

Однажды папа очень дешево купил кастрированного мерина. Он был из кавалерийской части, и, учитывая эту особенность биографии, папа назвал мерина Рузвельтом. Может быть, потому, что Рузвельта кормили в свое время пшеницей, или потому, что он слышал много громких звуков (зовущих в атаку труб и залпов пушек) — в общем, не знаю даже, почему, но Рузвельт оказался очень пугливым животным. Он был необыкновенно красив — темного цвета ноги и круп в пятнах, но любые резкие звуки заставляли его подпрыгивать, как зайца.

Прошло совсем немного времени после того, как мы взяли Рузвельта, я ехала на нем от сарая к дому. Неожиданно перед

нами пронесся орел. Рузвельт резко развернулся, и я вылетела из седла, словно выпущенный из пращи камень. Пытаясь смягчить удар, я выставила вперед руку и сломала предплечье. Место, где кость сломалась пополам, было прекрасно видно под вздувшейся над ним кожей. Папа говорил, что я — крепкий орешек, но, глядя на такой перелом и то состояние, в котором находилась моя рука, я не смогла сдержаться и начала реветь, как маленький ребенок.

Папа отнес меня на кухню. Когда мама меня увидела, она открыла рот и начала ловить им воздух, словно выброшенная на берег рыба. Потом, когда мама снова обрела дар речи, она сказала папе, что такой маленькой девочке, как мне, нечего делать в седле на спине необъезженной лошади. Папа заявил, что маме стоит взять себя в руки, поэтому она ушла в спальню и плотно закрыла за собой дверь. Папа соединил сломанную кость, попросил Лупе нарезать бинтов из льняного полотна, а сам замесил гипс из мела, яиц, муки и смолы. Потом он плотно обвязал бинты вокруг руки и намазал их гипсом.

Потом папа вынес меня на крыльцо и посадил так, чтобы я смотрела на далекие горы. Через некоторое время я перестала плакать, потому что слез у меня больше не осталось. Я сидела, свесив голову на плечо, как птичка с перебитым крылом.

«Глупая лошадь», — вымолвила я наконец.

«Никогда не вини лошадь, — сказал папа. — Просто животное научилось себя вести так, а не иначе. И лошади, кстати, совсем не глупые. Они знают то, что им нужно знать. Я тебе даже больше скажу — мне всегда казалось, что лошади делают вид, что они глупее, чем есть на самом деле. Приблизительно, как индейцы делают вид, что не понимают английского, хотя просто не хотят говорить, потому что им ясно, что из общения с белыми ничего хорошего не выйдет».

Папа пообещал мне, что через четыре недели я снова буду в седле, и все произошло так, как он предсказывал. «В следующий раз даже не пытайся остановить падение», — посоветовал мне папа.

«В следующий раз? — в ужасе переспросила мама. — Я была уверена, что следующего раза уже не будет».

«Сама знаешь: надейся на лучшее, но готовься к худшему, — ответил папа. — В любом случае, главное, помни: когда падаешь — падай и не пытайся остановиться. Заслужила наказание — получай. И не волнуйся, тело само знает, как падать».

Потом папа решил заняться воспитанием Рузвельта и открыл «школу для неуправляемых лошадей имени Адама Кейси». Он привязал голову Рузвельта к хвосту и заставлял его так стоять

часами для того, чтобы научиться терпению. А чтобы лошадь привыкла к шуму, он привязал к гриве жестяные банки с гравием внутри.

Поведение Рузвельта улучшилось, и папа, хорошо при этом заработав, продал его людям, которые решили переехать в Калифорнию. Папа никогда ни в чем не винил лошадей, но и не испытывал к ним излишней сентиментальной привязанности. «Если не можешь остановить лошадь — продай ее, ну а если не можешь продать — застрели».

Я занималась не только лошадьми. У меня была и другая обязанность — кормить кур и собирать яйца. У нас было два десятка куриц и пара петухов. Утром я давала им пару горстей кукурузных зерен, объедки с нашего стола и добавляла извести в их воду, чтобы яичная скорлупа была тверже. Весной, когда наседки хорошо неслись, я в неделю собирала по сотне яиц. Двадцать пять или тридцать штук мы оставляли себе, а остальные я раз в неделю отвозила в Тойю и продавала владельцу продуктового магазина мистеру Клаттербаку — маленькому человечку, который носил зажимы на рукавах и расписывал стоимость покупок на коричневой бумаге, в которую эти покупки и заворачивал. Он платил мне по центу за яйцо, а продавал их по два цента за штуку, что мне казалось страшной несправедливостью, потому что я делала все: кормила кур, собирала яйца и привозила ему товар. На все мои возражения мистер Клаттербак отвечал: «Прости, девочка, но мир устроен так, а не иначе».

Я стала продавать яйца павлинов. Было приятно, что на этих птицах можно хоть как-то заработать. Я надеялась, что цена на яйца павлинов будет выше, потому что их яйца были вдвое больше, но мистер Клаттербак все равно давал мне за них один цент. «Яйцо — это яйцо», — сказал он. Я решила, что этот скряга обманывает меня, потому что я девочка, но изменить цену не была в состоянии. Так все в этом мире устроено.

Папа считал, что мне полезно ездить в город и торговаться с мистером Клаттербаком о цене яиц: я улучшала свои познания в математике и училась искусству ведения переговоров. Все это, по словам папы, должно было помочь мне найти смысл моей жизни. Папа был философом, и у него была теория смысла и цели. Папа считал, что все в жизни должно иметь смысл и выполнять свое предназначение. Иначе ты просто попусту занимаешь место на этой планете и бесполезно растрачиваешь свое время.

Именно поэтому папа никогда не покупал своим детям

игрушки. Он говорил, что игрушки — это пустое времяпрепровождение. Вместо того чтобы играть в куклы, девочки должны заниматься уборкой в настоящем доме и следить за настоящими детьми, потому что предназначение девочки — стать матерью.

Однако папа не запрещал нам играть. Время от времени вместе с Бастером и Хелен я отправлялась на ранчо Динглеров, чтобы поиграть в бейсбол с их детьми. Нас было слишком мало, чтобы составить две команды с полным набором игроков, поэтому мы выдумывали разные собственные правила. Одно из таких правил: бегущего между бейсами игрока можно было «выбить», попав в него мячом. Когда мне было десять лет, один из мальчишек Динглеров так сильно попал мне в живот мячом, что боль не проходила даже, когда мы вернулись домой. Папа отвез меня в Тойю к парикмахеру, который иногда подрабатывал хирургом. Парикмахер сказал, что у меня лопнул аппендицит и мне срочно нужно ехать в больницу в Санта-Фе. Мы уехали на ближайшем дилижансе, который туда направлялся. Уже по пути в Санта-Фе я начала бредить. Я пришла в себя на следующее утро в больнице. На животе у меня были швы, а у кровати сидел папа.

«Не переживай, ангел мой», — сказал он и объяснил, что аппендикс, слепая кишка, — это рудиментарный орган, существование которого не имело никакого смысла. Если бы я сама могла выбрать, какой орган потерять, то избавляться надо было именно от него. Однако, продолжил папа, я чуть было не рассталась с жизнью. И ради чего? Игры в бейсбол? Если я хочу рисковать жизнью, стоит делать это со смыслом. Я согласилась с папой. Оставалось только понять, в чем смысл моей собственной жизни.

Мама часто говорила, что, если ты хочешь напомнить себе, что Господь тебя любит, надо увидеть рассвет.

Если ты хочешь напомнить себе о гневе Господнем, добавлял папа, надо увидеть торнадо.

В Солт Дро мы пережили достаточно много торнадо и боялись их даже больше, чем наводнений. Чаще всего торнадо выглядели, как узкие конусы серого дыма, а в период засухи они были практически прозрачными, и у основания конуса можно было разглядеть крутящиеся камни и сучья деревьев. Издалека казалось, что они движутся медленно, словно под водой, элегантно покачиваясь из стороны в сторону.

Большая часть торнадо были мелкими завихрениями воздуха, которые разгоняли кур и сдували сушащееся на веревке белье. Но однажды, когда мне было одиннадцать лет, мы пережили очень серьезное торнадо.

Мы с папой работали с лошадьми. Неожиданно небо стало черным, а воздух сделался тяжелым. Стало понятно, что нас не ждет ничего хорошего. Папа увидел торнадо первым. Он шел с востока и был величиной от земли до облаков.

Я стала быстро распрягать лошадей, а папа побежал в дом, чтобы предупредить маму. Мама незамедлительно начала открывать все окна в доме, потому что где-то слышала, что это помогает избежать перепада давления и может спасти дом. Лошади топали и ржали. Папа не хотел оставлять их запертыми в загоне, открыл ворота, животные вырвались на свободу и побежали в противоположную сторону от приближающегося торнадо. Папа сказал, что если мы выживем, то тогда и займемся поисками лошадей.

К тому времени небо над нашими головами стало иссиня-черным, и начался дождь. Вдалеке я заметила пробивающиеся сквозь тучи солнечные лучи и решила, что это хорошее знамение. Все мы вместе с Лупе и Апачи залезли в погреб. Торнадо поднял песок и ветки и закружил вокруг нашего дома. Шум стоял такой, словно мы сидели под мостом, по которому проносился товарный поезд.

Мама схватила нас за руки, и мы начали молиться. У меня крайне редко возникало желание молиться, но тогда я была страшно испугана и стала молиться, как никогда еще в жизни. Я просила у Бога прощения за то, что я раньше не имела истинной веры, и обещала, что если Он нас пощадит, я буду молиться Ему каждый день до конца своей жизни.

В этот момент раздался звук ломающегося дерева. Дом затрещал и затрясся, но пол над нашими головами устоял и торнадо прошел. Стало тихо.

Мы остались в живых.

Торнадо не унес наш дом, но поднял и кинул ветряную мельницу крышей на землю. Наш дом, построенный из спасенных после наводнения бревен, устоял, но был совершенно разбит.

Папа начал материться, как сумасшедший. Он заявил, что жизнь снова его обманула. «Если бы я владел адом и западным Техасом, — заявил он, — я бы продал землю в западном Техасе и стал бы жить в аду».

Папа сказал, что лошади вернутся к тому времени, когда мы их обычно кормим, и был совершенно прав. После того как лошади вернулись, он запряг шестилеток в повозку и поехал в город на телеграф. Он начал переписываться телеграммами с людьми в долине Хондо, потом сказал, что его вряд ли снова будут судить за «навешенное» на него убийство, а, следовательно,

можно спокойно вернуться в Нью-Мексико и снова начать жизнь на ранчо Кейси, которое он все эти годы сдавал арендаторам.

Наши курицы исчезли вместе с торнадо, но большая часть павлинов остались живы. Кроме этого у нас было шесть пар лошадей, несколько коров, а также мамино приданое, среди которого был стол из орехового дерева, в свое время спасенный от потопа в землянке. Мы запрягли две повозки. Папа вместе с мамой и Хелен ехали в одной из них, Апачи и Лупе — во второй. Бастер и я ехали на лошадях. Двух оставшихся лошадей со скотом мы привязали к повозкам.

На выезде из ворот я оглянулась и посмотрела на ранчо. Дом практически развалился, мельница уткнулась крышей в землю, на всей территории валялись обломки деревьев и ветки. Папа часто говорил, что переселенцы с востока не «тянут» и не в состоянии выжить в западном Техасе, но вот теперь и мы сами уезжали из этих мест. Иногда ум и смекалка не имели никакого значения. Все решали карты, которые тебе сдали.

Жизнь в западном Техасе не была простой, но я никакой другой не знала, и мне здесь нравилось. Мама, как обычно, говорила о том, что надо смиренно принять волю Господа. Бог сохранил наши жизни, но разрушил дом. А я не понимала, за что Бог решил отнять у нас дом — в качестве наказания за наши грехи или платы за то, что оставил в живых. Может быть, Бог просто решил дать нам пинок под зад с добрыми напутственными словами: «Пора двигаться дальше».

II. Волшебная лестница

Лили Кейси в возрасте тринадцати лет в католической школе сестер Лоретто

Через три дня мы прибыли на ранчо Кейси, которое папа с его неуемной любовью к фонетическому лаконизму тут же окрестил «КС Ranch». Наше ранчо располагалось в середине долины Хондо к югу от Кэптэн маунтинз (Capitan Mountains). Все кругом было таким зеленым, что я сперва не поверила своим глазам. Ранчо скорее напоминало ферму, на полях которой росли разного вида ковыли, трава альфа, длинные ряды плантаций помидоров, рощи персиковых и ореха-пекана, которые сотни лет назад посадили испанцы. Стволы деревьев ореха-пекана были такими огромными, что, даже взявшись за руки с Хелен и Бастером, мы не смогли их обнять.

Дом из необожженного кирпича и камня папа купил у француза, который его и построил. В доме было две комнаты: для детей и взрослых, во дворе стоял сарай, где поселилась Лупе, а Апачи застолбил себе место в одном из амбаров со стойлами. Я даже и представить себе не могла, что мы будем жить в такой неописуемой роскоши. Стены дома были толщиной около сорока сантиметров. «Вот такому дому никакое торнадо не страшно», — заверил нас папа.

Когда на следующий после прибытия день мы распаковывали вещи, папа громким голосом позвал нас всех на улицу. Я никогда в жизни не слышала, чтобы он находился в таком возбуждении, как тогда. Мы выбежали на улицу к стоящему во дворе папе, который показал пальцем на небо. Над линией горизонта в небе висел перевернутый город. Мы видели перевернутые сверху вниз улицы с одноэтажными магазинами, перевернутую церковь, перевернутых, привязанных к столбам лошадей и перевернутых людей, расхаживающих по улицам.

Никто из нас не понимал, что это такое, а Лупе осенила себя крестным знамением. Папа объяснил, что это не чудо, а мираж города Тинни, расположенного около девяти километров от нас. Я не очень поняла разницу между чудом и миражом, который был огромным и занимал значительную часть неба. Я не могла оторвать глаз от перевернутых людей, которые безмолвно ходили по перевернутым улицам.

Мы долго стояли и смотрели на мираж, который через некоторое время поблек и исчез. В принципе, я раньше уже видела миражи — отражения синего неба на земле, которые были похожи на лужи воды, непонятным образом возникшие на сухой земле в самый знойный день. Папа объяснил, что то были миражи на поверхности земли, и то, что казалось водой, было на самом деле отражением неба. А вот то, что мы только что наблюдали, возникало только тогда, когда воздух у поверхности земли

оказывался холоднее, чем воздух более высоких слоев атмосферы.

Несмотря на то что я обычно достаточно быстро разбиралась с сутью научных концепций, я никак не могла взять в толк, чем объяснялось появление такого миража. Папа нарисовал на земле картинку, показывающую, как свет отражается от холодного воздуха, а потом изгибается вдоль округлой поверхности земли.

Я не могла понять того, что свет может каким-то непонятным образом преломляться, но папа привел мне пример — когда держишь в руках стакан с водой, твои пальцы на дальнем от тебя краю стакана кажутся искаженными или обрезанными. Это все потому, что вода, как и холодный воздух, преломляет свет.

Наконец, до меня дошло то, что папа пытался объяснить, и я широко улыбнулась.

Увидев мою реакцию, папа сказал: «Эврика!» и объяснил мне, как древнегреческий философ Архимед бежал голым по улицам города с этим криком после того, как, принимая ванну, понял, как можно высчитать объем тела.

Я прекрасно поняла, почему Архимед так сильно возбудился. Нет чувства приятнее того, когда наконец-то понимаешь то, что долго не мог объяснить. Именно тогда начинаешь верить, что в мире нет проблем, которые невозможно решить.

Папе, конечно, было приятно ощущать себя землевладельцем, но вместе с новым домом появились и новые заботы. Мы теперь жили не на огороженном ранчо в Техасе. Теперь нам надо было возделывать поля, удобрять, засеивать и пропалывать их, собирать персики и орехи-пеканы, отвозить в город дыни, снятые с бахчи, а также нанимать и кормить работников. Из-за своих травм папа не мог справляться с некоторыми работами. Например, из-за хромоты он не мог забраться на стремянку и подрезать персиковые деревья, а из-за дефекта речи наемным рабочим было сложно его понять. Поэтому, хотя мне было всего одиннадцать лет, мне пришлось принять участие в найме людей и следить за выполнением фронта работ.

Папа никогда не был самым практичным человеком на свете, и в Нью-Мексико затеял несколько проектов, никоим образом не связанных с землей. Мы продолжали заниматься лошадьми, папа по-прежнему писал письма политикам и редакторам газет, в которых яростно выступал против модернизации. Теперь на каждое письмо у него уходило в два раза больше времени, потому что он делал две копии каждого письма. Одну копию он хранил в архиве дома, а другую в сарае на тот случай, если в доме возникнет пожар.

Папа начал писать книгу о преимуществах фонетического написания слов, которую назвал Ghoti out of Water. Папа объяснял, что Ghoti можно прочитать, как слово fish, то есть «рыба». Сочетание букв Gh можно прочитать, как звук «θ» в слове «enough», звук о как короткое «i» в слове «women», а ti вполне можно прочитать, как «ʃ» в слове «nation».

Кроме этого папа начал биографию Билли Кида,[9] который останавливался на ранчо Кейси, когда сам папа был подростком, и попросил поменять загнанную лошадь на новую. «Очень вежливый человек, — говорил папа, — и на лошади отлично сидел». Через час после его отъезда выяснилось, что за Билли охотились. Прибыла команда солдат, которые его преследовали и которые, в свою очередь, тоже попросили поменять лошадей. Папа в душе был за Билли, поэтому дал его преследователям самых плохих лошадей. Теперь в Нью-Мексико папа настолько увлекся Билли, что повесил на стену его фотографию. Мама ненавидела Билли, которого называла «отребьем», потому что тот убил человека, который был помолвлен с ее кузиной. Поэтому рядом с портретом Билли мама повесила фотографию человека, которого он убил.

Однако папа был убежден, что Билли никогда не убивал тех, кого не стоило. Папа придерживался мнения о том, что Билли — нормальный американский парень с горячей ирландской кровью, а его репутацию очернили владельцы крупных ранчо за то, что тот поддерживал мексиканцев. «Историю пишут победители, — говорил папа, — а если побеждают негодяи, то они и пишут соответствующую историю».

Папа говорил, что биография Билли, которую он напишет, оправдает несчастного перед судом истории и докажет всем тем, кто над папой смеялся, что, несмотря на дефекты речи, он в состоянии заработать гораздо больше денег, чем мы могли бы «поднять» на помидорах, персиках, дынях и орехах-пеканах. Он постоянно повторял, что вестерны великолепно продаются, к тому же жизнь писателя просто прекрасна — никаких тебе вложений и расходов, сиди себе спокойно дома и пиши, сколько вздумается.

Осенью в тот год, когда мне исполнилось двенадцать, Бастер, который был на два года младше меня, пошел в школу. Мама говорила, что его образование крайне важно в качестве основы его карьеры. Ведь, как опять же говорила мама, он мог стать кем он пожелает. Бастер пошел в хорошую школу около города Альбукерке, которой руководил орден иезуитов. Родители обещали мне, что, когда мне исполнится тринадцать лет, я пойду учиться в католическую академию сестер Лоретто «Девы Божественного света» в городе Санта-Фе.

Я уже давно очень хотела начать ходить в школу. Наконец настал день, когда папа запряг лошадей в телегу, и мы отправились в путешествие длиной в триста километров. На ночь мы останавливались и ночевали в степи под звездами. Папа, казалось, был не меньше меня рад и волновался о том, что ожидало меня в ближайшем будущем. Папа заявил, что, так как я мало общалась с девочками своего возраста, он намерен дать мне несколько советов. Что и сделал.

Папа считал, что я люблю командовать, потому что привыкла приказывать Хелен, Бастеру, Лупе и нашим рабочим. Однако в школе были девочки старше меня, которые, возможно, захотят мной командовать (уже не говоря о монахинях, которые управляли школой и вели процесс обучения). Я не должна драться с большими девочками, а попытаться найти с ними общий язык. Мне надо было понять, что хочет каждая из девочек и заставить их думать, что я в состоянии помочь им добиться того, что они желают. Папа подчеркнул, что, хотя лично он не является лучшим подтверждением своей собственной теории, моя жизнь будет гораздо проще, если я научусь ею пользоваться.

Город Санта-Фе был изумительно красивым. Папа сказал, что испанцы прибыли в эти места до того, как «помы»[10] высадились на Восточном побережье Америки. На пыльных улицах стояли дома в испанском стиле, построенные из необожженного кирпича, и росли огромные дубы. Школа была расположена в самом центре города и располагалась в двух четырехэтажных зданиях в готическом стиле с крестами на крышах. Рядом со школой стояла церковь с хорами, куда вела широко известная в округе Волшебная лестница.

Матушка-настоятельница Альбертина провела нам экскурсию по зданиям. Она объяснила, что Волшебная лестница состоит из тридцати трех ступенек, что символизирует возраст Христа, и была построена в виде двух спиралей, в центре которых не было поддерживающего столба. Никто не знал, как эта лестница держалась, из какого дерева была построена, а также имя плотника, который появился неизвестно откуда, после того, как монахини обнаружили, что в церкви отсутствует лестница, ведущая на хоры, и начали молить Бога о помощи.

«Вы хотите сказать, что это чудо?» — спросил настоятельницу папа.

Я тут же начала «переводить» его вопрос, однако матушка Альбертина прекрасно поняла, что спросил папа.

«Я верю в то, что все вокруг нас, — настоящее чудо», — ответила она.

Мне понравились ее слова и ее настрой. Мне вообще понравилась матушка Альбертина с первого взгляда. Матушка Альбертина была высокого роста, ее кожу цвета грецкого ореха покрывали морщины, а ее толстые черные брови срослись на переносице. Несмотря на то что она была постоянно занята, она производила впечатление совершенно спокойного человека. Она ночами проверяла спальни, а днем внимательно осматривала наши ногти. Она ходила быстрым шагом, была одета в длинную черную сутану, и на ее голове красовался белый головной убор. Нас она называла «мои девочки» и относилась ко всем одинаково независимо от того, была ли девушка богатой или бедной, белой или мексиканкой, умной или совершенно лишенной любых талантов. Она была твердой, но не суровой, никогда не повышала голоса и не теряла самообладания, и никто из нас даже не мог представить себе, что ее приказа можно ослушаться. Из нее могла бы получиться хорошая наездница или дрессировщица лошадей, но это не было ее призванием.

Мне очень нравилось учиться. Многие девушки в первое время тосковали по дому, но не я. Мне никогда в жизни не жилось так легко, несмотря на то что мы вставали до рассвета, умывались холодной водой, сидели на службе в часовне, а потом шли в класс учиться, затем ели кукурузную кашу и учились петь и играть на пианино, сами штопали свою одежду, убирались в общежитии, мыли посуду, мылись сами, после чего снова были на службе в часовне и ложились спать. Но в школе не было тяжелой крестьянской работы, поэтому учеба казалась мне просто отдыхом.

Я получила золотую медаль за высокие оценки по математике и еще одну за успехи в учебе в целом. Я прочитала все книги, которые смогла достать, помогала девочкам, у которых были проблемы с учебой, и даже — сестрам проверять домашнее задание и составлять учебный план. Большинство девочек, учившихся в школе, выросли в богатых семьях. Я привыкла громко кричать, как крестьянка во время сенокоса, а у них были шелковисто-тихие голоса, благородные манеры и масса чемоданов и сумочек производства какой-нибудь дорогой компании. Некоторые девочки жаловались на одинаковую серую одежду, которую мы должны были носить, но я считала, что униформа стирает разницу между богатыми и бедными, потому что без нее они ходили бы в кружевных платьях, а я в домотканом платье, выкрашенном и сшитом у нас дома. Следуя папиному совету о том, что надо понять, о чем человек мечтает, я подружилась с несколькими девочками, хотя мне всегда было

сложно сдержаться и не сделать им замечание, когда я видела, что они делают что-нибудь неправильно, в особенности еще и тогда, когда они вели себя, словно примадонны.

Где-то в середине учебного года матушка Альбертина вызвала меня к себе в кабинет. Она сказала, что я молодец и хорошо учусь. «Многие родители отправляют нам своих детей, чтобы они могли закончить свое образование, перед тем как выйти замуж, — сказала она. — Девушку с хорошими манерами и образованием проще выдать замуж. Но ты ведь не обязана выходить замуж, не так ли?»

Я никогда не думала на эту тему. Мама с папой всегда были уверены в том, что мы с Хелен выйдем замуж, а Бастер унаследует землю. Если честно, то я еще не встретила мальчика, который мне бы понравился, не говоря уже о том, чтобы я хотя бы на мгновение могла представить, что выйду за него замуж. Я понимала, что женщины, которые так и не вышли замуж, превращались в старых дев, которые спят на чердаке и тихо весь день сидят в углу, чистя картошку. Старые девы были обузой для семей, в которых они жили. Одной из таких старых дев была сестра нашего соседа. Ее звали Лоуэлла.

Матушка Альбертина сказала, что я уже достаточно большая для того, чтобы начать думать о своем будущем. Будущее, говорила матушка, появится скоро и неожиданно, как скорый поезд из-за резкого поворота. Многие из девушек, с которыми я училась и которые были на два года старше меня, очень скоро выйдут замуж, а остальные поступят на работу. Но даже те, кто выйдет замуж, должны в этой жизни что-то уметь делать, потому что их мужья могут умереть или бросить семью.

В наше время, продолжала матушка Альбертина, у женщин существуют три возможных варианта карьеры. Женщина может стать медицинской сестрой, секретаршей или учительницей.

«Или монахиней», — заметила я.

«Или монахиней, — согласилась матушка с улыбкой. — Но для этого человек должен почувствовать, что у него есть к этому призвание. Ты считаешь, что твое призвание — стать монахиней?»

Я была вынуждена признать, что во мне нет такой уверенности.

«У тебя есть время подумать, — сказала она. — Не знаю, станешь ли ты монахиней или нет, но мне кажется, что из тебя получится прекрасная учительница. У тебя сильный характер. Все знакомые мне женщины с таким сильным характером, который мужчине помог бы стать генералом или главой компании, все такие женщины становятся учительницами».

«Как вы», — заметила я.

«Как я, — она мгновение помолчала. — Чтобы стать учителем, тоже нужно призвание. И я всегда считала учителей по-своему святыми потому, что они ведут людей из темноты».

Следующие пару месяцев я думала о том, что мне сказала матушка Альбертина. Я не хотела становиться медсестрой, не потому, что мне был неприятен вид крови, а потому, что меня раздражали больные люди. Я не хотела становиться секретаршей, так как они должны быть на побегушках у босса. А что будет, если ты окажешься умнее своего начальника? Работа секретарши — это рабство.

Отношение к работе учителем у меня было самое позитивное. Я обожала книги. Я любила учиться. Мне очень нравилось ощущение «Эврика!», когда ты наконец-то что-то поняла или решила сложную задачу. Потом, в классной комнате ты сам себе командир. Может быть, смысл моей жизни был в том, чтобы стать учительницей?

Я постепенно начала свыкаться с этой мыслью, которая мне очень нравилась с самого начала. Неожиданно одна из сестер сообщила, что матушка Альбертина снова хочет меня видеть.

Матушка Альбертина сидела за столом в своем кабинете. Ее лицо было необыкновенно серьезным, таким серьезным, каким я его еще не видела, и от этого у меня появилось плохое предчувствие. «Я должна сообщить тебе не самые приятные новости», — сказала она.

Папа оплатил половину стоимости моего образования в начале года. Когда школа выслала ему документ на оплату второго полугодия, он прислал письмо, в котором извещал, что в связи с изменением обстоятельств он не в состоянии найти необходимую сумму.

«Мне очень жаль, но тебе придется отправиться домой», — сказала матушка Альбертина.

«Но мне здесь нравится, и я не хочу домой».

«Я это прекрасно понимаю, но решение уже принято».

Матушка сообщила, что тщательно обдумала этот вопрос и обсудила его с попечителями, которые не придерживались мнения о том, что школа ведется на благотворительных началах. Если родители обязуются платить за образование, как в случае с моим отцом, школе были необходимы обещанные средства для оплаты расходов, выдачи стипендий, а также поддержки церковных миссий, которые работают в индейских резервациях.

«Я могу начать работать», — сказала я.

«Когда?»

«Я найду время».

«Весь твой день полностью занят. И занять его — это наша обязанность».

Матушка Альбертина сказала, что есть выход. Я могла стать монахиней. Если я присоединюсь к ордену Сестер Святого Лоретто, то церковь оплатит мое образование. Но для этого надо вначале полгода провести послушницей в Калифорнии, а потом жить не в общежитии, а в монастыре. Фактически это означает то, что я стану невестой Христовой и полностью подчинюсь дисциплине ордена.

«Ты подумала о своем призвании?» — спросила меня матушка Альбертина.

Я выдержала паузу и не ответила ей сразу. Если честно, то я не чувствовала энтузиазма при мысли о том, что стану монахиней. Я прекрасно понимала, что сильно обязана Богу за то, что он пощадил мою жизнь во время торнадо, но была уверена, что вернуть этот долг можно и каким-то другим, более гуманным способом.

«Можно подумать до утра?» — спросила я.

«Нужно подумать до утра, — ответила матушка Альбертина, и потом добавила: — Обычно в таких случаях я говорю всем девушкам, что, если у вас нет полной уверенности, ничего хорошего из этого не получится».

Я, конечно, очень хотела остаться в школе, но на самом деле мне не требовалась ночь размышлений, чтобы понять, что я не собираюсь идти в монахини. И не только потому, что монахиням редко приходится кататься верхом. Я не чувствовала, что это мое призвание. Я не была такой божественно спокойной, как все сестры-монахини. Я была большой непоседой. И я не любила, когда мной командуют. И то, что этим командиром мог оказаться папа римский, ситуацию не меняло.

Отец очень меня расстроил. Он не просто взял и перестал платить, как обещал, у него даже не хватило смелости сказать это монахиням в лицо, поэтому он не приехал для того, чтобы меня забрать, а прислал телеграмму, чтобы я вернулась домой на перекладных.

Одетая в свое «мирское» платье, крашенное дома буковым орехом, я с чемоданом сидела в общей зале. Неожиданно появилась матушка Альбертина, для того чтобы отвести меня на станцию. Как только я ее увидела, как мои губы задрожали, а глаза наполнились слезами.

«И не думай начинать себя жалеть, — заявила она. — Поверь, тебе повезло гораздо больше, чем многим девушкам. Господь дал тебе способность не сдаваться и побороть такие сложности, как

эта».

Идя по пыльным улицам до станции, я думала только о том, что потеряла свой единственный шанс получить образование, что сейчас возвращаюсь на ранчо Кейси, на котором и проведу всю жизнь, работая в то время, как папа пишет биографию безумного Билли Кида, а мама сидит в шезлонге и вяло обмахивается веером. Кажется, что матушка Альбертина поняла, о чем я думаю. Перед тем как я села в дилижанс, она взяла меня за руку и сказала: «Когда Господь закрывает окно, то Он открывает дверь. Тебе остается только найти эту дверь».

Когда дилижанс подъехал к Тинни, папа уже сидел в телеге напротив отеля. За ним все место было оккупировано четырьмя огромными собаками. Я вылезла из дилижанса, и папа немного криво улыбнулся и помахал рукой. Водитель скинул с крыши дилижанса мой чемодан, и я потащила его к папиной телеге. Папа слез с козел и попытался меня обнять, но я отстранила его руки.

«Ну, что скажешь про этих красавцев?» — спросил папа.

Собаки были черными, и шерсть их блестела. Они сидели и смотрели на происходящее, как помещики из своей усадьбы, и при этом у них жутко текла слюна, которая капала на сиденья. Я никогда в жизни не видела таких крупных собак. Они были настолько большими, что я не могла понять, как засунуть между ними свой чемодан.

«Что произошло с платой за обучение?» — спросила я.

«А, ты про это?»

Папа объяснил, что купил собак у бридера в Швеции, откуда животных и привезли в Нью-Мексико. Это были настоящие датские доги, собаки, которых держала европейская знать и дворяне. Некогда датские доги принадлежали только королям и были предназначены для охоты на диких кабанов. Папа убедительно вещал о том, что это очень практичные и престижные собаки. И он заверил меня в том, что к западу от Миссисипи ни у кого таких собак не было. Он сообщил, что четыре собаки стоили ему восемьсот долларов, но как только он начнет продавать щенят, он быстро «отобьет» расходы и потом еще прекрасно заработает.

«Так, значит, ты взял деньги, отложенные на мое образование, и купил этих собак?»

«Следи за своим тоном, — ответил папа. И потом добавил: — Тебе не надо было ходить в эту школу. Пустая трата денег. Я научу тебя всему, что тебе нужно знать, а мама добавит немного глянца правильного поведения».

«Так ты и Бастера из школы взял?»

«Нет. Он — мальчик, и ему нужен диплом, если он хочет чего-то добиться в жизни. — Папа подтолкнул собак и нашел пустое место, куда можно было поставить мой чемодан. — И кроме всего прочего, ты нам нужна на ранчо», — добавил он.

По дороге к ранчо Кейси говорил в основном папа. Он рассказывал о том, какой у собак чудесный характер, и как его собаки привлекают интерес. Я пропустила мимо ушей его болтовню о финансовых перспективах. Я начала задумываться о том, что покупка собак дала ему повод отказаться платить за мое образование для того, чтобы просто вернуть меня домой. Я задумалась и о том, где же, черт возьми, находится та новая дверь, о которой говорила матушка Альбертина.

За месяцы моего отсутствия ранчо пришло в запустение. Доски забора кое-где вывалились, в курятнике было не мыто, и пол в сарае надо было срочно подмести.

Чтобы помочь управляться с делами на ранчо, папа пригласил Захария Клеменса с его женой и дочерью. Эта семья теперь жила в небольшом сарае на границе ранчо. Мама считала, что семья Клеменсов была нам не ровней, потому что они были нищими, как церковные крысы. Они были такими нищими, что вместо занавесок на окнах у них была бумага, а когда они только приехали, и папа подарил им дыню, они оставили косточки для рассады и засолили оставшиеся корки.

Но мне нравилась семья Клеменсов, и в особенности их дочь Дороти, которая умела работать. Она была молодой и крепкой девушкой с пышными формами. Несмотря на бородавку на подбородке, Дороти была красивой. Она могла освежевать корову, ловить зайцев и занималась огородом, который Клеменсы отгородили на нашей территории. Большую часть времени Дороти проводила около огромного чана, подвешенного над костром. Она варила еду, мыло, а также стирала и красила одежду для жителей Тинни.

Папа решил, что датских догов не стоит привязывать и они могут спокойно гулять по территории. Однажды через несколько недель после моего возвращения в нашу дверь постучалась Дороти и сообщила, что собирала орехи-пеканы на границе нашего ранчо и участка нашего соседа старика Пакета и нашла там трупы четырех собак, которых кто-то застрелил. Папа в ярости начал запрягать повозку и поехал поговорить со стариком Пакетом.

Все мы очень переживали по поводу того, как пройдет этот разговор. Однако говорить о своих страхах не имело смысла, поэтому никто не обсуждал происходящее. В ожидании

возвращения папы мы с Дороти решили забраться на ограду и очищать орехи-пеканы от скорлупы. Обычно папа старался не загонять лошадей, но когда он подъехал к ограде на запряженном в повозку мерине, животное было в пене и едва переводило дух.

Папа рассказал, что старик Пакет не скрывал, что застрелил догов. Пакет говорил, что собаки бегали по его территории за его скотом, и он не хотел, чтобы они завалили одно из его животных. Папа матерился и говорил, что убьет старика Пакета. Он вошел в дом, вышел на улицу с ружьем в руках и снова сел в телегу.

Мы с Дороти бросились к нему. Я схватила вожжи, но папа продолжал их тянуть, мерин испугался и начал бежать, а Дороти запрыгнула на козлы, поставила телегу на ручной тормоз и отняла у отца ружье. Как я уже говорила, Дороти была сильной девушкой. «Нельзя убивать человека из-за собаки, — сказала она. — Иначе начнется резня и кровная вражда двух семей».

Дороти рассказала о том, что раньше ее семья жила в Арканзасе. Ее брат играл в карты, начался спор, и ее брат, защищаясь от своего спорщика, застрелил его. Потом брата Дороти застрелил кузен убитого. Этот кузен боялся, что отец Дороти будет мстить за смерть сына, и решил его убить. Поэтому их семья бросила свой дом и уехала в Нью-Мексико.

«Мой брат погиб, и у нас нет денег, — сказала Дороти, — и все из-за того, что люди не смогли сдержаться во время дурацкого карточного спора».

Я вспомнила о том, как в свое время Лупе спрятала оружие, когда папа разозлился на жестянщика, а также о том, что никто не остановил убийцу отца папы, который застрелил моего деда из-за восьми долларов. И я об этом папе напомнила.

В конце концов, папа немного успокоился. Через несколько дней он поехал в город и подал в суд на старика Пакета. Потом папа начал готовиться к суду. Он детально описывал свои требования, копался в законах, взял у ветеринара справку о стоимости датских догов и строчил письма политикам, с которыми переписывался уже много лет, с просьбой написать ему для суда письма, поддерживающие его требования. Папа решил, что выступать в суде за него буду я. Он заставил меня заучить написанную им речь, а также потратил массу времени на подготовку опроса Дороти, которая должна была выступать в качестве свидетеля по делу с рассказом о том, как она обнаружила убитых собак.

В день суда мы рано встали, позавтракали и забрались в телегу. Когда судья округа слушал дела в Тинни, он проводил судебные заседания в лобби отеля, сидя в кресле с высокой

спинкой за небольшим столом. Истцы и ответчики стояли, подпирая стены лобби, терпеливо ожидая своей очереди.

Судья был худым, как шпала, человеком, одетым в пиджак с вельветовым воротником с ковбойским веревочным галстуком. Пытливым взором он смотрел на окружающих из-под кустистых бровей и всем своим видом показывал, что не потерпит, если ему начнут морочить голову. Заместитель шерифа вызывал стороны, судья заслушивал каждую из них и незамедлительно принимал решение, отсекая все дальнейшие споры.

В лобби отеля стояли старик Пакет и двое его сыновей. Пакет был невысокого роста с кожей цвета вяленого мяса. Он не стриг ногти на больших пальцах рук, чтобы открывать нужные ему вещи. Дабы продемонстрировать, что он находится в присутственном месте, он застегнул пуговицу на воротнике своей застиранной рубахи.

Наше дело слушали ближе к концу. Я очень нервничала перед предстоящим выступлением, к которому меня долго готовил папа и во время которого я должна была зачитать его речь.

«Датские доги — это древняя и благородная порода собак», — начала я.

«Я не в школе на чертовом уроке истории, — оборвал меня судья. — Просто скажи мне, почему ты здесь оказалась».

Я объяснила, что папа выписал из Швеции собак, потому что хотел заняться их разведением, и мы нашли их трупы в роще орехов-пеканов на границе нашего ранчо и участка Пакетов.

«Я хочу вызвать первого свидетеля», — начала было я, но судья меня снова прервал.

«Ты застрелил собак?» — прямо спросил он старика Пакета.

«Еще бы».

«Почему?»

«Они находились на моей земле и гонялись за скотом. Издалека мне показалось, что они волки».

Папа начал спорить, но судья его заткнул.

«Сэр, я не понимаю, что вы говорите, к тому же это не имеет никакого значения, — заявил судья. — В краях, где разводят скот, не стоит держать собак, которые по размеру больше волков».

Потом судья повернулся к старику Пакету: «Но это были ценные животные, за которых их хозяину причитается компенсация. Если у тебя нет наличных, ты можешь расплатиться рогатым скотом или лошадьми».

На этом дело было закрыто.

Через несколько дней после суда к нашему дому подъехал старик Пакет. С ним было несколько связанных между собой лошадей. Папа все еще на него злился и отказался выходить из

дома, поэтому встречать старика Пакета, который заводил лошадей в наше стойло, вышла я.

«Вот то, что с меня причитается по решению судьи, мисс», — сказал он.

Еще до того, как старик Пакет застрелил датских догов, у нас с ним были свои разногласия. Подобно большинству обитателей Рио Хондо, он делал все, чтобы свести концы с концами и выжить. Если для этого надо было незаметно оттяпать кусок соседской земли или, по крайней мере, некоторое время пасти на чужой земле свой скот, или отвести ручей на территорию соседа, он делал это, не задумываясь. Папа называл его «грязным фермером», а я считала, что он просто непорядочный человек, который считал, что иногда проще что-то сделать, не спрашивая разрешения, а потом горячо оспаривать претензии (если, конечно, до этого дойдет дело), после чего можно и извиниться.

«Компенсация принята», — сказала я и пожала ему руку. В отличие от отца, я не видела смысла в том, чтобы помнить дурное и дуться на соседа-обидчика. В жизни бывают ситуации, когда придется попросить соседей о помощи, и заранее никогда не знаешь, когда это может случиться.

Старик Пакет передал мне бумагу, на которой была написана стоимость каждой из лошадей, после чего вежливо приподнял шляпу. «Из тебя получится отличный адвокат», — сказал он и укатил восвояси.

Папа вышел во двор после того, как старик Пакет уехал. Он осмотрел лошадей и презрительно фыркнул после того, как я дала ему бумагу Пакета, на которой была обозначена их стоимость. «Ни одна из этих кляч не стоит больше двадцати долларов», — заявил он.

Папа был совершенно прав. Смета Пакета была сильно завышена. В общей сложности он привел восемь лошадей — низкорослых маленьких мустангов. Таких мустангов ковбои ловили, после чего объезжали их максимум день или два. Такие мустанги плохо слушались и не были привычны к седлу. Я решила, что этих лошадей поймали сыновья Пакета. Жеребцы не были кастрированными. Все лошади были нечесаными, а их копыта были щербатыми и в ужасном состоянии. В гривах и в хвостах лошадей застряли репейники. Лошади были испуганными, смотрели на нас нервно и с большим подозрением. Вне всякого сомнения, они думали о том, какую гадость подкинет им судьба в виде новых хозяев.

Проблема с необъезженными лошадями заключалась в том, что они не были приручены. Ковбои ловили таких лошадей и управляли ими при помощи страха. Они жестоко с ними

обращались и гордились тем, что, несмотря на то что лошадь пытается их скинуть, они остаются в седле. Так как лошади не были объезженными, они всего боялись и ненавидели людей. Нередко ковбои, которые объезжали лошадей, бросали их в степи. Выжить на воле полуприрученной лошади очень сложно, потому что, живя с людьми, они утрачивали инстинкты и привычки дикого животного. Однако я поняла, что эти лошади не глупые, и если ими заняться и правильно воспитать, они могут превратиться в полезных животных.

Я обратила внимание на одну из кобылиц. Мне всегда нравились кобылицы. Они были не такими своенравными, как жеребцы, и в них было больше огня и жизни, чем в обычном кастрированном мерине. Кобылица, на которую я обратила внимание, не отличалась от остальных лошадей, но мне показалось, что она не такая испуганная, как остальные. Кобылица, в свою очередь, внимательно следила за мной, словно пытаясь меня понять. Я взяла лассо, поймала ее и отвела в сторону от остальных лошадей. Потом я медленно начала к ней подходить, при этом, как советовал отец, глядя в землю, чтобы копытное не приняло меня за хищника.

Кобылица стояла, не шевелясь. Я медленно подошла к ней, медленно подняла руку и почесала ее за ухом. Потом я положила руку на ее морду. Она не дернулась и не отпрянула, как повело бы себя большинство необъезженных лошадей. Я поняла, что из нее может получиться что-то хорошее, хотя она и не была самой красивой лошадью на свете. Она была смешанной бело-коричнево-черной масти, но я увидела в ее глазах ум. Значит, она будет думать, а не реагировать непредсказуемо на происходящее. Я всегда считала, что в лошади ум гораздо важнее красоты.

«Бери себе ее, — сказал папа. — Как ты, кстати, ее назовешь?»

Я внимательно посмотрела на лошадь. Фермеры любят простые имена. Скоту мы никогда не давали имен, потому что бессмысленно давать корове имя, если собираешься ее съесть или отправить на скотобойню. Если у кошки были на ногах «чулки», мы называли ее Чулок, если собака была рыжей, то и имя у нее было Рыжик, а если лошадь скакала, как вихрь, то ее так и называли — Вихрь.

«Я назову ее Пятнистая», — сказала я.

В тот вечер мама сказала мне: «Я хотела, чтобы ты закончила образование, но твой отец пожелал купить собак. Теперь собак нет, и остались одни бесполезные необъезженные лошади».

Я старалась не думать о прошлом. Деньги исчезли, в школе сестер Лоретто меня никто не ждал. Я имела то, что имела, и хотела понять, как мне из этой ситуации выбраться.

На следующий день надо было кастрировать новых жеребцов. Если мы хотели получить от них выгоду, надо было превращать их в рабочих лошадей. Кастрировать коней — дело малоприятное, и в нем участвовала я, Дороти и Захари со своей женой Эли, которая была более миниатюрной, чем ее дочь, но такой же сильной. Мы поймали жеребцов, повалили на землю, перевернули вверх животом, привязали к каждой ноге веревку. Апачи связывал задние ноги жеребцам и привязывал к животу, а папа надевал им на голову мешок. Потом Апачи наклонялся над лошадью, сначала работая ножом мясника, а потом и обычным ножом. Брызги крови летели во все стороны, жеребец неистово ржал, лягался и пукал, изгибая спину.

Впрочем, вся операция проходила быстро. После того, как жеребца развязывали, он вставал на ноги и, пошатываясь, делал первые несколько шагов. Я выводила жеребцов из загона, они глубоко вздыхали, но потом опускали морду в высокую траву, и начинали есть, как ни в чем не бывало.

«Словно ничего и не потеряли», — заметил Захари, глядя на кастрированных лошадей.

«Ну а сейчас перейдем к старику Пакету», — пошутил папа.

Все рассмеялись.

Я хотела нормально объездить и приучить Пятнистую к седлу. Она оказалась действительно умной и сообразительной лошадью, очень быстро привыкла к удилам и двигалась в нужную сторону при малейшем прикосновении моей пятки к ее боку. Через пару месяцев Пятнистая стала помогать собирать и загонять в загоны скот. К осени ее обучение было закончено. Я сказала маме с папой, что хочу пойти наняться на большое ранчо Франклинов, находящееся в другом конце долины, но родители наотрез отказались дать мне свое разрешение, и сказали, что Франклины вряд ли меня наймут. Тогда я вместе с Пятнистой начала участвовать в любительских скачках. Иногда я возвращалась домой с выигрышем.

Следующим летом из школы вернулся Бастер, который окончил восемь классов. Родители говорили о том, что ему надо будет продолжить образование, как только у них появятся деньги. В те времена на западе страны большинство детей не оканчивали и восьми классов школы. Бастер проучился дольше, чем многие его сверстники, и не считал нужным корпеть над учебниками. Он знал математику, умел читать и писать. Этого было вполне достаточно для того, чтобы управлять ранчо. Бастер вообще полагал, что не стоит забивать голову лишними знаниями.

Через некоторое время после его возвращения стало ясно, что

у него шашни с Дороти. Мне их отношения казались несколько странными, потому что она была на несколько лет его старше, а у него еще и борода не росла. Мама была в ужасе, когда обо всем этом узнала, но я подумала, что Бастеру повезло. Брат не производил впечатления целеустремленного человека, поэтому, чтобы успешно управлять ранчо, ему была нужна работящая жена. Такая, как Дороти.

Однажды в июле я приехала на Пятнистой в Тинни для того, чтобы прикупить продуктов и забрать почту. К своему величайшему удивлению, я обнаружила на почте адресованное мне письмо. Это было первое письмо, которое лично мне написали, и оно меня ужасно заинтриговало. Это было письмо от матушки Альбертины, и я села прочитать его прямо на крыльце магазина.

Матушка Альбертина писала, что вспоминает обо мне и продолжает верить в то, что из меня получится прекрасная учительница. Она писала, что, по ее мнению, моего образования вполне хватит для того, чтобы я стала учительницей. Она сообщала, что из-за начавшейся в Европе войны в стране не хватает учителей, в особенности в отдаленных районах США. Если я смогу сдать государственный экзамен, который проводят в Санта-Фе, то я могу рассчитывать на место, даже несмотря на то что мне всего пятнадцать лет и у меня нет диплома об окончании школы. Матушка предостерегала меня, что экзамен трудный, и особенно сложным является его математическая часть.

Я пришла в такое возбуждение, что была готова пуститься галопом назад к дому, но вместо этого пустила Пятнистую легкой иноходью и думала о том, что эта возможность открывает мне ту самую дверь, о которой говорила матушка Альбертина.

Мама с папой восприняли эту идею в штыки. Мама считала, что мне лучше остаться в долине, потому что здесь у меня, как у дочери крупного землевладельца, были хорошие шансы найти мужа. Одной, без поддержки и связей семьи мне будет гораздо сложнее. Папа так и сыпал доводами, почему мне следовало остаться на ранчо: я была слишком молода, вся эта затея была очень опасной, работать с лошадьми гораздо интереснее, чем заставлять детей зубрить алфавит. Да и вообще, какая радость сидеть в душном классе, когда можно жить на вольном воздухе ранчо?

Папа проговорил все свои веские доводы, а потом вывел меня на крыльцо. «На самом деле ты мне здесь нужна», — признался он.

Я знала, что услышу этот аргумент. «Пап, это ранчо никогда не будет моим, потому что его получит Бастер. Если он женится

на Дороти, тебе уже будет не нужна моя помощь».

Папа задумался, глядя вдаль. Все вокруг было зеленым после недавних дождей.

«Пап, мне надо пробиться и устроить свою жизнь. Ты же всегда говорил, что я должна найти свое призвание в этой жизни».

Папа с минуту молчал. Наконец он произнес: «Ладно, черт побери. По крайней мере, тебе ничто не мешает попробовать сдать этот чертов экзамен».

Экзамен оказался гораздо проще, чем я ожидала. В основном в экзаменационном тесте были вопросы по американской истории, дробям и определениям слов. Через несколько недель после экзамена я приехала с ранчо, и Бастер передал мне письмо, которое за меня получил на почте. Все собрались вокруг меня, чтобы узнать, что в письме было написано.

Я успешно сдала экзамен. Более того, мне предлагали работу учительницей в северной Аризоне. Я закричала от радости и начала прыгать по комнате, размахивая письмом.

«О, боже!» — вымолвила мама.

Бастер и Хелен меня обняли. Я повернулась к папе.

«Кажется, судьба сдала тебе карту, — заявил папа. — Так что теперь тебе надо играть».

Школа, где я получила работу, находилась в местечке Ред Лейк в Аризоне, расположенном в 750 километрах к западу от нас. Добраться до школы я могла на Пятнистой. Я решила не брать с собой много вещей и захватить зубную щетку, смену белья, приличное платье, расческу, фляжку и пару одеял. У меня были деньги, которые я выиграла на скачках, поэтому я могла покупать еду и продукты по пути. Расстояния между городами в Нью-Мексико и Аризоне можно было проехать в седле за день.

Я рассчитала, что все путешествие займет у меня четыре недели, если я буду проезжать в день по 40–45 километров и время от времени давать Пятнистой день отдыха. Главное во время такого длинного путешествия — не загнать и не потерять лошадь.

Мама ужасно волновалась по поводу того, как пятнадцатилетняя девочка будет одна путешествовать по пустыне, хотя я была достаточно высокой для своего возраста, сильной и сказала ей, что буду прятать волосы под шляпу и говорить низким голосом. На всякий случай папа выдал мне шестизарядный револьвер с инкрустированной перламутром

рукояткой. Я была твердо убеждена в том, что путешествие длиной в 750 км — это всего лишь несколько 9-километровых перегонов до Тинни. В любом случае надо делать то, что тебе нужно сделать.

Я отправилась в путь ранним утром в начале августа. Дороти пришла к нам с утра, чтобы приготовить маисовых лепешек на завтрак. Несколько лепешек она завернула в вощеную бумагу для того, чтобы я взяла их с собой. Мама, папа, Бастер, Хелен и я сидели за длинным деревянным столом, передавая друг другу тарелку с лепешками и жестяной чайник с чаем.

«Мы тебя когда-нибудь еще увидим?» — спросила Хелен.

«Конечно», — ответила я.

«Когда?»

Я об этом не думала и поняла, что даже не хочу думать.

«Не знаю», — ответила я.

«Она точно вернется, — заверил всех папа. — Она соскучится по жизни на ранчо. У нее кровь дрессировщицы лошадей».

После завтрака я завела Пятнистую в сарай и стала затягивать на ней седло. Папа поплелся за мной следом и начал мучить советами о том, что надо надеяться на лучшее, но готовиться к худшему, не занимать, но и не давать в долг, не киснуть и не кукситься, держать нос выше, а порох — сухим, и если стрелять, то всегда первой. Его буквально несло, и он не мог остановиться.

«Пап, у меня все будет в порядке, — заверила его я. — И у тебя все будет нормально».

«Да, конечно».

Я запрыгнула в седло и подъехала к дому. Серое небо постепенно становилось синим, и воздух начинал нагреваться.

«Будет жаркий день», — подумала я.

Все, кроме мамы, стояли на крыльце. Впрочем, я заметила, что мама смотрит на меня из окна спальни. Я всем помахала и развернула Пятнистую в сторону от дома.

III. Обещания

Лили Кейси и Пятнистая

Грунтовая дорога на запад от Тинни была раньше индейской тропой, которая постепенно расширилась от того, что по ней начали ездить верхом и на повозках. Эта дорога шла вдоль реки Рио Хондо, у подножия уходящих к северу гор Кэптэн и расположенной поблизости резервации Мескалеро индейцев апачи. Места на юге штата Нью-Мексико были живописными. Кругом росли кедровые рощи. Иногда я замечала на берегу реки спускающуюся по склону антилопу, иногда по пути мне попадался пасущийся скот. Раз или два в день нам с Пятнистой встречался ковбой на худой лошади или повозка с мексиканцами. Я всем кивала, перебрасывалась парой слов, но держалась на расстоянии.

Когда солнце поднималось высоко и становилось жарко, я находила место в тени у реки, где Пятнистая могла пощипать травы. Мне и самой требовался отдых для того, чтобы не потерять внимание и концентрацию. Лошадь, идущая шагом, может попасть в опасную ситуацию точно так же, как и лошадь, скачущая галопом, потому что, если тебя укачает, ты можешь начать клевать носом и не заметишь лежащую на дороге гадюку, которая испугает твою лошадь.

Когда жара начинала спадать, мы снова трогались в путь и не

останавливались до наступления ночи. Я разводила огонь, ела бисквиты и вяленое мясо, заворачивалась в одеяло и засыпала под далекий вой койотов.

Каждый городок, который я проезжала, обычно представлял собой несколько сараев и домов из необожженного кирпича и сопровождался небольшой церквушкой. Я покупала в городке еду на следующий день путешествия и обязательно заводила разговор с владельцем магазина о том, какая дорога ждет меня впереди. Каменистая? Не шалят ли поблизости разбойники? Где лучше всего остановиться на привал и напоить лошадь?

Владельцы магазинов чаще всего были только рады возможности поболтать и показать свои экспертные знания местной географии и жизни. Они давали мне советы и рисовали карты на пакетах, в которые заворачивали мои покупки. В таких магазинчиках я не встречала покупателей. На полках собирали пыль банки с консервированными персиками и какими-то таинственными снадобьями. Оплатив покупку, я неизменно спрашивала владельца магазина: «Сколько покупателей у тебя было сегодня?»

«Ты первая на этой неделе, — часто отвечали владельцы магазинов, — но, с другой стороны, сегодня еще только среда».

От Хондо я доехала до Линкольна, потом до Кэптэна, потом до Карризозо, после чего дорога вышла из предгорий и пошла по выжженной плоской и пустынной равнине под названием Мальпаис. Я направилась на север, слева от меня из пустыни вздымалась большая гора Чупадера Месса. Я добралась до городишка под названием Лос-Лунас на реке Рио-Гранде. В тех местах река не была широкой, и через нее меня переправила на плоту девочка из племени зуни. Она тянула за веревку, перекинутую с одного берега на другой.

К западу от реки располагалось несколько индейских резерваций, и однажды я встретила по пути женщину полукровку навахо на ослике. Она казалась ненамного старше меня. На ее голове была надета ковбойская шляпа, из которой выбивались ее непослушные черные волосы, словно содержимое из порванного матраса. Мы ехали в одну сторону и решили продолжить путь вместе. Она представилась Присциллой Лузфут. Она объяснила, что ее мать отдала ее в семью поселенцев в обмен на двух мулов, но белые поселенцы относились к ней хуже, чем к скотине, поэтому она убежала и теперь зарабатывала сбором и продажей лечебных трав.

В ту ночь мы разбили лагерь в роще можжевельника у дороги. Я вынула из седельной сумки кукурузной муки, а Присцилла

достала завернутый в листья свиной шпик. Она смешала шпик с мукой, добавила соли из кожаного кисета, налепила индейских лепешек и поджарила их на лежащем в углях плоском камне.

Большинство индейцев навахо неразговорчивы, но Присцилла болтала, не закрывая рта. Мы сидели у затухающего костра и облизывали пальцы. Присцилла завела разговор о том, что мы так хорошо ладим, что можем работать командой, и нам, вероятно, стоит и дальше продолжить свой путь вместе. Она обещала научить меня находить целебные травы.

Через некоторое время мы легли спать. Ночью я неожиданно проснулась. Я осмотрелась кругом и увидела, что Присцилла копается в моих седельных сумках.

Револьвер с перламутровой рукояткой был у меня за голенищем. Я быстро вынула оружие и направила его на Присциллу так, чтобы она в лунном свете могла рассмотреть, что я держу в руках.

«У меня нет ничего ценного», — сказала я.

«Это я уже поняла, — ответила Присцилла, — но все равно решила проверить».

«Ты что-то говорила о том, что мы хорошо ладим».

«Мы можем с тобой ладить, если ты не будешь на меня обижаться. Понимаешь, у меня в жизни мало появляется возможностей, поэтому, когда жизнь дает шанс, я стараюсь им воспользоваться».

Я прекрасно понимала, о чем она говорит, но не собиралась рисковать и снова ложиться спать, чтобы проснуться одной без Присциллы и своей лошади. Я встала и скатала свое одеяло. «Ты остаешься здесь», — сказала я ей.

«Конечно».

Луна светила достаточно ярко для того, чтобы разобрать дорогу. Я оседлала Пятнистую, и продолжила путь в полном одиночестве.

Я пересекла границу штата Аризона в месте под названием Крашеные скалы (Painted cliffs), где посреди пустыни стоят скалы из красного песчаника. Через десять дней я приехала в город Флагстафф. В городе я увидела рекламу отеля с настоящей ванной, и хотя мне очень хотелось помыться, потому что от меня уже пахло, я решила этого не делать и через два дня прибыла в Ред Лейк.

В общей сложности я провела в дороге 28 дней: на палящем солнце и ночуя под открытым небом. Я очень устала и была покрыта грязью с ног до головы. Я похудела, а моя одежда висела на мне мешком. Когда я посмотрелась в зеркало, то обратила

внимание, что мое лицо стало жестче. Кожа стала темнее и вокруг глаз я заметила начало маленьких морщинок. Но я успешно добралась до цели и вошла в эту чертову «дверь».

Ред Лейк — это небольшое поселение, расположенное на высоком плато в 45 километрах к югу от Гранд Каньона. Город был окружен огромными ранчо, которые простирались на запад и на восток на много километров, от чего казалось, что ты находишься в одной из самых высоких точек в мире. В этих местах было больше зелени, чем в других частях Аризоны, которые мне пришлось повидать. Трава была такой высокой, что доходила до живота коня. Вот уже много лет в этих местах пасли скот, но не так давно в Ред Лейк начали переезжать фермеры со своими плугами и скотом в надежде на то, что землю можно распахать, засеять и снимать с нее обильные урожаи, не зря такой высокой была здесь трава. Фермеры приехали сюда со своими семьями и детьми, которым надо было ходить в школу.

Вскоре после моего приезда в Ред Лейк из Флагстаффа приехал школьный инспектор округа мистер Макинтош. Это был невысокий человечек с таким узким лицом, что можно было бы подумать, что он — рыба. На его голове красовалась шляпа-федора, а белый накрахмаленный воротничок плотно обхватывал шею. Мистер Макинтош объяснил, что из-за войны мужчины уходят в армию, а женщины из сельской местности переезжают в города, чтобы получить высокооплачиваемую работу, которую раньше делали мужчины. Несмотря на то что в сельских районах всегда был недостаток учителей, его руководство хотело, чтобы учителями становились только люди с образованием в восемь классов и дипломом преподавателя. У меня не было ни того, ни другого. Поэтому я буду преподавать в Ред Лейк до тех пор, пока они не подыщут квалифицированного сотрудника, после чего меня отправят в другую школу.

«Не волнуйся, — заверил меня школьный инспектор Макинтош, — тебе мы всегда найдем местечко».

Школа в Ред Лейк представляла собой одну комнату, в углу которой находилась печка, стоял стол для учителя, несколько скамеек для учеников и висела черная доска. Эта доска меня очень порадовала, потому что во многих школах и ее не было. Правда, многие школы выделяли своим учителям квартиру или комнату, но в Ред Лейк такой роскоши не предвиделось, поэтому спать мне пришлось на полу на моих походных одеялах.

Несмотря на это моя работа мне очень нравилась. Школьный инспектор округа мистер Макинтош редко заезжал в Ред Лейк,

поэтому мне была предоставлена полная свобода учить как я хочу и тому, чему пожелаю. У меня было пятнадцать учеников разного возраста и очень разных способностей. Мне не надо было зазывать их в школу и следить за посещаемостью, потому что родители хотели, чтобы их дети ходили в школу. Родители сами привели детей в школу в первый день занятий и следили за тем, чтобы их чада не пропускали уроки.

Большинство детей родились на востоке страны, но некоторые приехали совсем издалека, например, из Норвегии. Девочки ходили в выцветших полосатых платьях до пола, а мальчики были стрижены под горшок. В теплую погоду все дети ходили босиком. Некоторые из семей моих учеников были беднее нищих. Однажды я остановилась у дома одного из моих учеников из семьи индейцев и увидела, что во дворе они варят в чане баранину, в которой я заметила много червей.

«Поосторожнее с мясом, — предупредила я их, — в нем много червей».

«Верно, — ответила мне мать семейства, — а черви тоже мясо».

Учебников у нас не было, поэтому занимались мы по всему, что ученики приносили из дома: библиям, отрывным календарям, письмам, каталогам с рекламой семян. Когда наступила зима, отец одного из моих учеников подарил мне шубу из меха убитых им койотов. Я вела в этой шубе уроки, потому что мой стол стоял далеко от печки, вокруг которой сбивались дети. Матери учеников регулярно угощали меня пирогами и рагу, а также приглашали на обеды по воскресеньям, предварительно накрыв стол белой скатертью из уважения к учительнице. В конце каждого месяца я получала зарплатный чек у клерка в мэрии.

Где-то в середине учебного года школьный инспектор мистер Макинтош нашел для школы в Ред Лейк учителя с дипломом, и меня отправили в другой городишко под названием Кау Спрингс. Следующие три года мы с Пятнистой переезжали из одного города в другой. Мы были в городках Лепп, Хэппи Джек, Грисвуд и Вайд Руин. Я нигде не пускала корни, не задерживалась надолго и ни с кем не сдружилась. Во всех школах я умела поддерживать дисциплину, и если маленькие негодники меня не слушались, то я била их по костяшкам рук линейкой. Я учила их тому, что им пригодится в жизни, и знала, что сильно им помогаю. Я ни разу не встретила ребенка, которого нельзя было научить. У каждого что-то хорошо получалось. Надо было лишь узнать, в чем его преимущество, и использовать для того, чтобы научить ребенка всему остальному. Мне нравилась моя

работа. Я знала, что делаю свое дело, могла ночью спать спокойно, а когда просыпалась, то радостно встречала новый день.

Потом закончилась война. Однажды вскоре после того, как мне исполнилось 18 лет, приехал мистер Макинтош и сообщил мне, что солдаты возвращаются домой, и женщин в городах увольняют, освобождая места ветеранам войны. Многие из этих женщин имеют дипломы учителя, и им нужна работа. Кроме того, некоторые из солдат тоже работали учителями. Макинтош сказал, что слышал много лестных отзывов о моей работе, но я так и не окончила восемь классов и не имела диплома преподавателя, а штат Аризона должен в первую очередь трудоустроить граждан, которые сражались за нашу страну.

«Значит, меня увольняют?» — спросила я.

«К сожалению, твои услуги нам больше не понадобятся».

Я молча уставилась на рыбу-инспектора. Я подозревала, что подобное может рано или поздно случиться, но все равно чувствовала, словно у меня земля ушла из-под ног. Я знала, что была хорошей учительницей. Я любила эту работу, и мне даже нравилось путешествовать из одного богом забытого места в другое, где некому было преподавать. Я прекрасно понимала, что мы обязаны помочь возвращающимся домой солдатам. Но в то же время я не дурака валяла, а учила этих диких и необразованных детей и поэтому чувствовала несправедливость в словах человека-рыбы о том, что у меня не хватает квалификации делать то, чем я занималась последние четыре года.

Инспектор Макинтош, судя по всему, прекрасно понял мои мысли. «Ты сильная и молодая девушка, — сказал он. — Найди себе мужа, например, одного из возвращающихся с фронта солдат, и все в твоей жизни будет в порядке».

Казалось, что возвращение на ранчо Кейси заняло в два раза меньше времени, чем путешествие в Ред Лейк. Наверное, это всегда так, когда едешь домой по уже знакомой местности. Единственное приключение, которое со мной произошло, была встреча с гремучей змеей, которая ночью забралась под лежащее на земле седло. Но я даже не успела достать пистолет, как змея стремительно уползла, устрашающе гремя своей погремушкой. Еще я впервые в жизни увидела самолет. Мы с Пятнистой двигались на запад в районе руин Хомолови, бывшим когда-то поселением предков племени индейцев хопи, как я вдруг услышала в небе звук мотора. Я посмотрела вверх и увидела красный биплан, летевший на восток всего в паре сотен метров над землей.

Пятнистая начала волноваться от странного звука, но я

заставила ее стоять смирно, сняла шляпу и помахала приближающемуся аэроплану. Пилот в ответ покачал крыльями, а пролетая над нами, высунулся из кабины и помахал рукой. Я пустила Пятнистую галопом за улетающим самолетом, громко крича и размахивая шляпой. Я даже не знаю, что и зачем я кричала, настолько была тогда возбуждена.

Я никогда в жизни не видела такой диковины, как самолет. Мне было удивительно, что он не падает с неба, и тогда у меня возник момент «Эврика!» Я поняла, что означает слово «самолет». В буквальном смысле это значит объект, который сам летит по воздуху.

Эх, как мне хотелось поделиться своим наблюдением с учениками. Но учеников у меня не было, и делиться своими мыслями было не с кем.

Я не была дома четыре года, потому что путешествие на ранчо Кейси было очень долгим. Говорят, когда возвращаешься туда, где ты вырос, все кажется меньше. Именно такие чувства я и испытала, когда доехала до ранчо. Не знаю, чем объясняется этот феномен памяти — тем, что я сама выросла, или тем, что в воспоминаниях все предметы и события кажутся больше, чем в действительности. А может быть, благодаря всему вместе.

Во время своего отсутствия я регулярно, раз в неделю, писала домой письма и получала в ответ длинные письма от папы, который многословно излагал свое мнение о политических событиях, но мало рассказывал о происходящем на ранчо. Если честно, я немного волновалась о том, как на ранчо идут дела. Однако внешне все было в порядке: дома побелены, ограда в порядке, у дома появилась новая пристройка, а огромная поленница колотых дров была аккуратно сложена на крыльце под навесом. Перед крыльцом появилась клумба, на которой росли подсолнухи и мальва.

Когда я подъехала к дому, во дворе стояла Лупе и мыла горшок. Она громко закричала, и все выбежали из дома и из сараев. Было много счастливых слез, и мы долго обнимались. Папа повторял: «Ты уехала девочкой, а вернулась женщиной». У родителей в волосах появились седые пряди, Бастер раздался вширь и отпустил усы, а Хелен превратилась в высокую шестнадцатилетнюю красавицу.

Бастер и Дороти поженились за год до моего возвращения. Они жили в новом крыле дома, и очень скоро я поняла, что именно Дороти управляет всем хозяйством. Она курировала работу на кухне, иногда даже излишне жестко приказывая Лупе, и выдавала Бастеру, Апачи и даже маме, папе и Хелен задания на день. Мама жаловалась на то, что Дороти всеми командует, но я

поняла, что в глубине души родители рады тому, что кто-то занимается тем, что раньше делала я.

Мама очень волновалась по поводу Хелен, которая достигла возраста, когда девушки могут выходить замуж, была красавицей, но у нее не хватало силы воли и энергии. Мама считала, что у Хелен, возможно, неврастения — малопонятное для меня заболевание, от которого женщинам из богатых семей весь день хочется не вставать с дивана и держать на глазах мокрое полотенце. Хелен с радостью пекла пироги и делала рагу, но не любила работу, от которой пробивает пот и появляются мозоли на руках. Не будем забывать, что большинство фермеров и жителей ранчо в районе Рио Хондо искали жен, которые умеют не только готовить и убираться в доме, но в состоянии помочь загонять и клеймить скот, а также управлять телегой. Мама считала, что Хелен надо отправить в школу сестер Лоретто, в надежде на то, что там она научится хорошим манерам и сможет встретить в Санта-Фе мужа. Однако Дороти придерживалась мнения о том, что доходы от ранчо надо вкладывать в хозяйство, а также приобретение оборудования и машин, которые обрабатывают и собирают урожай. Сама Хелен говорила только о том, что мечтает переехать в Лос-Анджелес и стать киноактрисой.

Однажды утром через несколько дней после моего возвращения мы завтракали. Мама поставила на стол чайник с чаем. За годы жизни в Аризоне я пристрастилась к кофе, но папа не позволял пить ничего крепче чая.

После того, как убрали со стола, мы с папой вышли на крыльцо. «Ну что, ты готова вернуться к работе в загоне для скота? — спросил он. — У меня появилась пара новых кобылиц, которых надо объездить. Я уверен, что у тебя это прекрасно получится».

«Не знаю, папа».

«Я не верю своим ушам! Ты же наездница!»

«Здесь теперь Дороти главная, поэтому не уверена, что мне здесь место».

«Перестань говорить глупости. Ты же родная кровь, а она жена моего сына. Твое место здесь».

Но у меня не было в этом уверенности. Даже если бы здесь и нашлось для меня место, это не была та жизнь, о которой я мечтала. Тот самолет, который я увидела над руинами Хомолови, заставил меня глубоко задуматься. Кроме того, за время жизни в Аризоне я видела достаточно автомобилей, и это навело меня на мысль о том, что у дилижанса и лошадей уже нет будущего.

«Папа, а ты не хочешь купить себе автомобиль?» — спросила я.

«Чертовы железные коробки, — ответил отец. — В них никто никогда не будет так хорошо смотреться, как верхом или в дилижансе».

Потом его понесло. Он начал разглагольствовать о том, что президент Тафт, который упразднил при Белом доме стойла для лошадей и заменил их гаражом для автомобилей, ведет страну по неправильному пути. «Тедди Рузвельт — вот был настоящий мужчина. Наш последний президент, который умел красиво сидеть на лошади. Такого в нашей истории уже никогда не будет».

Я слушала папу и понимала, что я все больше и больше от него отдаляюсь. Всю свою жизнь я только и слышала от него о том, что в прошлом было все прекрасно, а вот от будущего он не ждет ничего хорошего. Я решила не рассказывать ему про самолет, потому что это только подольет масла в огонь. Папа не осознавал одного: можно сколько угодно презирать или бояться будущего, но это будущее неизбежно придет. А когда оно придет, то лучше быть к нему готовым.

Самолет, который я видела в небе, показал мне, что мир гораздо больше и интересней, чем ранчо Кейси. Мир — это место, в котором я могу получить свой чертов диплом. И кто знает, может быть, я даже научусь управлять самолетом.

Я понимала, что могу или остаться на ранчо, или уехать и самой пробиваться в этой жизни. Если я останусь на ранчо, то вряд ли найду мужа и превращусь в тетушку «синий чулок», которой будет суждено ухаживать за детьми Бастера и Дороти, о которых те постоянно говорили. Мне еще ни один мужчина не делал предложения, и если я буду сидеть и ждать, то вскоре превращусь в сидящую в углу старую деву, которая весь день чистит картошку. Если я собираюсь сама заниматься своей жизнью, мне надо уехать туда, где молодая незамужняя женщина может найти работу. И такие по сути животноводческие города, как Санта-Фе и Таксон, для моих целей не подходили, потому что в них мои возможности были ограниченными. Я хотела уехать туда, где у меня было бы много возможностей, туда, где будущее начиналось прямо сейчас. Я хотела уехать в самый большой и самый шумный город.

Через месяц я сидела в вагоне поезда, отправлявшегося в Чикаго.

Железная дорога шла на северо-восток через степи до Канзас-Сити, потом через Миссисипи и зеленые, плотно засеянные кукурузой поля Иллинойса, где периодически встречались огромные силосные вышки и дома фермеров с

белыми наличниками и огромными верандами. Это было мое первое путешествие на поезде, и я часто высовывала голову из окна, чтобы осмотреть местность, по которой мы проезжали.

Поезд ехал даже ночью, периодически останавливаясь, чтобы высадить и взять пассажиров, а также заправиться. В общей сложности это путешествие заняло всего четыре дня. Если бы я поехала на Пятнистой, которая, как мы помним, была быстрой лошадью, я бы за месяц не проделала и половину этого пути.

Поезд прибыл на вокзал Чикаго, я взяла свой маленький чемоданчик и вышла на улицу. Мне раньше приходилось бывать в людных местах: на ярмарках и на аукционах по продаже скота, но я еще никогда в жизни не видела такого количества людей, движущихся плотной массой, толкающихся и наступающих друг другу на ноги. Никогда раньше мои уши не слышали такого ужасного шума сигналящих автомобилей, звенящих трамваев и отбойных молотков, вгрызающихся в асфальт.

Я прогулялась, рассматривая небоскребы, и дошла до озера — огромного, синего и ровного, как тарелка. Казалось, что озеру нет ни конца, ни края. В озере было огромное количество питьевой воды, и от него веяло прохладой даже в жаркий летний день. Я выросла в местах, где люди мерили воду ведрами. В наших местах за воду дрались и иногда убивали. Мне было сложно представить себе, что миллионы, а может быть, и триллионы литров питьевой воды никто не использует, никто за них не воюет и никто на них не претендует.

Я долго смотрела на озеро, а потом пошла и сделала то, что планировала заранее: нашла католическую церковь и попросила священника порекомендовать мне пансион для женщин. Я сняла кровать в комнате на четырех человек, купила несколько газет и начала читать объявления о найме, обводя карандашом те предложения, на которые я потенциально могла рассчитывать.

На следующее утро я начала поиски работы. Я шла по улицам, вглядывалась в лица людей и думала: «Вот, значит, какие они — городские жители». Не то чтобы у людей были другие лица, просто на них было иное выражение. Лица горожан были словно закрыты. Все подчеркнуто делали вид, что игнорируют окружающих. Я привыкла к тому, что нужно кивнуть, когда встретишься взглядом с незнакомым человеком, но в Чикаго все смотрели словно сквозь тебя так, будто тебя не существует.

Найти работу оказалось гораздо сложнее, чем я ожидала. Я надеялась, что смогу найти работу гувернантки или частного преподавателя, но когда я говорила людям, что не окончила восемь классов, на меня смотрели так, словно не понимали, почему я трачу их время. Никто не хотел учитывать мой опыт

преподавания в школе. Одна женщина сказала мне: «Вашего образования, возможно, хватало для обучения детей в провинции, но здесь, в Чикаго, такое не катит».

Чтобы наняться продавцом, тоже требовался опыт работы в магазине. Мой личный опыт в этой области ограничивался продажей яиц по центу за штуку мистеру Клаттербаку. Конторы и предприятия нанимали клерков, но уже стоя в длинной очереди для того, чтобы заполнить необходимые анкеты и бумаги, я знала, что офисной работы мне не предложат. Из Европы возвращались войска, а из деревень в города приезжало много девушек, поэтому конкуренция за места была огромной. У меня заканчивались деньги, и я поняла, что нанять меня могут только на фабрике или в качестве служанки.

Мысль о том, что можно по 12 часов в день проводить за швейной машинкой, не переполняла меня энтузиазмом. Но если я наймусь служанкой в богатую семью со связями и зарекомендую себя с лучшей стороны, то, кто знает, может быть, мне удастся найти что-то более интересное.

Довольно быстро я нашла работу у биржевого трейдера и его жены Мим, которые жили в северной части города. Семья жила в большом и современном доме с центральным отоплением, стиральной машиной и ванной комнатой с огромной ванной, обложенной мозаикой, а также кранами для холодной, горячей и студеной, как из родника, питьевой воды. Я приезжала к ним еще до рассвета, чтобы к пробуждению хозяев подать им кофе, после чего целый день терла, полировала, вытирала пыль и убиралась. Я уходила из их дома только тогда, когда заканчивала мыть тарелки после ужина.

Меня не пугала тяжелая работа. Но мне не нравилось, как со мной обходилась Мим — светловолосая барышня с длинным лицом, которая была всего несколькими годами старше меня самой. Мим относилась ко мне, словно к вещи. Отдавая приказания, она даже не смотрела на меня. При этом она корчила из себя прямо примадонну, когда звонила в серебряный колокольчик, чтобы подать сигнал нести чай, когда в ней приходили гости. Несмотря на то что Мим имела, я бы не назвала ее умной и сообразительной.

Более того, в душе я изумлялась, какой глупой можно быть. Однажды к ней в гости пришла француженка с той-пуделем. Когда собачка начала тявкать, женщина стала говорить ей что-то по-французски. «Вот это умная собачка, — заметила Мим. — А я даже и не подозревала, что собаки могут говорить по-французски».

Мим часто разгадывала кроссворды, постоянно спрашивая

своего мужа помочь ей найти самые простые слова. Однажды я совершила большую ошибку, подсказав ей нужное слово, она посмотрела на меня испепеляющим взглядом.

Через две недели после моего выхода на работу Мим вызвала меня на кухню. «У нас с тобой ничего не получается», — сказала она.

Я была в изумлении. За две недели я ни разу не опоздала, а вся ее квартира просто блестела. «Почему?» — поинтересовалась я.

«Мне не нравится твое отношение».

«Я что-то не то сказала?»

«Нет. Мне не нравится, как ты на меня смотришь. Ты не понимаешь, где твое место. Прислуга должна ходить с опущенной головой».

Следующую работу служанкой я нашла быстро. На сей раз я следила за тем, чтобы держать рот закрытым, а голову как можно ниже. По вечерам я училась в вечерней школе, чтобы получить диплом. Я не боялась тяжелой работы, но понимала, что чистить серебряные столовые приборы в семьях богатых идиотов не является ни моим призванием, ни смыслом моей жизни.

Несмотря на то что у меня было мало свободного времени, а работа была неинтересной и нудной, мне нравилось жить в Чикаго. Это был современный и смелый город, хотя зимы здесь были пронизывающе холодными из-за сильных северных ветров. В то время шла кампания за предоставление женщинам права голоса на выборах, и вместе с соседкой по комнате Мини Ханаган я посетила несколько митингов. Мини была девушкой ирландского происхождения с зелеными глазами и роскошными черными волосами. Она работала на конвейере на пивоварне. Мини за словом в карман не лезла, и не существовало на свете тем, о которых у нее не было собственного мнения, а также людей, которых она не могла бы спокойно прервать, чтобы его высказать. После рабочего дня, во время которого я помалкивала и смотрела в пол, мне было приятно расслабиться с Мини и поболтать о политике, религии и обо всем, что могло нас интересовать. Пару раз мы с ней ходили на двойные свидания с парнями, которые работали на фабрике. Они водили нас в спикизи[11] подешевле, но оказывались либо слишком молчаливыми, либо слишком похотливыми. Мне было гораздо веселее с Мини, чем с ними, поэтому несколько раз мы ходили на танцы и танцевали друг с другом. Мини Ханаган была единственным человеком, которого я могла в те времена назвать своим настоящим другом.

Однажды Мини поинтересовалась, когда у меня день рождения. Когда этот день пришел (а мне тогда исполнился двадцать один год), она подарила мне темно-красную губную помаду. Мини сказала, что денег на что-то более серьезное у нее не было, но мы можем накраситься, как настоящие леди, и пойти в большой магазин одежды, чтобы померить вещи, которые когда-нибудь сможем позволить себе купить. Я никогда не пользовалась помадой — вообще очень немногие женщины на ранчо пользовались косметикой, — и Мини помогла мне накрасить губы. Честное слово, посмотревшись в зеркало, я поняла, что выгляжу не хуже жены трейдера.

Вместе с Мини мы пошли в магазин, который был похож на огромную церковь со сводчатым потолком, витражами на окнах и системой труб, по которой деньги покупателей попадали с одного этажа на другой. В этом магазине было бесконечное количество перчаток, мехов, туфель и всего другого, что только можно себе представить. Мы остановились в отделе шляп, и Мини предложила мне их померить. Я примерила самые разные шляпки: маленькие, большие, с перьями, с вуалью или боа и даже искусственными цветами, выложенными вокруг тульи. Мини комментировала каждую шляпку: эта слишком старомодная, у этой поля такие широкие, что закрывают мои глаза, ту вообще надо выбросить. Через некоторое время к нам подошла продавщица.

«Девушки, вам удалось найти что-нибудь, приемлемое вам по ценам?» — спросила она с холодной улыбкой.

Я немного смутилась и ответила: «На самом деле, нет».

«Тогда, возможно, вы ищете не в том магазине», — высказала предположение продавщица.

Мини в упор на нее уставилась. «Цена нас не останавливает и проблемой не является, — заявила она. — Проблема — найти что-нибудь достойное в вашем низкокачественном ассортименте трехгодичной давности. Лили, пошли-ка в Carson Pirie Scott».

Мини развернулась, и мы пошли к выходу. «Когда продавщицы начинают слишком нос задирать, — сказала она, — есть смысл напомнить им, что они сами всего лишь наемные работники».

Я прожила в Чикаго уже почти два года. Однажды июльским вечером я вернулась домой с работы и увидела, как соседка по комнате раскладывает на кровати единственное выходное платье Мини.

Соседка сообщила, что с Мини на пивном заводе произошла трагедия — ее длинные черные волосы попали в конвейер, и ее

раздавило огромными крутящимися шестеренками. Все произошло так быстро, что никто не успел ей помочь.

Мини должна была на работе убирать волосы под сетку, но она слишком гордилась своими роскошными волосами, из-за которых каждый второй мужчина в Чикаго начинал с ней флиртовать, что не смогла удержаться показать их на работе. Ее тело было так сильно изуродовано, что прощание с покойной планировали провести с закрытым гробом.

Я очень любила Мини. Сидя в церкви во время службы, я думала о том, что если бы была тогда рядом с нею, то могла бы ее спасти. Я представляла, что отрежу ее длинные волосы, вытащу и обниму ее, после чего мы обе расплачемся от радости, что ей удалось избежать неминуемой смерти.

Но одновременно я прекрасно понимала, что даже если бы и оказалась в тот момент поблизости и каким-то чудом у меня в руках были ножницы, я все равно бы не успела ее спасти после того, как волосы Мини запутались в конвейере. В такие моменты все происходит слишком быстро — вот сейчас человек жив, а через секунду его уже нет.

Мини планировала свое будущее. Она откладывала деньги и была уверена в том, что выйдет замуж. Она хотела купить небольшой дом в районе Оук-парк и вырастить целую ораву непослушных зеленоглазых детей. Но всем ее планам не было суждено осуществиться. Человек неправильно рассчитал, замешкался и допустил ошибку — и все, конец.

В этом мире нас может поджидать много опасностей, поэтому надо быть очень осторожной. Необходимо предпринимать все возможные меры против непредвиденных и катастрофических обстоятельств. Ночью после похорон я долго не могла заснуть в своей кровати в пансионе. Я взяла ножницы и, несмотря на то что Мини называла мои волосы чудом красоты, отрезала их чуть ниже ушей.

Я не ожидала, что мне понравится моя новая прическа. Короткие волосы оказались очень практичными — их можно быстро помыть и высушить, и мне не надо было тратить время на завивку и заколки. Я взяла ножницы и пошла по комнатам пансиона, убеждая девушек в том, что им надо коротко подстричься. Я говорила, что даже если они и не работают на заводах, в которых есть много опасных агрегатов, машин, турбин и шестеренок, где могут зацепиться их длинные волосы, в мире и без этого достаточно опасностей. Кроме всего прочего, длинные волосы — это вчерашний день. Мы — современные женщины и нам подходит короткая стрижка.

С моей новой прической я почувствовала себя, как

фотомодель. Мужчины начали меня замечать, и однажды, когда в воскресенье я гуляла у озера, ко мне подошел широкоплечий мужчина в костюме из ткани в крепированную полоску, в соломенной шляпе и завязал со мной разговор. Его звали Тед Коновер, он был бывшим боксером и работал продавцом пылесосов в компании Electric Suction Sweeper company. «Главное — придержать ногой дверь, чтобы ее не закрыли, кинуть в коридор немного грязи, и любая домохозяйка тут же согласится посмотреть, как работает пылесос», — сказал Тед.

Я с первого взгляда поняла, что Тед — большой пройдоха. Несмотря на это, он мне понравился. У него были выразительные глаза и нос картошкой, который ему сломали во времена занятий боксом. Он был энергичным и, как бы выразилась Мини, у него был «хорошо подвешенный язык». Он купил мне рожок с мороженным у уличного торговца, и мы присели на скамейку около фонтана из розового гранита. Тед сказал, что вырос в южной части Бостона, и стал рассказывать о том, как в детстве катался на задней подножке трамвая, воровал соленья с лотков торговцев и учился драться и посылать противника в нокаут на улице в потасовках с итальянцами. Он любил шутить и начинал сам смеяться над своими шутками, даже не рассказав их до конца. Он хохотал так заразительно, что я сама начинала смеяться, когда он еще не дошел до развязки своего рассказа или анекдота.

Возможно, потому что мне очень не хватало Мини и нужен был друг, я влюбилась в этого парня.

На следующей неделе Тед пригласил меня на обед в отель Palmer House, после чего мы стали регулярно встречаться. Правда, Тед регулярно уезжал из города, потому что занимался продажами на достаточно большой территории под Чикаго. Теду очень нравилось быть на людях, поэтому мы ходили на бейсбол, на стадион Ригли Филд, смотрели кино в Folly и бокс в Chicago Arena. Вместе с ним я выкурила свою первую сигарету, выпила первый бокал шампанского и сыграла первую партию в кости. Тед обожал играть в кости.

В конце лета Тед появился у меня в пансионе с купальным костюмом, который он купил мне в магазине Marshall Field's. Мы сели на поезд и поехали в Гэри,[12] где весь день купались в озере и загорали на песчаных дюнах. Я не умела плавать, потому что в детстве не купалась в водоеме глубже лужи, оставшейся после наводнения или паводка. Тед научил меня плавать.

«Доверься мне, — сказал он, — и просто расслабься».

Я легла на спину, а он стал поддерживать меня снизу руками.

Я расслабила мышцы, перестала тонуть и всплыла на поверхность. Мое лицо оказалось над водой, я могла дышать и почувствовала, что вода меня держит. Я не тонула. Я не представляла, что быть в воде может быть так приятно.

Приблизительно через шесть недель после нашего знакомства Тед отвел меня к фонтану, рядом с которым мы встретились, и снова купил мне рожок мороженого. Когда он дал мне рожок, на мороженом лежало кольцо с бриллиантом. «Я надеюсь, что этот лед растопит твое сердце», — сказал Тед.

Мы поженились в католической церкви, в которую я пришла сразу после того, как приехала в Чикаго. На мне было синее льняное платье, которое я одолжила у одной из девушек в пансионе. Ни у меня, ни у него не было времени на медовый месяц, но Тед пообещал, что когда-нибудь мы проведем ночь в Grand Hotel на Макино-Айленд на озере Гурон.

В тот день мы переехали в пансион, где проживали семейные пары, и отметили свадьбу бутылкой джина. На следующий день я пошла на работу, а Тед уехал из города продавать пылесосы.

Я решила не надевать подаренное им бриллиантовое кольцо на работу, а положила его в шелковый мешочек и спрятала под матрас. Я ужасно переживала по поводу того, что кольцо могут украсть, поскольку считала, что Тед заплатил за кольцо больше, чем был в состоянии себе позволить.

«Расслабься и наслаждайся жизнью», — посоветовал мне Тед.

«Но это такой дорогой подарок!» — возражала я.

«Да, если бы я купил его в обычном ювелирном магазине, — ответил Тед, — но скажу тебе честно, что это кольцо особенное, и у него своя история».

Он заверил меня в том, что он лично кольцо не украл. Просто у него есть связи, и через знакомых он имел возможность покупать вещи, так сказать, ниже их реальной стоимости. «Связи в этой жизни — это все» — так он выразился.

Никогда в жизни я не стремилась к тому, чтобы обо мне кто-то заботился, но мне нравилось быть замужем. Я много лет прожила в полном одиночестве и полагалась только на свои силы, и мне было приятно разделить свою жизнь с другим человеком. Тяжести жизни переживались легче, а приятные моменты казались слаще.

Тед был мечтателем. Он всегда говорил, что мечтать не вредно. Когда он узнал, что я хочу закончить школу и получить образование в колледже, он заметил, что, может быть, в один прекрасный день я отважусь пойти в магистратуру или защитить

кандидатскую. А когда я рассказала ему, что мне бы хотелось научиться водить самолет, он ответил, что из меня может получиться прекрасный пилот. Тед постоянно строил и для самого себя самые радужные планы. Он мечтал открыть производство своей собственной марки пылесосов, основать телефонную компанию. Он много о чем мечтал.

Мы решили пока не заводить детей, а откладывать деньги до тех пор, пока я не закончу свое образование в вечерней школе. Это не поздно сделать в будущем, когда наше будущее станет чуть яснее и понятней.

Тед часто уезжал в командировки. Меня это особо не расстраивало, потому что я была очень занята работой и учебой. В целях экономии мы часто ели консервы, а чайные пакетики заваривали по четыре раза. У меня было много дел, и время летело быстро. В 26 лет я получила диплом об окончании восьми классов. Я продолжала работать служанкой, но начала присматривать работу получше. Однажды летом я переходила улицу с пакетами продуктов, купленных для семьи, на которую я работала, и тут из-за угла на большой скорости вылетел шикарный «Родстер». Увидев меня, водитель пытался затормозить, но машина ехала слишком быстро. Я ударилась о радиатор автомобиля, перелетела через капот и упала. Яблоки, бананы, хлеб и банки с консервами из пакетов, которые я несла, разлетелись по всей улице.

Однако годы в седле научили меня падать, и во время падения я правильно сгруппировалась. Я лежала на мостовой и смотрела, как вокруг меня собираются люди. Из кабины автомобиля выскочил водитель — молодой человек с зализанными назад волосами и в двуцветных ботинках.

Этот хлыщ начал уверять окружающих, что я сама раззява и, не глядя по сторонам, вылезла на проезжую часть. Потом он наклонился ко мне и спросил, как я себя чувствую. Я знала, что ничего не сломала и отделалась ушибами, ссадинами и синяками, несмотря на то что со стороны все выглядело гораздо более серьезно.

«Нормально», — ответила ему я.

Но хлыщ оказался человеком честным, и не представлял, что сбитая автомобилем дамочка может преспокойно встать и уйти. Он тыкал мне в лицо ладонь с несколькими вытянутыми пальцами, спрашивая, сколько пальцев я вижу, и настаивал, чтобы я сказала, какой сегодня день недели.

«Да у меня все в порядке, — ответила я. — Я раньше объезжала лошадей. Поверь мне, что я знаю, что такое падать».

Тем не менее хлыщ настоял на том, чтобы отвезти меня в больницу и предлагал оплатить медицинский осмотр. Мы поехали. В отделении «Неотложной помощи» я заявила медсестре, что все у меня в полном порядке, на что та сказала, что я могла повредить себе что-нибудь и пока этого не осознать. Я заполнила разные бумаги, и медсестра спросила меня, замужем ли я. Я ответила утвердительно, и тогда хлыщ стал настаивать на том, чтобы я позвонила моему мужу.

«Он продавец и сейчас находится в командировке», — сказала ему я.

«Ну, в любом случае позвони ему в офис. Там подскажут, как с ним связаться».

Медсестра смазала мои раны и забинтовала их. Хлыщ нашел телефон офиса, в котором работал Тед, и выдал мне пять центов для телефона-автомата. Я решила позвонить Теду, чтобы его успокоить, и набрала номер.

«Отдел продаж, Чарли слушает», — услышала я в трубке.

«Не могли бы помочь связаться с Тедом Коновером. Он сейчас находится в командировке. Это Лили, его жена».

«Тед совсем не в командировке, а в офисе. Он только что пошел на ланч. А его жену зовут Маргарет. Это что, шутка?»

Я почувствовала себя, словно подо мной провалился пол. Я не знала, что ответить, и повесила трубку.

Хлыщ был крайне удивлен тем, что я, как вихрь, вылетела из телефонной будки. Мне хотелось поскорее выйти из здания больницы на свежий воздух, чтобы собраться с мыслями. Я направилась к озеру, стараясь побороть периодически возникающие всплески панического настроения. В надежде, что вода меня успокоит, я долго гуляла. Стоял солнечный летний день, и вода тихо плескалась о камень набережной. Может быть, я неправильно поняла то, что сказал мне Чарли? Или меня действительно подло обманули? Я знала, что существует один простой способ понять, что происходит.

Офис компании Electric Suction находился в пятиэтажном здании в районе Чикаго-Луп.[13] Я выудила из мусорного бачка газету, закрылась ею и заняла позицию на другой стороне улицы напротив выхода из здания. Сразу же после пяти дня из здания начали выходить люди, и среди них я увидела своего мужа Теда Коновера. На Теде была его любимая шляпа с маленьким перышком, которую он залихватски носил, сдвинув на затылок. Было ясно, что он обманул меня и никуда не уезжал из города. Тем не менее это было только начало интриги, которую мне еще было суждено раскрыть.

Я проследовала за Тедом на безопасном расстоянии. Мы

прошли по многолюдным улицам до станции метро, поднялись по лестнице на платформу. Я стояла в конце платформы, закрывшись газетой, и села в вагон, соседний с тем, в который вошел Тед. На каждой остановке я высовывала голову из двери вагона, чтобы посмотреть, вышел ли он. Тед сошел на остановке Hyde Park. Опять на безопасном расстоянии я пошла за ним. Тед направился в бедный район с облезлыми зданиями без лифта.

Мой муженек зашел в одно из малопримечательных зданий. Я подождала на улице, чтобы по зажженному свету в окне понять, в какую квартиру он зашел, но свет не включился ни в одном окне. Тогда я вошла в вестибюль здания и осмотрела почтовые ящики. Ни на одном из ящиков не была указана фамилия жильца. Тогда я подождала, когда из закрытой двери подъезда выйдут люди, и прошмыгнула внутрь. Коридор был узким и темным. В нос ударил неприятный запах вареной капусты и мясных консервов.

На каждом этаже было по четыре квартиры. Я становилась под дверью каждой и, приложив к двери ухо, прислушивалась в надежде услышать бостонский выговор Теда. У третьей по счету двери я услышала его голос.

Я постучала в дверь, хотя до конца не представляла себе, что скажу, когда мне откроют. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина с маленьким ребенком на руках.

«Вы Маргарет, жена Теда Коновера?» — спросила я.

«Да. А вы кто?»

Я внимательно посмотрела на нее. Мы с Маргарет были приблизительно одного возраста, но ее лицо показалось мне уставшим, а в волосах я увидела раннюю седину. На ее губах была улыбка человека, у которого, несмотря на жизненные невзгоды и сложности, все-таки встречаются поводы для того, чтобы посмеяться.

Из-за ее спины сначала раздались голоса двух мальчиков, после чего я услышала голос Теда: «Дорогая, кто это?»

Мне захотелось отпихнуть Маргарет, ворваться в комнату и выцарапать глаза этому обманщику, но я сдержалась, потому что подумала о том, что может стать с этой женщиной и ее детьми.

«Я из бюро переписи населения, — сказала я. — Мы просто хотели удостовериться, что в этой квартире проживает семья из четырех человек».

«Уже из пяти, — ответила Маргарет, — хотя иногда кажется, что нас человек двадцать, не меньше».

«Спасибо, это все, что мне было нужно узнать», — сказала я с вымученной улыбкой.

Я села в метро и отправилась в пансион, стараясь по пути понять, что мне следует предпринять в этой ситуации, и неожиданно вспомнила, что у нас с ним был открыт общий банковский счет. Всю ночь я жутко волновалась и утром стояла перед дверью офиса банка еще до его открытия. Мы с Тедом имели двести долларов на сберегательном вкладе, который приносил неплохие проценты. Сотрудник банка сообщил мне, что на счете всего десять долларов.

Я вернулась в пансион и села на кровать в своей комнате. Мне казалось, что я удивительно спокойна, но когда я проверяла, заряжен ли мой револьвер с перламутровой рукояткой, мои руки тряслись. Я положила пистолет в сумочку.

До Чикаго-Луп я доехала на автобусе и по лестнице поднялась до этажа, на котором работал Тед. Я открыла дверь из притертого непрозрачного стекла с названием компании Теда и зашла в маленький пыльный офис, где стояло несколько старых столов. Тед с коллегой сидели, положив ноги на столы, читали газеты и курили.

Как только я увидела Теда, я забыла обо всех приличных манерах, которым учила меня мама. Я стала в буквальном смысле бешеной и начала бить его сумочкой, в которой лежал тяжелый револьвер, и орать благим матом: «Ах, ты сукин сын, двоеженец ты паршивый!»

Тед пытался закрывать лицо руками, но пока от него меня не оттащил его сослуживец, я успела разбить ему лицо в кровь. Я развернулась, и начала лупить сумкой что есть сил его коллегу, но тут меня схватил Тед. «Успокойся, иначе я тебя нокаутирую. Ты сама знаешь, что я это умею», — сказал он.

«Ну, давай, тогда я подам на тебя в суд не только за грабеж и двоеженство, но и за физическую расправу», — ответила я.

«Я понял, что вам тут есть о чем поговорить», — сказал коллега Теда, быстро схватил свою шляпу и выскочил за дверь.

Тут меня прорвало. Я спросила его о том, зачем он мне врал, зачем женился, когда у самого уже есть жена и трое детей, почему взял деньги с совместного счета, на котором мы хранили деньги для нашего общего будущего. И что еще о нем я не знаю? И вообще, почему он подошел ко мне тогда у озера?

Тед слушал меня, и выражение лица его менялось. Сначала вид у него был крайне вызывающим, но потом лицо стало грустным, и наконец из его глаз полились слезы. Он объяснил, что взял деньги потому, что ему надо было платить по игорным долгам, и его прессовали поганые итальяшки. Он, мол, планировал вернуть деньги на общий счет до того, как я замечу их исчезновение. Потом он заявил, что хотя и женат на Маргарет

и имеет от нее трех детей, он ее не любит, а обожает меня. «Лили, — ныл Тед, — я обожаю тебя и мог быть с тобой, только тебе соврав».

Этот поганец, наверное, рассчитывал на то, что я его пожалею.

«Я сам во всем виноват, — бормотал он. Потом он протянул руку и положил ее мне на плечо: — Я люблю тебя и этим тебя убиваю».

Казалось, что он сейчас разрыдается, как дитя. Я стряхнула его руку со своего плеча.

«У тебя о себе завышенное мнение, — сказала я. — На самом деле ты меня не любишь, и ты меня не убиваешь. У тебя на это кишка тонка».

Я отодвинула его, громко хлопнула дверью, потом повернулась и сумочкой с размаху разбила стекло его офиса, которое мелким осколками упало на пол.

Я снова вышла прогуляться вдоль озера. Иногда мне казалось, что знаю, что со мной произойдет в будущем, но вот в этом случае и не представляла, что отношения могут так закончиться. Ситуация была печальной, но я переживала и более тяжелые обстоятельства, чем короткое замужество с лгуном и идиотом, поэтому была уверена, что выберусь и из этой передряги.

Поднялся ветер, на поверхности воды появились волны, и я думала, что иногда точно так же, как и в случае с Мини, катастрофа, которая за одну секунду изменяет жизнь, может произойти внезапно. А иногда происходит одно небольшое событие, за ним другое, и так постепенно в жизнь человека приходят большие перемены. Если бы меня тогда не сбила машина и ее водитель не настоял на том, чтобы отвезти меня в больницу, и не узнал, что я замужем, а потом не настоял, чтобы я позвонила Теду, я еще неизвестно как долго пребывала бы в «счастливом» заблуждении. Теперь больше иллюзий у меня не осталось.

Я смотрела на озеро и поняла, что между мной и Чикаго все кончено. Этот город с прекрасной водой и высокими небоскребами принес мне только одну боль. Настала пора возвращаться на ранчо.

В тот же день я пошла в церковь, в которой так необдуманно вышла замуж, и рассказала священнику обо всем случившемся. Священник сказал, что, если я могу доказать, что мой муж уже находился в браке, то могу просить епископа о

расторжении нашего супружеского союза. Клерк в архивах мэрии помог мне найти свидетельство о браке Теда, и священник заверил меня, что займется моим вопросом.

Я решила, что жена Теда должна знать обо всем, что произошло, и написала ей письмо. Я приняла решение не доводить дело до суда с Тедом. Этот козел имел полное право снять деньги со счета, потому что он был общим. Я сама виновата, что ему поверила. А если его посадят в тюрьму как двоеженца, то его жене и детям от этого легче не будет. Я решила, что этот засранец и так отнял у меня слишком много времени, и если я предоставлю ему самому отвечать перед Господом за все свои грехи, то меня это вполне устроит.

Я отправила письмо жене Теда, взяла кольцо, которое он мне подарил, и пошла оценить его у ювелира. Я не собиралась хранить это кольцо как память, точно так же, как и не планировала бросить его в озеро, как в плохой мелодраме. Я думала выручить за него несколько сотен долларов и оплатить пару курсов в колледже или просто купить себе в Marshall Field's приличное платье. Ювелир внимательно посмотрел на камень и твердо произнес: «Подделка».

Так что, в конечном счете, все-таки пришлось выбросить кольцо в озеро.

После того как я перестала винить себя за ошибки, совершенные мной с горе-муженьком, я задумалась о своем будущем. Мне было уже 27 лет, то есть я была уже далеко не девочкой. Я не могла рассчитывать на то, что мужчина будет меня содержать, и значит, мне нужна была профессия, которая даст возможность зарабатывать. Я должна была пойти в колледж и получить диплом учителя. Я подала документы в колледж по подготовке учителей штата Аризона, в городе Флагстафф. В ожидании ответа из Аризоны и объявления недействительным моего брака я работала, как заводная, и экономила, как только могла. В рабочие дни недели у меня было две работы и еще одна в выходные. Время летело быстро, и к тому времени, когда мой брак был расторгнут и я получила извещение о том, что меня приняли в колледж, я накопила достаточно денег, чтобы оплатить один год образования.

Настал день прощания с Чикаго. Я упаковала все свои вещи в тот же чемодан, с которым приехала. Я покидала этот город с тем же количеством вещей, с которым в него приехала. Но за это время я многому научилась. Я многое поняла о самой себе и о людях. Большинство полученных мною уроков не были очень

приятными. Например, я поняла, что, когда люди хотят тебя обмануть, они сначала стараются сделать так, чтобы им верили. И когда тебя обворовывали, ты теряешь не только деньги, но и доверие к людям.

Поезд отъезжал от вокзала Юнион-стейшен, расположенного в новом здании с высоченными потолками с огромными застекленными люками. Мэр города хотел показать, что Чикаго — это город будущего и центр технологического прогресса. Я приехала в Чикаго в поисках кусочка этого прогресса, я полюбила этот город, но город не полюбил меня.

Поезд выехал из города и помчался по сельской местности. Я выглянула в окно и смотрела, как небоскребы становятся меньше и постепенно исчезают из виду. Я знала, что ни один человек в Чикаго не будет жалеть о моем отъезде. Я получила диплом об окончании школы, но в остальном все восемь лет жизни в городе были проведены за неблагодарной и тяжелой работой. Я чистила столовое серебро, которое снова темнело, и его приходилось снова чистить, мыла посуду и гладила рубашки. Мне кажется, что самым бесполезным занятием было последнее. Чтобы погладить рубашку спереди и сзади, надо было потратить двадцать минут. Я наносила на рубашки крахмал и выглаживала ровные складки, но как только мужчина надевал рубашку, она моментально мялась на сгибах рук. И кроме всего прочего, никто не мог оценить безупречность чертовой рубашки, если она была надета под пиджак.

Когда я работала учительницей в провинции во время войны, я ощущала себя востребованной и чувствовала, что людям нужно то, что я им даю. Я никогда не испытывала подобных чувств во время жизни в Чикаго. Я очень соскучилась по уверенности в том, что люди ценят мою работу.

IV. Красная шелковая рубашка

Хелен Кейси. Ред Лейк

В Санта-Фе появилось много автомобилей. Автомобили я заметила и в сельской местности, однако мало что изменилось на ранчо Кейси, за исключением того, что у Бастера и Дороти появилось двое детей — третье поколение Кейси, которому было суждено вырасти на ранчо. Папа полностью снял с себя обязанности по хозяйству и посвящал все свое свободное время переписке с разными людьми относительно похождений Билли Кида. Мама похудела, сил у нее стало меньше, и она постоянно жаловалась на зубную боль. Хелен вот уже два года как переехала в Лос-Анджелес для того, чтобы стать киноактрисой. Она пока еще не получила ни одной роли, но, как писала в письмах, уже познакомилась с продюсерами. А пока предложения на киносъемки не поступали, Хелен работала продавщицей в магазине дамских шляп.

В день приезда я пошла навестить Пятнистую. Лошадь паслась в одиночестве. Она поседела, но, казалось, постарела не так сильно, как другие обитатели ранчо. Я надела на нее седло и выехала в долину. День клонился к вечеру, и наши длинные пурпурные тени скользили по траве. Пятнистой было уже не менее семнадцати лет, но она не потеряла своей силы. Мы выехали к пригорку, я пустила ее галопом, и мы понеслись под дробь ее копыт по твердой земле. Ветер растрепал мои волосы и

свистел в ушах. Я не была в седле со времен переезда в Чикаго и чувствовала себя прекрасно.

Зная, что Хелен отнюдь не самая практичная и независимая девушка, я волновалась о том, что ждет ее в будущем. Я удивилась тому, что мама, оказывается, поддерживала идею переезда Хелен в Лос-Анджелес, считая, что благодаря своей красоте дочь сможет стать киноактрисой, ну, а если этого не произойдет, то, по крайней мере, найдет себе в Голливуде богатого мужа. Мама несколько раз намекнула на то, что рада моему решению пойти учиться в колледж, потому что, по ее мнению, мои шансы найти мужа невелики, и, следовательно, нужна профессия, которая сможет меня прокормить. «Товар, которым уже пользовались, не продашь по цене нового», — говорила она о моем положении.

В отличие от моего прошлого посещения, на сей раз никто не уговаривал меня остаться на ранчо. Даже папа вел себя так, словно я приехала погостить, чтобы потом двигаться дальше. Я с ним не спорила, потому что меня вполне устраивало его настроение. Я не прижилась в Чикаго, но этот город меня изменил, и я знала, что мне не место на ранчо Кейси. Я чувствовала себя лишней, даже когда ложилась спать в свою старую кровать. Если бы я собиралась оставаться на ранчо, мне бы пришлось помогать по хозяйству, но после нескольких лет работы служанкой я не ощущала никакого желания чистить курятник или убирать навоз из стойла и коровника. Вскоре я уехала во Флагстафф.

Несмотря на то что я была старше многих студентов, мне очень понравилось в колледже. В отличие от большинства мальчиков, которых интересовали футбол и алкоголь, и девочек, которых интересовали мальчики, я знала, зачем я нахожусь в колледже и что мне здесь нужно получить. Мне хотелось пройти все курсы и предметы, которые преподавали в колледже, и почитать все книги, которые были в библиотеке. Иногда, когда я заканчивала особенно интересную книгу, мне хотелось посмотреть библиотечную карточку и узнать, кто кроме меня прочитал эту книгу, для того, чтобы найти их и поделиться впечатлениями.

Я волновалась только о том, как найти деньги на оплату следующего года обучения. Я проучилась один семестр, и президент колледжа Грейди Гаммадж попросил меня к нему зайти. Он сказал, что с ним связались жители Ред Лейка, которым нужен школьный учитель. Президент колледжа следил за моей

успеваемостью потому, что в свое время сам платил за свое образование, работал не покладая рук и уважал всех тех, кто без посторонней помощи пробивается в жизни. Оказывается, жители Ред Лейка помнили меня и не забыли, что я преподавала в их городе. Они готовы были предложить мне место учительницы, даже несмотря на то что я еще не закончила колледж. Мистер Гаммадж считал, что я вполне справлюсь. «Выбор у тебя непростой, — сказал он. — Если ты сейчас выйдешь на работу, то не закончишь колледж. И снова вернуться в колледж будет трудно».

Мне показалось, что передо мной стоит очень простой выбор. Или я сама плачу деньги за то, чтобы меня учили, или мне платят деньги за то, чтобы кого-то учила я.

«Когда можно начать?» — спросила я его.

Я вернулась на ранчо Кейси для того, чтобы взять Пятнистую и уже в третий раз проделать путешествие длиной 750 километров, разделявших Тинни и Ред Лейк. Пятнистая была уже немолода, поэтому я ее не гнала, и мы сначала ехали не торопясь. Потом, когда Пятнистая вошла в форму, мы стали двигаться быстрее. Мы обе получали удовольствие от этого путешествия.

На этот раз по пути я встречала больше людей, чем раньше. Иногда мимо меня проносилась машина с водителем, который, судорожно вцепившись в рулевое колесо, пытался удержать машину на разбитой колесами телег дороге. Машины проносились, оставляя за собой облака пыли. Но на многих участках дороги я по-прежнему никого не встречала, и мы с Пятнистой ехали в полном одиночестве. Вечерами я сидела у костра и, как прежде, слушала вой койотов, а огромная луна серебрила все вокруг.

Казалось, что Ред Лейк по-прежнему находится на одной из вершин мира. Город, как и раньше, стоял на пригорке в окружении полей, но за прошедшие почти пятнадцать лет в нем и вокруг него произошло много изменений. Огромная территория штата Аризона и малонаселенность привлекали людей, которые не любили, чтобы им заглядывали через плечо. Эти места привлекали тех, кто был не в ладах с законом: мексиканских контрабандистов, занимающихся алкоголем, разных сумасшедших, которые надеялись найти золото, бывших солдат, тронувшихся рассудком из-за отравления горчичным газом в окопах Европы, и даже какой-то парень с четырьмя женами, который вовсе не был мормоном. Одного из своих детей он назвал Бальзамовый Гал, потому что, когда тот родился, его отец открыл наугад Библию, наугад ткнул в страницу пальцем и попал

в отрывок о бальзаме из Галаада.[14]

Со времени, когда я здесь преподавала, появилось больше фермеров и открылось несколько магазинов. В городе даже появился автомобильный гараж с заправкой перед ним. Раньше трава в полях доставала до живота пасущихся животных, но теперь эта трава была выщипана почти под корень. В голове пронеслась мысль о том, что здесь теперь живет больше людей, чем эта земля в состоянии прокормить.

Теперь при школе появился домик для учителя, позади самой школы, так что у меня была своя комната. У меня было тридцать шесть учеников самых разных возрастов, размеров и национальностей. Я настояла на том, чтобы каждое утро все вставали и говорили хором: «Доброе утро, мисс Кейси!» Те, кто говорил лишнее, направлялись в угол, а те, кто мне сильно досадил, сам шел и выбирал ветку ивы, которой я его порола. С детьми, как и с лошадьми: уважения и тех и других проще добиться с самого начала — бесполезно просить себя уважать после того, как они начинают позволять себе лишнего и понимают, что это им сходит с рук.

Я провела в Ред Лейк месяц и пошла в мэрию, чтобы получить свой первый чек. Рядом с мэрией был загон для скота, в котором стоял невысокий гнедой мустанг. Место, где еще недавно на спине находилось седло, было еще потное. Мустанг на меня грустно посмотрел и прижал уши. Мне моментально стало понятно, что это лошадь с очень плохим характером.

Внутри здания отдыхали двое помощников шерифа. Они сидели за столом, сдвинув шляпы на затылок. Их штаны были заправлены в сапоги. Я представилась, и один из них — худой парень с узко посаженными глазами и длинными петушиными ногами сказал: «Я слышал, ты из Чикаго приехала, чтобы нас, деревенских, кой-чему научить».

«Я обычная, зарабатывающая на свой хлеб девушка и пришла сюда за своим чеком».

«Перед тем, как ты его получишь, ты должна пройти тест».

«Какой тест?»

«Прокатись на лошадке, которая здесь рядом в загоне стоит».

По взглядам, которыми обменивались Петушиные Ноги[15] со своим приятелем, я поняла, что они решили сыграть шутку с городской учительницей. Они желали мне показать, что, если я знаю математику, умею читать и писать, то точно не представляю себе, как ездить на лошади.

Я решила им подыграть, чтобы показать, кто тут может посмеяться последним. Я захлопала ресницами и начала вести

себя очень женственно. Я сказала им, что тест, конечно, странный, но я готова попробовать. Мол, я раньше ездила верхом, и мне кажется, что тот мустанг — это очень нежное и кроткое животное.

«Нежное, как пук младенца», — заверил меня Рустер.

На мне было длинное платье и обычная обувь, в которой я вела школьные занятия. «Я одета не для того, чтобы кататься на лошадях, — сказала я, — но если ты говоришь, что у лошади хороший нрав, я, пожалуй, попробую».

«На ней можно хоть в пижаме ездить», — заверил меня Рустер с улыбкой.

Вместе с этими двумя клоунами мы вышли в загон. Пока они оседлывали животное, я нашла хорошую ветку можжевельника.

«Вы готовы, мэм?» — спросил Рустер. Он с трудом сдерживал улыбку, предвкушая катастрофу, которой для меня должен был закончиться этот тест.

Мустанг стоял, не шевелясь, но косил на меня взглядом. Это был обычный не до конца объезженный мустанг, которых я в жизни видела достаточно. Я приподняла юбку, подтянула удила, и наклонила голову животного вправо, чтобы оно не могло отпрянуть от меня.

Как только я поставила одну ногу в стремена, он отскочил от меня, но я держала его за гриву и запрыгнула в седло. Мустанг моментально начал лягаться. Двое клоунов уже громко смеялись, но я не обращала на них никакого внимания. Чтобы лошадь не брыкалась, надо поднять вверх ее голову (чтобы лягаться задними ногами, животное должно опустить вниз голову). Я резко затянула уздечку, удила впились лошади в рот. Я дергала уздечку рывками, чтобы поднять голову лошади, и одновременно била ее по крупу веткой можжевельника.

Моя тактика возымела действие как на лошадь, так и на двух наблюдавших за мной парней. Мы неслись галопом, и мустанг продолжал лягаться, стараясь опустить голову. Я верхней частью корпуса повторяла его движения, крепко обхватив ногами его бока. Я как влитая сидела в седле. Рустер и его приятель не дождутся того, чтобы я приподнялась над седлом, потому что это будет означать, что мустанг меня рано или поздно сбросит.

В короткие моменты, когда лошадь переставала брыкаться, я резко натягивала удила и лупила ее веткой по крупу, чтобы заставить подчиняться. Через некоторое время мустанг понял, что ему никуда не деться, и успокоился. Я погладила его по шее.

Я подвела лошадь к двум клоунам, которые уже не смеялись, а стояли, разинув рты. Было видно, что они очень расстроены тем, что все прошло не так, как они планировали, но я не стала

сыпать соль на их раны.

«Милый пони, — заметила я. — Так можно мне мой чек?»

Новость о том, как я объездила мустанга, быстро обошла Ред Лейк, и жители стали относиться ко мне как к человеку, с которым стоит считаться. Они начали интересоваться моим мнением по поводу того, как лучше объездить проблемных лошадей и что делать с непослушным ребенком. Рустер, настоящее имя которого было Орвилл Стаббс, но которого я называла Рустером, начал ходить за мной хвостом, демонстрируя при каждом удобном случае свое внимание и уважение.

Этот Рустер был помощником шерифа не на полной ставке. Он жил за границей самого города и зарабатывал, где и как мог: чистил стойла, подковывал лошадей, помогал их клеймить и так далее. Как и у большинства жителей деревни, у него не было ни работы, ни карьеры, и он брался за любую халтуру, которая могла принести деньги. На самом деле этот Рустер оказался приятным малым, несмотря на то что у него была одна плохая привычка. Он жевал табак, но не сплевывал, а сглатывал. «К чему тратить хороший сок?» — так обосновывал он свое поведение.

Рустер познакомил меня с другими наездниками из Ред Лейка. Он всем рассказывал, что я раньше была известной красоткой в Чикаго, пила шампанское и танцевала чарльстон, а сейчас переехала в провинцию, чтобы учить детей. Мустанг, которого я объезжала, принадлежал ему, и животное звали Красный Дьявол. Рустер настоял на том, чтобы я начала участвовать на Красном Дьяволе в местных гонках. Эти гонки обычно проходили в выходные дни, участвовало в них от пяти до десяти лошадей, дистанция была четверть мили, а призовой фонд составлял от пяти до десяти долларов. Я начала достаточно часто выигрывать на этих гонках, что сделало меня еще более популярной среди жителей Ред Лейк.

Субботними вечерами с Рустером и его приятелями я начала играть в покер. Карточные игры проходили в кафе, и за игорным столом много пили. Большинство жителей Аризоны не относились серьезно к сухому закону, считая его странной блажью обитателей восточной части страны. Хозяева салунов или баров, в которых люди всегда пили, назвали свои заведения «кафе», убрали алкоголь с полок под стойку бара и продолжали разливать, как и прежде. Никто не смеет говорить ковбою, когда пить, а когда не пить свой виски, так считали большинство жителей Аризоны.

Рустер с приятелями «убирали» за покером массу, как они говорили, «мочи пантеры», а я сидела весь вечер с одним

стаканом. Ковбои очень любили блефовать, но я всегда играла исключительно по картам, которые мне сдали, и выходила из игры, как только ставки становились слишком высокими для моих слабых карт. Блефу и крупным выигрышам я предпочитала скромные, но гарантированные победы, и нередко к концу вечера передо мной на столе появлялись небольшие пирамидки из монет.

Местные жители начали называть меня играющей в покер и побеждающей в скачках училкой. И меня вполне устраивало такая репутация.

Через некоторое время я поняла, что Рустер в меня влюбился. Я не стала ждать, пока он признается мне в любви, и сказала ему, что уже была замужем и у меня нет никакого желания снова вступать в брак. Он меня понял, и мы остались друзьями. Однажды Рустер пришел ко мне домой очень серьезный.

«У меня к тебе есть большая просьба», — произнес он.

Мне показалось, что он будет просить моей руки, и я сказала: «Послушай, Рустер, мы же вроде договорились, что останемся друзьями?»

«Да я не об этом, — ответил он. — Я хотел попросить тебя научить меня писать мое собственное имя».

После этого я стала учить Рустера писать и читать.

Рустер приходил ко мне на занятия по субботам в середине дня. Мы занимались, а потом переходили к игре в покер. Я продолжала участвовать в гонках на его Красном Дьяволе и довольно часто выигрывала. Часть выигранных денег я потратила на покупку красной рубашки из настоящего шелка, которую стала надевать во время скачек. Я хотела выделить себя среди остальных участников, сделать так, чтобы я была заметна издалека. Мне очень нравилась эта ярко-красная рубашка. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что это не приобретение по почтовому каталогу или ткань, которую красили дома, а настоящая, дорогая и хорошая вещь.

Однажды в начале весны мы с Рустером поехали на скачки, которые проходили на ранчо на юге от города. В тех скачках оказалось гораздо больше участников, чем обычно. Призовой фонд был больше и составлял пятнадцать долларов, а сами скачки, состоявшие из пяти заездов, проводились на настоящем ипподроме.

Когда Красный Дьявол разгонялся, его копыта начинали выбивать барабанную дробь. Во втором заезде мы вырвались

вперед. На первом повороте проезжавшая рядом с ипподромом машина выстрелила выхлопом. Красный Дьявол испугался, резко ушел от громкого звука вправо, и я вылетела из седла и покатилась по земле.

Я закрыла голову руками, защищаясь от копыт пролетавших рядом со мной лошадей, и глотала пыль. Слава богу, я ничего не сломала. Когда лошади пронеслись мимо, я встала и отряхнулась.

Рустер поймал Красного Дьявола и подвел лошадь ко мне. Я запрыгнула в седло. У меня не было шансов нагнать остальных участников заезда, но Красный Дьявол должен был четко уяснить, что, если наездник упал, это совсем не означает, что его работа закончена.

Когда я пересекла финишную линию, судья встал и вежливо приподнял на голове свой огромный «стетсон». В последующих заездах Красный Дьявол бежал плохо, и мы закончили далеко не первыми. Рустер поил лошадь, пятнадцать долларов призовых денег достались не мне, и я немного переживала по поводу того, что рядом с нами проезжала и «выстрелила» эта злосчастная машина. Неожиданно к нам подъехала та самая машина, которая испугала Красного Дьявола. Из машины вышел человек высокого роста с загорелым лицом, внимательными синими глазами и размеренными движениями.

«Вы сильно упали», — заметил он. У него был глубокий и низкий тембр голоса, словно он говорил, сидя внутри виолончели.

«Не стоит об этом мне напоминать, мистер».

«Все рано или поздно падают, это неизбежно, мэм. Вы меня сильно удивили тем, что снова сели в седло, а не вышли из гонки».

Я начала говорить о том, что это произошло из-за громкого выхлопа мотора, но Рустер прервал меня. «Познакомься, это Джим Смит, — сказал он. — Некоторые зовут его Большим Джимом. Он владелец гаража в городе».

«Вы, наверное, не очень любите автомобили?» — спросил меня Джим.

«Не люблю, когда они пугают моих лошадей. На самом деле я уже давно хочу научиться водить машину».

«Хотите, вас научу?» — предложил Джим.

Я не хотела пропустить такую прекрасную возможность научиться водить автомобиль и согласилась. У Джима был «Ford Model T» с медным радиатором, медными ободами на фарах и медным клаксоном. Свой автомобиль Джим называл просто «тачкой». Завести машину не всегда было просто, а иногда даже

опасно. В холодные дни она отказывалась заводиться, и даже в теплые дни для того, чтобы ее завести, нужно было два человека — один крутил рукоятку, а другой должен был сидеть в машине и убирать подсос сразу после того, как мотор завелся. Иногда мотор давал отдачу и стремительно прокручивал рукоятку в обратную сторону. Если подобное происходило, можно было сломать кисть.

Однако после того, как машина заводилась, ездить на ней было очень приятно. Через некоторое время я поняла, что люблю машины даже больше, чем лошадей. Машины не надо было кормить, когда они не работали, и они не оставляли за собой огромные кучи навоза. Они были быстрее лошадей и не лягались, не кусались, не пятились, их не надо было учить, дрессировать и выезжать, ловить, когда они убежали, и оседлывать перед тем, когда ты отправляешься в дорогу. В общем, у машин не было своего ума и своего норова. Они беспрекословно подчинялись человеку и ничего не требовали.

Я училась водить на ранчо, где не было деревьев, в которые можно было врезаться. Вождение давалось мне легко. Вскоре я уже смело разъезжала по улицам Ред Лейка на сногсшибательной скорости 35 км в час, сигналя курицам, пугая лошадей и объезжая неторопливых пешеходов.

Пешеходам пора было начинать привыкать к автомобилям. Машины пришли в нашу жизнь и никуда не собирались из нее деваться.

Через некоторое время я начала ездить с Джимом Смитом в Гранд-Каньон для того, чтобы отвезти бензин на расположенную рядом с ним заправку или просто для того, чтобы устроить пикник. Кроме того, мы с Джимом начали вместе ездить верхом по разным достопримечательностям вокруг Ред Лейка: например, в расположенную поблизости ледяную пещеру. Это была глубокая трещина в земле, где даже самым жарким летом всегда был лед. Мы собирали этот лед и кидали его в лимонад, которым запивали галеты и вяленое мясо.

Через некоторое время мне стало понятно, что Джим за мной ухаживает. Джим был женат раньше, но его супруга, миловидная блондинка, умерла десять лет назад во время эпидемии гриппа. Я не думала о замужестве, хотя, должна признаться, мне нравились многие качества Джима Смита. В отличие от моего прошлого болтливого горе-муженька, Джим не произносил пустых слов. Он открывал рот только тогда, когда у него было что сказать, а если сказать ему было нечего, он не ощущал потребности попусту сотрясать воздух.

Джим Смит был не практикующим мормоном, или, как это

называется по-английски, джек-мормоном. Он родился в семье мормона. Его отца звали Лот. И он был одним из первых переселенцев в эти места, солдатом и охотником, а также одним из ближайших сподвижников и военачальников Бригама Янга[16] во времена, когда мормоны вели войну против правительства США. Федеральные власти объявили о том, что наградят человека, который поможет поймать Смита, суммой в тысячу долларов. Когда Лота Смита пришли арестовывать, он оказал сопротивление солдатам. Лот Смит был одним из основателей поселения мормонов в Туба-Сити, где и был убит индейцем навахо (или другим мормоном, который ему завидовал, в зависимости от того, какая версия его убийства вам больше нравится).

У Лота Смита было восемь жен и пятьдесят два ребенка, которых он учил быть независимыми и самостоятельными. Когда Джиму исполнилось одиннадцать лет, отец выдал ему ружье, патроны и соль, сказав: «Вот тебе еда на целую неделю». К четырнадцати годам Джим научился метко стрелять и отлично ездить на лошади. Некоторое время Джим работал в Канаде, где у него возникли трения с полицией по поводу того, что он слишком часто хватался за пистолет. Он вернулся в Аризону и застолбил себе участок земли. После смерти жены он поступил в кавалерию и сразу после Первой мировой войны служил в Сибири в составе американского контингента войск, охранявшего Транссибирскую железнодорожную магистраль во время сражений красных с белыми. Пока Джим служил в Сибири, его участок земли был конфискован за неуплату налогов. Джим уволился из армии и стал искать золото и, в конце концов, открыл в Ред Лейке гараж. В общем, Джим явно не был лентяем.

Джиму уже было под пятьдесят, то есть он был на 20 лет старше меня. За все эти годы время его потрепало. У Джима на правом плече был пулевой шрам в форме звездочки, об обстоятельствах появления которого он не хотел распространяться. Кроме того, он был практически лысым, и на левой стороне его тела тоже не было волос, потому что в свое время именно по левой стороне его три километра протащила за собой лошадь. Но Джим Смит не жаловался на здоровье. Он спокойно мог провести в седле 12 часов подряд и напилить, наколоть и сложить в поленницу дров на всю зиму.

Своими голубыми глазами Джим видел то, что многие не замечали: притаившуюся в кустах куропатку, лошадь с наездником на горизонте и орлиное гнездо высоко на скале. Благодаря своему почти феноменальному зрению он и стал таким метким стрелком. Он умел замечать далеко не только это:

небольшой бугорок чуть ниже лошадиного колена, который означал больную или растянутую связку, или едва заметные мозоли на руках, которые могут быть только у карточных шулеров. Он прекрасно вычислял лжецов, обманщиков и разного рода людскую шваль. Он всегда знал и говорил, что думает, и у него всегда было свое собственное мнение. Он был надежный и твердый, как толстая каменная стена. Все в жизни у него шло успешно. У него был собственный хороший бизнес. Он чинил машины, которые надо было чинить. Он не продавал пылесосы, подло кинув горсть грязи на чужой пол для того, чтобы его пустили в дом.

Однако, несмотря на все это, я еще не была готова выходить замуж. Джим и не поднимал этот вопрос, поэтому мы весело вместе проводили время: ездили на лошадях, устраивали пикники и разъезжали на его тачке по окрестностям. И тут я получила письмо от Хелен.

На конверте стоял почтовый штемпель с надписью «Голливуд».

Хелен регулярно писала мне письма из Калифорнии, и все эти письма казались мне необоснованно оптимистичными: она постоянно спешила на прослушивания, которые проходили по непонятным для нее причинам безрезультатно, бежала на уроки танцев и видела кинозвезд, проезжающих мимо в шикарных автомобилях. Вот уже несколько лет казалось, что она вот-вот покорит Голливуд.

Хелен встречалась с таинственным Прекрасным Принцем — человеком со связями, который обожал ее и носил на руках, который должен был рано или поздно открыть ей все двери и помочь устроить блестящую карьеру в кино и за которого она собиралась выйти замуж. Однако через некоторое время Хелен переставала упоминать в письмах Прекрасного Принца, а начинала писать о новом еще более Прекрасном Принце, который спустя время тоже исчезал из ее писем, чтобы дать место новому самому Распрекрасному Принцу. Я начала подозревать, что она связывается с мужчинами, которые морочат ей голову и бросают после того, как получают от нее все, что хотят.

Я открытым текстом писала ей о том, что у нее может появиться репутация гулящей женщины, и предупреждала ее, что полагаться можно только на себя, а не на мужчин. Я предлагала ей найти стабильную работу, а не надеяться, что она сделает карьеру в Голливуде, что лично мне после нескольких лет пребывания Хелен в Лос-Анджелесе, казалось маловероятным сценарием развития событий. Она в письме выговорила мне за то,

что я настроена слишком негативно, и объяснила, что масса других девушек пробивается в Голливуде именно так, как делает она. Я не стала спорить. Откуда мне знать, как делают карьеру девушки в Голливуде? И кто я такая, чтобы давать советы, когда у меня самой с мужчинами был печальный опыт отношений?

В своем последнем письме Хелен написала, что забеременела от последнего Распрекрасного Принца, который настаивал на том, чтобы она сделала аборт. Хелен ответила ему, что боится подпольных абортариев, слыша о том, что некоторые женщины умирают после абортов в таких местах. Тогда Распрекрасный Принц заявил, что он — не отец ребенка и перестал с ней общаться.

Хелен не знала, что делать. Она была уже на третьем месяце. Она знала, что ее уволят из магазина дамских шляп, в котором работала, как только узнают, что она беременна. С беременностью отпадали все прослушивания на роли. Хелен стыдилась возвращаться на ранчо к родителям. Она спрашивала у меня совета о том, стоит ли ей все-таки сделать аборт. В общем, писала Хелен, жизнь ее стала такой, что хочется из окна выброситься.

Я сразу поняла, что Хелен стоит предпринять. Я незамедлительно написала ей, что аборт делать не надо, потому что это опасно и от этого можно умереть. Я советовала ей родить, а потом решить, что делать с ребенком: оставить себе или отказаться от него и отдать в приемную семью. Я написала ей, чтобы она приезжала в Ред Лейк, пожила у меня и приняла решение о том, что ей делать дальше.

Через неделю Хелен приехала во Флагстафф. Джим одолжил мне свою тачку для того, чтобы я встретила сестру. Когда она сошла с поезда в шубе из ракуна, которую ей, по всей вероятности, подарил один из «принцев», я до боли прикусила губу от ее вида. Она была еще более худой, чем я ее помнила, ее лицо было опухшим, а глаза красными от слез. Она покрасила волосы и стала блондинкой. Когда я обняла ее, меня снова поразила ее худоба и хрупкость. Казалось, что ее тело может в любой момент сломаться. Как только мы сели в тачку, Хелен зажгла сигарету, и я обратила внимание на то, что ее руки трясутся.

По пути назад в Ред Лейк говорила в основном я. За неделю я обдумала положение, в котором она оказалась, и изложила ей свои соображения. Я могу написать родителям, подготовить их и разжалобить. Я уверена, что они простят и примут ее. Я уже нашла адрес детского приюта в Финиксе на тот случай, если Хелен решит пойти этим путем. Вокруг Ред Лейка было много

мужчин, искавших себе жен, поэтому при желании она может выйти замуж после родов. Я даже имела в виду две конкретные кандидатуры: Рустера и Джима Смита. Впрочем, я не стала вдаваться в подробности о каждом из этих мужчин.

Казалось, что Хелен меня не слушает, а думает о чем-то своем. Она курила одну сигарету за другой, говорила незаконченными предложениями, и вместо того, чтобы сконцентрироваться на важном, ее мысли витали в облаках. Она думала о возможности вернуться к одному из своих Прекрасных принцев после того, как родит и отправит ребенка в приют, и переживала о том, что роды могут испортить ей фигуру, которая совершенно необходима для сцен в фильме, в которых актриса должна быть в купальнике.

«Послушай, Хелен, — сказала я, — настало время трезво и реалистично оценить ситуацию».

«Да куда уж более реалистично? — ответила мне она. — Девушка с плохой фигурой никогда не станет звездой».

Я решила, что сейчас не время спорить. Когда человек ранен, в первую очередь необходимо остановить кровь. А потом уже решать, как лучше всего его лечить.

Моя кровать оказалось маленькой для нас обеих. Мы ложились рядом, как в детстве. Стоял октябрь, и ночи в пустыне были холодными, поэтому мы прижимались друг к другу, чтобы было теплее. Иногда ночью Хелен начинала плакать. Я считала, что это хороший знак, говорящий о том, что она понимает, в каком серьезном положении находится. Когда она начинала плакать, я крепко ее обнимала и уверяла, что она все переживет и выживет, как тогда, когда мы пережили на дереве наводнение в Техасе.

«Нам надо лишь найти дерево, — говорила я. — Главное — найти дерево, на котором мы можем быть в безопасности».

Пока я преподавала, Хелен тихонечко сидела в моей комнате. Она никогда не шумела и по многу часов спала. Я надеялась на то, что она отдохнет и ее ум прояснится, и тогда она сможет спокойно и конструктивно подумать о своем будущем. Но Хелен продолжала оставаться неспокойной и нервной, и так мечтательно говорила о Голливуде, что ее разговоры начали меня раздражать.

Я решила, что Хелен нужны солнце и свежий воздух. Мы прогулялись по городу, и представляла ее в качестве своей сестры из Лос-Анджелеса, которая приехала погостить и отдохнуть. Джим Смит привез Хелен в тачке на следующие скачки, в которых

я должна была участвовать. Он вел себя очень вежливо, но как только я увидела их вместе, то сразу поняла, что они не пара.

Зато Рустер мгновенно проявил к Хелен интерес и потом сообщил мне, что моя сестра «удивительная красотка».

Правда, Хелен нисколько им не заинтересовалась. «Он глотает табачный сок, — пожаловалась она. — Мне тошно становится, когда я вижу, как у него кадык вверх и вниз ходит».

Мне казалось, что Хелен не стоит быть излишне требовательной в ее ситуации, но с другой стороны, возможно, помощник шерифа на полставки, который только научился писать свое имя, — не лучшая для нее пара.

Хелен очень понравилась моя красная рубашка. Увидев ее, она попросила ее померить и настолько обрадовалась и оживилась, застегивая пуговицы, что мне показалось, будто она избавилась от своей хандры. Она начала заправлять рубашку в юбку и я заметила, что у нее появился живот. Вскорости в историю о том, что Хелен сюда приехала отдохнуть, никто не поверит. Я поняла, что вне зависимости от настроения сестры, эта проблема никуда не рассосется.

Мы с Хелен начали ходить в католическую церковь Ред Лейка. Церковь располагалась в здании из необожженного кирпича старой католической миссии. Я не особенно любила отца Каванаха — высокого человека, у которого полностью отсутствовало чувство юмора и от улыбки которого кисло молоко и краска отшелушивалась от стен. Но в церковь ходило много местных фермеров, и я подумала, что Хелен будет полезно выйти в свет и увидеть людей.

Однажды, приблизительно через шесть недель после приезда Хелен, мы были в душной церкви. Во время службы мы то вставали, то становились на колени. Хелен была одета в свободную, не прилегающую к телу одежду, чтобы скрыть свой растущий живот. Неожиданно она потеряла сознание и упала. Отец Каванах подошел к ней, попробовал рукой ее лоб, а потом на мгновение задумался и потрогал ее живот. «Она беременна! — воскликнул он, и потом, увидев, что на ее руке нет кольца, добавил: — И она не замужем».

Отец Каванах потребовал, чтобы Хелен исповедовалась, однако, когда она это сделала, он не отпустил ее грехи, а заявил, что ее душа находится в смертельной опасности. Она совершила плотский грех, была блудницей, сказал он, и ей надо жить в специальных приютах для блудниц при церкви.

Хелен вернулась с этой исповеди в расстроенных чувствах. Она не собиралась переезжать в церковный приют для блудниц —

да и я бы ни за что не позволила ей это сделать, — и теперь все жители города знали о ее положении. Отношение людей к нам заметно изменилось. Женщины начали избегать нас, отводили глаза, когда мы проходили по улице, а ковбои начали смотреть на нас, как на девушек легкого поведения. Однажды на улице мы прошли мимо старой мексиканки, и когда я оглянулась, то увидела, что та истово крестится.

Через пару недель после исповеди Хелен в нашу дверь кто-то постучал. Я открыла и увидела школьного инспектора мистера Макинтоша, того самого, который уволил меня после окончания войны.

Он приподнял свою шляпу-федору, посмотрел внутрь комнаты, в которой Хелен мыла тарелки после ужина, и произнес: «Мисс Кейси, я могу поговорить с вами наедине?»

«Я пойду прогуляюсь», — сказала Хелен, вытерла руки о фартук и вышла из комнаты. Когда Хелен прошла мимо мистера Макинтоша, тот нарочито вежливо снова приподнял на голове шляпу.

Я не хотела впускать его в свою жилую комнату, на полу которой лежал раскрытый чемодан Хелен и стояла немытая посуда, поэтому провела его в классную комнату.

Нервно теребя свою шляпу и не глядя мне в глаза, мистер Макинтош начал подготовленную заранее речь о состоянии Хелен, морали, впечатлительных детях и правилах департамента образования штата. Я ответила ему, что Хелен обратилась за помощью ко мне, своей сестре, и в ее положении никуда не может уехать. Я заметила, что она не общается с моими учениками. Но мистер Макинтош перебил меня и сказал, что не может обсуждать этот вопрос, потому что знает, что родители моих учеников возмущены и негодуют, что дело зашло слишком далеко, и если я хочу продолжать работать учительницей в Ред Лейке, то Хелен должна уехать из города. После этого он надел шляпу и отбыл.

Я была настолько возмущена, что почувствовала слабость в ногах и присела на стул. Вот уже второй раз в моей жизни человек-рыба, бесчувственный бюрократ мистер Макинтош говорит мне о том, что мои услуги не требуются. При этом среди родителей моих учеников были бывшие проститутки, пьяницы, карточные шулеры, контрабандисты, занимающиеся перевозкой и продажей алкоголя, и даже отребье, которое воровало скот. Эти люди закрывали глаза на то, что я сама играю в карты, пью контрабандный алкоголь и участвую в скачках, но они не хотели с состраданием отнестись к моей сестре, которую использовал и бросил какой-то подонок, потому что это было против их этических правил. От возмущения мне хотелось стереть их в

порошок.

Немного успокоившись, я вернулась в свою комнату. Хелен сидела на кровати и курила. «Я никуда не уходила, — сказала она, — и все слышала».

Всю ночь я крепко обнимала Хелен и старалась убедить ее в том, что мы сможем решить эту ситуацию. Я напишу родителям, говорила я. Они поймут и ее примут. Она — далеко не первая девушка в мире, которую бросил мужчина. Хелен сможет родить на ранчо у родителей. Может быть, Бастер и Дороти согласятся принять ребенка в свою семью. Я буду каждые выходные участвовать в скачках и все выигрыши переводить Хелен, которая может использовать эти деньги для того, чтобы начать новую жизнь в другом городе — Канзас-Сити или Новом Орлеане. «Вариантов масса, — убеждала я Хелен. — И мне кажется, что это лучший выход из ситуации».

Но Хелен не разделяла мою уверенность. Она говорила, что мама никогда не простит ее за то, что она опозорила семью. Родители лишат ее наследства и выгонят из дома, точно так же, как поступили в свое время родители Лупе после того, как узнали, что она беременна. Ни один мужчина не захочет взять ее в жены, говорила она. Хелен заметила, что не сможет жить одна, потому что у нее нет таких сил, какие есть у меня.

«Ты никогда не думала о том, что можно просто сдаться? — спросила меня Хелен. — Просто сдаться и все закончить?»

«Не говори ерунду! — воскликнула я. — Ты гораздо сильнее, чем думаешь. И потом, в любой ситуации можно найти выход». Я снова напомнила ей о дереве, на котором мы однажды спаслись. Я рассказала ей о том, как меня отчислили из школы сестер Лоретто, потому что папа отказался платить за образование, и вспомнила мысль матушки Альбертины о том, что, когда Бог закрывает окно, то обязательно открывает дверь. Хелен должна найти эту дверь, вот и все.

В конце концов, мне, кажется, удалось ее успокоить. «Может быть, ты права, — согласилась Хелен. — Может быть, из моей ситуации есть выход».

Я не спала всю ночь. Стало светать. Хелен уснула, и я внимательно смотрела на ее лицо в сером свете наступающего дня. Прядь ее дурацких белых волос упала ей на глаза, и я заправила прядь ей за ухо. Лицо Хелен было распухшим от слез, но все равно она была удивительно красивой. Казалось, что ее лицо начинало сиять. Она выглядела, как ангел, беременный, но все же ангел.

Я почувствовала новый прилив сил. Была суббота. Я встала с кровати, надела штаны и заварила себе крепкий кофе. Потом я отнесла Хелен чашку кофе, разбудила ее со словами, что нас ждут великие дела. Начинался новый день, и мы должны провести его с пользой. Я сказала, что попрошу у Джима его тачку и мы поедем на пикник в Гранд-Каньон. Там такие красивые скалы, по сравнению с которыми все наши проблемы покажутся нам сущими пустяками.

Хелен улыбнулась и начала пить кофе. Я сказала, чтобы она одевалась, а я пойду к Джиму. Лучше выехать пораньше, чтобы больше успеть. «Скоро буду!» — крикнула ей я, выходя на улицу.

«Хорошо, — ответила она. — Лили, знаешь, я рада, что к тебе приехала».

Утро было прекрасным. Воздух был свежим, и в ноябрьском солнце каждый листочек и каждая травинка выглядели удивительно четко, как на старом негативе большого формата. В небе не было ни облачка, а на вершинах кедров ворковали голуби. Я шла по улице мимо новых домов и более старых построек из необожженного кирпича, мимо кафе и автозаправки, мимо собирающихся на рынок семей, как вдруг неожиданно почувствовала себя так, словно меня душат.

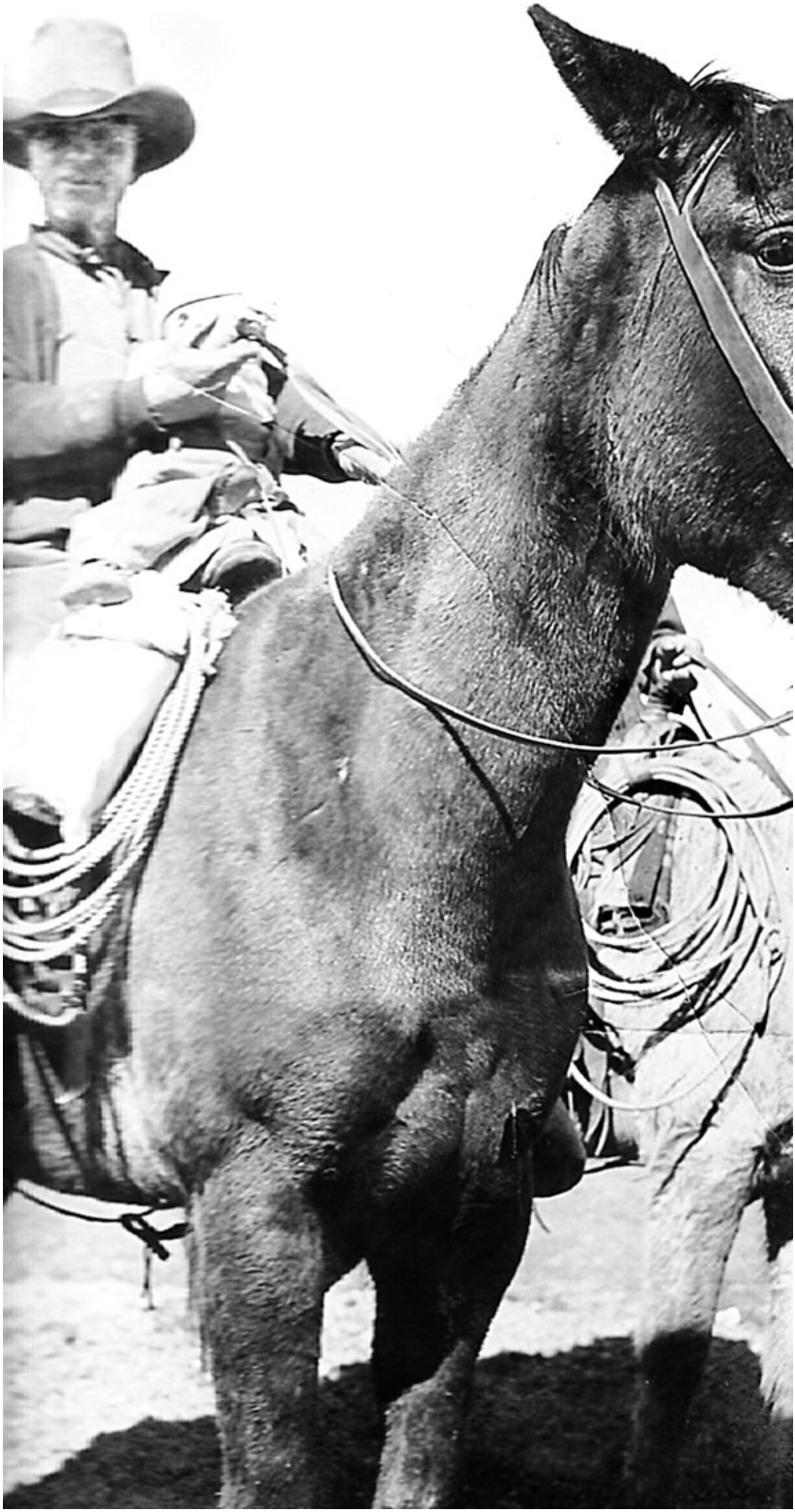
Я схватилась рукой за горло и ощутила страшное предчувствие. Я развернулась и изо всех сил бегом бросилась назад. Дома, фермеры, животные и деревья проносились вихрем перед глазами. Но когда я добежала до своего дома и открыла дверь, было уже поздно.

Тело моей младшей сестры свисало в петле веревки, закрепленной на балке потолка. Внизу под ним лежал на боку стул. Хелен повесилась.

Отец Каванах не разрешил мне похоронить Хелен на кладбище около католической церкви. Он сказал, что самоубийство — это самый страшный и единственный из всех грехов, после которого уже нельзя раскаяться и получить отпущение, поэтому самоубийц нельзя хоронить на освященной земле кладбища.

Вместе с Рустером и Джимом мы поехали далеко за город, и нашли удивительно красивое место на пригорке над лесистой долиной. Место было настолько красивым, что я знала, что для Бога оно является священным, и похоронили там Хелен в моей красной шелковой рубашке.

V. Ягнята



Самоубийцы думают, что избавляются от своей боли, но на самом деле они оставляют ее в этом мире, передавая свою боль другим.

В течение нескольких месяцев после смерти Хелен я ощущала такую тяжелую, свинцовую боль, что, если бы не дети, которых надо было учить, я вряд ли бы вставала с кровати. Мне казалось омерзительной даже сама мысль о том, что можно кататься на автомобилях, ездить на лошадях и играть в карты. Все происходящее действовало мне на нервы: дети, смеющиеся на площадке около школы, перезвон церковных колоколов и пение птиц. О каких радостях, черт возьми, можно так сладко щебетать?

Я хотела уйти с работы, но срок моего контракта еще не истек. С другой стороны, если вдуматься, дети тут были совсем ни при чем, потому что не детей, а их родителей нужно было винить в том, что произошло. Я знала, что после окончания учебного года я уеду из Ред Лейка. Я вообще не была уверена в том, что хочу продолжать работать учителем. Я считала, что дала жителям и детям этого города все, что могла, но не получила от них ни помощи, ни поддержки тогда, когда они мне были так нужны. Может быть, мне стоит перестать заниматься чужими детьми, а родить своих собственных, думала я. Раньше я никогда не хотела иметь детей, но моя сестра убила не только себя, но и своего ребенка, поэтому я начала всерьез задумываться о том, что мне надо родить.

Постепенно мысль о том, что у меня может быть ребенок, успокоила и утешила меня. Однажды весенним утром я, как всегда, рано встала и вышла на ступеньки дома с чашкой кофе. Над горами на востоке вставало солнце. С неба на землю падали столбы золотого света, и все вокруг казалось позолоченным. Когда солнце осветило меня, я почувствовала тепло на лице и руках.

Я подумала, что со смерти Хелен я перестала обращать внимание на такие вещи, как восход солнца. Несмотря на мое горе, солнце никуда не делось, и каждый день вставало и садилось. Солнцу было все равно, обращаю я на него внимание или нет. Я поняла, что мне надо перестать зацикливаться на своих проблемах. Никто, кроме меня самой, не в состоянии помочь мне получать от жизни удовольствие.

Если я решила родить ребенка, мне надо было найти мужа. Тут я увидела мои отношения с Джимом Смитом совершенно в другом свете. Этот человек обладал целым рядом положительных качеств, и самым важным из них было то, что я могла ему

доверять. Я приняла решение и не чувствовала необходимости его скрывать. Дело происходило в конце мая, и после окончания школьных занятий я оседлала Пятнистую и поехала к гаражу Джима. Когда я приехала, он лежал под машиной, из-под которой были видны только его сапоги. Я сказала, что нам надо переговорить. Джим вылез из-под машины и вытер тряпкой испачканные маслом руки.

«Джим Смит, ты возьмешь меня в жены?» — без обиняков спросила я.

Он с удивлением на меня уставился, а потом широко улыбнулся. «Лили Кейси, я хотел жениться на тебе с той минуты, когда ты упала с мустанга, и снова запрыгнула в седло. Я все ждал удобной минуты, чтобы попросить твоей руки».

«Ну, вот видишь, как здорово, — сказала я. — Только у меня есть два условия».

«Да, мэм».

«Первое — мы с тобой должны быть партнерами. Что бы ни случилось, мы должны разделять ответственность и работать вместе».

«Согласен».

«И второе. Я знаю, что ты вырос в семье мормонов. Я не хочу, чтобы ты брал других жен».

«Лили Кейси, я тебя немного знаю и понимаю, что любому мужчине одной тебя за глаза хватит».

Когда я сказала Джиму, что мой бывший горе-муженек сделал мне предложение кольцом с фальшивым бриллиантом, он достал каталог магазина Sears, и мы вместе выбрали мне кольцо. Таким образом я точно знала, что получаю. В то лето мы поженились в классной комнате школы. Рустер был шафером. Перед началом церемонии он меня поцеловал.

«Я знал, что рано или поздно тебя поцелую, но не предполагал, что это случится на свадьбе моего друга, — сказал он и добавил: — Так что считай, что я беру от ситуации все, что можно взять».

У Рустера был приятель, у которого был аккордеон. Так как я работала преподавателем, я попросила его сыграть не марш Мендельсона, а гимн Ассоциации американских учителей.

Это произошло в 1930 году, когда мне было 29 лет. К этому возрасту у многих женщин уже были практически взрослые дети, но я решила, что этот факт поможет мне получить не меньше, а даже больше удовольствия от того, что ждет меня впереди. Джим понимал, почему я хочу уехать из Ред Лейка, и согласился перебазировать свой гараж в Эш Форк, расположенный в 45

километрах к западу на границе с округом Явапай. Эш Форк быстро развивался, потому что был расположен на известной трассе 66 у подножия горы Уильямс. В Эш Форке была станция железной дороги, идущей в Санта-Фе, а также паровозное депо. Иногда улицы города оказывались забитыми овцами, которых на поезде отправляли на рынок. В городе находился магазин, владельцем которого был потомок брата Джорджа Вашингтона, целых две церкви, а также ресторан Harvey House, где часто ели пассажиры и в котором официантки, одетые в белые аккуратные фартуки, приносили аж четверть пирога, когда у них заказывали кусок, а посетители заведения вытирали рты настоящими льняными салфетками.

Джим взял кредит в местном банке и построил из песчаника гараж. Мы вдвоем укладывали камни и месили раствор цемента. Когда гараж был готов, мы повесили над входом вывеску «Гараж», которая раньше висела в Ред Лейке. Денег из взятого кредита хватило на приобретение насоса для подкачки шин и несколько автопокрышек на продажу. Все это мы заказали из того каталога Sears, по которому мы заказывали мне кольцо.

Бензоколонку мы привезли из старого гаража в Ред Лейк. Верхняя часть колонки была стеклянной, и в ней был виден подкрашенный красным цветом бензин (чтобы можно было отличить его от керосина). Когда бензин заливали в бензобак, в стеклянной части колонки было видно, как снизу поднимаются пузырьки.

Бизнес шел хорошо. Джим научил меня качать бензин, потому что в те времена при заправке машины бензин качали вручную. Я качала насос и слушала, как булькает бензин. Я научилась менять масло и латать пробитые покрышки. К зиме я была уже беременной, но, несмотря на это, работала каждый день. Джим чинил автомобили, а я качала бензин и меняла масло.

Из песчаника мы построили себе дом прямо на трассе 66. В те времена эта трасса все еще была грунтовой. Летом над ней стояло облако пыли, поднятое колесами автомобилей и телег, и пыль, приникая через окна и дверь, оседала на мебели в нашем доме. Но, несмотря на это, я очень любила свой дом. По каталогу Sears мы заказали систему подачи воды и трубы канализации и сами установили их в нашем доме. На кухне у нас был никелированный кран, а в туалете стоял унитаз с бачком наверху и ручкой спуска воды, а также белоснежная раковина для мытья рук. В общем, все было почти так, как в богатых домах, в которых я работала в Чикаго.

После окончания строительства дома нас навестил Рустер.

Точно так же, как и мой отец, он не представлял себе, как можно пользоваться туалетом, расположенным в самом доме.

«Мне кажется, что это против всех санитарных правил», — поделился он со мной своими соображениями.

«Все стекает вниз по трубе, — сказала я. — Но если ты хочешь себе задницу отморозить и ходить в туалет на улице — ради бога, я не возражаю».

Рустер был одним из тех, кто не любит прогресса и изменений, даже если они упрощают его жизнь. Но я настолько гордилась своим водопроводом и канализацией, что была готова спросить всех, кто стучал в дверь нашего дома, о том, не хотят ли они стакан водопроводной воды и нет ли у них желания сходить в туалет.

Я была уже на девятом месяце, и мой живот стал огромным. Я бы с радостью продолжала работать в гараже, но Джим считал, что в моем нынешнем состоянии это может оказаться опасным. Я могла поскользнуться на разлитом масле или потерять сознание от паров бензина или у меня могли начать отходить воды от усилия, необходимого для того, чтобы открутить крышечку на радиаторе. Поэтому Джим настоял на том, чтобы я оставалась дома. Возможно, сидение дома без дела и нравится части женщин, но мне такое положение дел пришлось явно не по вкусу. Через пару дней я начала томиться взаперти. Я устала от чтения книг, и мне надоело штопать и зашивать старые вещи. Возможно, именно поэтому я так сильно отреагировала на посещение свидетеля Иеговы.

Вообще-то я очень миролюбиво настроена по отношению к таким людям, как свидетели Иеговы. Я уважаю их убеждения, но тот свидетель Иеговы, который посетил меня тогда, жутко меня раздражал. Он говорил о грядущем Армагеддоне и предлагал мне найти спасение в вере ради моего ребенка. «Да кто ты такой вообще, чтобы меня учить?» — спросила я его. Я считаю, что каждый сам должен найти свою дорогу в царство небесное. Проблема в том, что в наше время развелось слишком много людей, таких, как, например, большевики в России, которые считают, что только у них есть ответы на все вопросы, а всех тех, кто с ними не согласен, надо расстрелять.

Я очень разволновалась и стала ходить из угла в угол, споря со свидетелем Иеговы. Я забылась и села на диван, на котором лежали мое шитье и иголка, сильно уколовшись. Я с криком вскочила, а свидетель Иеговы начал говорить о том, что это знак свыше, и что Иисус хочет, чтобы я увидела Господа.

«Слушайте, мистер, — возразила ему я, — это знак того, что

мне не стоит сидеть одной дома и вести теологические споры с незнакомыми людьми».

Я пошла в гараж и рассказала Джиму о том, что со мной произошло. «Не важно, чем я буду заниматься. Я готова хоть на кассе стоять, — сказала я, — но я собираюсь работать до тех пор, пока не начнутся схватки. Одной сидеть дома становится слишком опасно».

Я родила через две недели, в июле, в день, когда стояла страшная жара. При родах помогала бабушка Комбс — лучшая повивальная бабка во всем округе Явапай. Одна нога бабушки Комбс была короче другой, и она хромала даже сильнее, чем мой отец. Она жевала табак, но сплевывала, а не глотала, как делал Рустер. Ее так ценили, что все роженицы округа на нее разве что не молились. Если ребенок умирал во время родов, на которых повивальной бабкой была Комбс, люди говорили, что ребенку было не суждено родиться на этот свет.

Боль предродовых схваток захлестывала меня волнами. Бабушка Комбс сказала, что я не могу остановить боль, но она научит меня, как ее пережить. Я должна была разделять саму боль от страха того, что с моим телом может случиться что-то ужасное. «Боль — это свидетельство того, что твое тело жалуется, — сказала она. — Ты должна прислушиваться к боли и говорить своему телу: „Я тебя слышу“, чтобы тело не боялось. Пойми, что боль никуда не денется, но она тебя не убьет».

Предродовые схватки продолжались всего несколько часов, и совет бабушки Комбс помог мне их пережить. Бабушка Комбс взяла ребенка на руки, сказала: «Девочка», и показала мне дочь. Ребенок был почти фиолетового цвета, и я начала волноваться, но бабушка шлепнула его, ребенок закричал и постепенно стал нормального розового цвета. Бабушка перерезала пуповину и натерла пупок ребенка жженой пробкой, чтобы ранка быстрее зажила.

Бабушка Комбс обладала шестым чувством и умела предсказывать судьбу и угадывать, о чем люди думают. Я нянчила ребенка, а бабушка принялась жевать табак и разложила колоду карт, чтобы предсказать судьбу новорожденной.

«Она проживет долго, и ее жизнь будет интересной», — сказала она.

«Она будет счастливой?» — спросила я.

Бабушка Комбс жевала табак и внимательно смотрела на карты. «Я только вижу, что ее будет носить по свету», — ответила она.

Я назвала девочку Роз-Мари. Роза — мой любимый цветок, Мария — важное для всех католиков имя, а розмарин — чертовски полезное растение. Раньше мне казалось, что все новорожденные выглядят, как Будда или маленькие обезьянки, но Роз-Мари была удивительно красивым ребенком. У нее появились светлые и нежные волосы, а к тому времени, когда ей исполнилось три месяца, она начала лучезарно улыбаться. В сочетании с зелеными глазами она стала очень похожа на Хелен.

Красота Хелен не сослужила ей добрую службу, поэтому я решила, что никогда не буду называть Роз-Мари красивой.

Через полтора года у меня родился мальчик. К тому времени в городе Уильямс в шестидесяти километрах на востоке от нас открылся современный родильный дом, и я решила, что буду рожать в нем. Когда у меня начались схватки, из Канады в наши края пришла метель, которая замела все дороги. Мы с трудом добрались на «тачке» до роддома. Машину заносило, и Джиму пришлось намотать на шины цепи, чтобы сцепление с дорогой стало лучше. Джим постоянно сигналил, стремясь предупредить о нашем появлении идущие навстречу нам машины, которых не было видно из-за метели. Я сидела в кабине с запотевшим стеклами и глубоко дышала. Мы добрались до роддома, и меня сразу положили на операционный стол.

Советы бабушки Комбс о том, что мысль сильнее материи, помогли мне во время первых родов и были полезны, когда я хотела побороть боль. В новом роддоме мне сделали анестезию, от которой я полностью отключилась.

Врач надел мне на лицо маску и, сделав несколько вдохов, я «улетела». А когда пришла в себя, мне дали мальчика. Это был здоровенный парень и, как оказалось, первый ребенок, который родился в этом только что открывшемся роддоме, поэтому радость врачей была не меньше, чем моя собственная. Мы дали ребенку имя отца и с самого рождения назвали его маленьким Джимом.

Приблизительно тогда в Аризоне начался кризис, причиной которого стала перенаселенность этих мест. Люди, приехавшие сюда со всей страны, не понимали, что почва в Аризоне сильно отличается от почвы в лесистой части страны, где плодородный верхний слой складывался на протяжении тысячелетий. В Аризоне плодородный слой почвы был тонким, и если землю распахивали, то плодородный слой уносил ветер. Недавно переселившиеся в эти края фермеры смеялись над индейцами навахо, которые сажали одно семечко кукурузы на расстоянии метра от другого, а не в тридцати сантиметрах, как это делали

фермеры-переселенцы с востока. Индейцы знали местные условия и понимали, какое количество растений земля сможет вскормить. Господь создал земли Аризоны не для современного активного земледелия и скотоводства. Скот съел траву под корень, и она перестала расти. Когда начались дожди, то трава не смогла удержать воду, поэтому началась эрозия почвы. Плодородный слой почвы быстро исчезал. А потом началась длительная засуха, и огромные участки земли превратились в пыль, которую унес ветер.

Кроме того, в стране вот уже несколько лет продолжалась Великая депрессия. Сначала всем казалось, что депрессия — это мелкий экономический кризис, который повлияет только на восточную часть страны и на города. Однако скоро все это повлияло на рынок продажи скота, потому что люди на востоке страны уже не могли себе позволить покупать стейки. Начали разоряться сначала мелкие, а потом и крупные фермы и ранчо, а трудившиеся на них наемные рабочие начали пешком или на лошадях двигаться по трассе 66 мимо нашего дома в Калифорнию в поисках работы.

Многим фермерам стало не по карману покупать бензин для тракторов и машин, которые они в свое время приобрели. Фермеры начинали пахать и работать на лошадях. Наш гаражный бизнес перестал приносить деньги. К тому же Джим был очень щедрым человеком и брал неполную плату за починку машин с бедняков и даже иногда чинил машины бесплатно.

Сидя на кухне с листом бумаги и карандашом, я рассчитала наш бюджет. Я пыталась избавиться от всех лишних расходов, но как бы я ни считала, мы все равно оказывались в минусе. У нас было больше расходов, чем доходов. Мне стало понятно, что наше банкротство — это всего лишь вопрос времени. Я помогала в гараже, как могла, и думала о том, какими другими способами мы можем заработать.

В один прекрасный день в нашу дверь постучал местный китаец мистер Ли, который был владельцем китайского ресторана, расположенного рядом с нашим гаражом. В свое время Ли заработал достаточно денег для покупки автомобиля «Model A», который Джим периодически чинил. Обычно мистер Ли был полон оптимизма, но на этот раз он был в ужасе. Несмотря на то что сухой закон был несколько лет назад отменен, многие, включая мистера Ли, пристрастились к деньгам, которые можно было заработать на самогоне и разных видах подпольного и контрабандного алкоголя. В своем ресторане он наливал покупателям из-под прилавка. Мистер Ли прослышал, что к нему могут прийти с проверкой, и поэтому искал место, где он мог бы

спрятать несколько ящиков контрабандного спиртного.

Мистеру Ли и Джиму пришлось в прошлом пережить много общего. Джим служил в Сибири во время Гражданской войны в России, а мистер Ли — в Маньчжурии. Они знали, что такое лишения и морозы, и обоим пришлось в свое время глодать замороженное мясо. Мистер Ли доверял Джиму. Мы согласились взять у мистера Ли ящики со спиртным и спрятали их под колыбелькой маленького Джима.

В ту ночь я лежала в кровати, думала о спиртном мистера Ли, и мне пришел в голову план. Я могу подрабатывать, продавая контрабандный алкоголь. Несмотря на то что мой отец был ярым сторонником сухого закона, его собственный папа продавал на ранчо алкоголь, поэтому можно было сказать, что продажа спиртного не была чужда нашей семье. Кроме того, я не видела ничего плохого в том, что честный человек иногда позволяет себе пару рюмок. Я сама иногда пила.

Когда на следующее утро я проговорила свой план Джиму, он меня не поддержал. Сам он перестал пить уже много лет назад после того, как устроил в пьяном виде перестрелку в одном канадском городке, но не имел никаких возражений против употребления алкоголя другими людьми. Он просто не хотел, чтобы мать его детей угодила в тюрьму за нелегальную продажу спиртного.

Я утверждала, что буду вне подозрений как мать двух детей и бывшая учительница. Никто меня не заподозрит. Люди хотели покупать контрабандное спиртное, потому что хотели экономить. Я говорила, что мы не будем устраивать питейный притон, а будем продавать на вынос с минимальной наценкой. Мы поможем честным и работящим ковбоям экономить на налогах на спиртное, которые брало государство.

Я не сдавалась и уговаривала Джима. Я заявила ему, что не вижу другого выхода, потому что мы тратим больше, чем зарабатываем. В конце концов, Джим согласился. Мы договорились с мистером Ли, что по своим каналам он будет поставлять нам два ящика спиртного в месяц, и мы будем честно делить доходы от его продажи.

И я сообщила знакомым о своих планах продавать спиртное, и скоро местные ковбои начали вечерами стучаться в нашу дверь. Продавала я только тем, кого знала лично и кто пришел по рекомендации знакомых. Я вела себя дружелюбно, но по-деловому. Ненадолго запускала ковбоев внутрь и никому не разрешала пить у нас в доме или задерживаться. У меня появились постоянные покупатели. Среди них оказался священник местной церкви, который перед уходом неизменно

благословлял детей. Постоянные покупатели получали скидку, и я никогда не давала в кредит и не продавала тем, кого подозревала в том, что они пропивают деньги, необходимые на содержание семьи или квартплату. После вычета причитающихся денег мистеру Ли я зарабатывала 25 центов на бутылке. Через некоторое время я начала продавать по три бутылки в день, и эти деньги помогли нам выйти из минуса и сводить концы с концами.

Однажды весной, когда Роз-Мари было три года, а маленький Джим только начинал ходить, братья Кэмел пригнали в город свое огромное стадо овец, чтобы погрузить в железнодорожные вагоны. Братья Кэмел купили огромное ранчо на западе от Эш Форк для того, чтобы выращивать овец на шерсть и на мясо. Сами братья были из Шотландии и прекрасно понимали, как выращивать овец, но не были знакомы с климатом и особенностями Аризоны. Через несколько лет после покупки ранчо во время засухи братья решили продать всех овец и ранчо. Они поняли, что травы для выпаса нет, и надо поскорее избавляться от стада, пока животные не начнут помирать от голода, нападений волков и голодных бездомных.

Был жаркий и сухой день. Все улицы города были забиты овцами, которые подняли столько пыли, что нам пришлось закрыть нос и рот платками. Овцы и ягнята громко блеяли. Работники ранчо братьев Кэмел гнали их к станции и хлопали кнутами.

Самих братьев Кэмел тогда в городе не было, потому что они остались на ранчо. Когда стадо подогнали к вагонам, то какому-то «умнику» пришла в голову идея отделить ягнят от овец. Как только ковбои это сделали, начался бардак. Овцы все еще кормили своих ягнят, которые устали от долгого перегона и хотели есть. Ягнята начали блеять, а матери волноваться и искать своих детенышей.

Ковбои поняли, что совершили ошибку, и открыли ворота, разделявшие ягнят от овец. Все животные перемешались, ягнята стали искать своих матерей, а матери своих ягнят. Чем сильнее волновались ягнята, тем больше энергии теряли. Стадо оказалось слишком большим, чтобы каждая овца нашла своего ягненка. Через пару часов бесполезных поисков ягнята совсем ослабели. Они пытались сосать первую попавшуюся овцу, но животные не узнавали ягнят по запаху и не хотели кормить их своим молоком. Овцы отгоняли от себя незнакомых ягнят и искали своих собственных детенышей.

Ковбои хотели заставить овец кормить чужих ягнят, но это было безрезультатно. Овцы брыкались, лягались и блеяли. Пыль

стояла столбом. Ковбои матерились, а местные жители собрались вокруг, смеялись, качали головами, давали советы и ждали, чем все это закончится.

Маленький Джим и Роз-Мари были поражены тем, что каждая овца хочет кормить только своего детеныша. Дети бегали между овцами и нюхали их шерсть. «Все они пахнут одинаково», — сказала Роз-Мари.

Наконец появились и сами братья Кэмел, но и они не знали, что делать. Ситуация была отчаянной, и ягнята начали умирать от истощения.

«Спросите совета у моего мужа, — сказала я. — Он хорошо знает животных».

Братья Кэмел послали за Джимом, который был в то время в гараже. Джим пришел, и ковбои объяснили ему, в чем дело.

«Надо сделать так, чтобы овца начала кормить любого ягненка, — сказал Джим. — Главное, пока решить эту проблему, а с остальными будем разбираться потом».

Джим попросил меня принести из дома старую простыню, а сам сходил в гараж и принес канистру с керосином. Он порвал простыню, обмакнул куски тряпки в керосин и тер овцам под носом. Таким образом, они временно теряли обоняние и принимали любого ягненка.

После того как все ягнята поели, Джим посоветовал ковбоям снова разъединить овец и ягнят. Потом он сказал, чтобы каждый ковбой взял в руки ягненка и начал ходить среди овец, чтобы мать смогла узнать своего ягненка. Стадо было таким большим, что эта процедура заняла два дня, учитывая то, что части овец снова пришлось понюхать керосин, чтобы покормить голодных ягнят.

Маленькая Роз-Мари очень переживала по поводу того, смогут ли овцы найти своих ягнят, и большую часть этого времени провела около стада. Когда все овцы нашли своих ягнят, остался один «неучтенный» ягненок, который не нашел своей матери. Он был весь в пыли, и глаза у него были испуганные. Ягненок бегал по кругу и жалобно блеял.

Братья Кэмел сказали, что Джим может взять ягненка и делать с ним все, что считает нужным. Джим поднял маленькое животное, подошел к Роз-Мари и поставил его рядом с дочерью. «У каждого животного есть смысл существования, — сказал он. — Некоторые животные должны жить на воле, некоторые живут на фермах, а некоторых отправляют на рынок. А вот этот вот ягненок должен быть ручным».

Роз-Мари обожала этого ягненка. Она делилась с ним

своим мороженым, и тот ходил за ней хвостом. Мы решили назвать ягненка Мей-Мей, что, как объяснил нам мистер Ли, по-китайски значит «младшая сестра».

Через пару недель после того, как Джим помог решить проблему со стадом братьям Кэмел, я услышала, как к нашему дому подъезжает машина. Потом раздался стук. Я открыла и увидела, что перед дверью стоит мужчина с сигаретой в руке. Дверь машины, на которой он приехал, была открыта, и внутри сидели две молодые женщины. У мужчины были светлые волосы и длинная, падающая на глаза челка. Его зубы были слегка кривыми и желтоватыми, а улыбка очаровательной. Он еще не успел сказать и слова, как я поняла, что он сильно навеселе.

«Я приятель Рустера, — представился незнакомец, — и я слышал, что здесь можно купить бутылку качественного спиртного».

«Кажется, что вы уже и так качественно проспиртованы», — заметила я.

«Ну, вечер только начинается».

Его улыбка стала еще более очаровательной. Он обернулся к женщинам в автомобиле, но те не улыбнулись.

«Мне кажется, что вам уже достаточно», — сказала ему я.

Улыбка исчезла с его лица, и он начал кричать, браниться, как пьянчуги, когда им говорят, что они уже выпили достаточно. Он заявил, что его деньги не отличаются от денег всех остальных, да и вообще, что я самая обычная самогонщица. Но я повторяла, что ему уже достаточно, и он окончательно рассвирепел. Он сказал, что я еще об этом пожалею, и обозвал меня сестрой шлюхи, которая повесилась.

«Подожди секунду, — сказала я ему, взяла в спальне свой револьвер с перламутровой рукояткой, вернулась и приставила дуло ему ко лбу. — Я тебя не убью только из уважения к женщинам, которые сидят в автомобиле, — сказала я. — Убирайся, и чтобы я тебя здесь больше никогда не видела».

В тот вечер я рассказала об этом происшествии Джиму.

Он вздохнул и покачал головой: «Это, судя по всему, еще не конец этой истории».

Он был совершенно прав. Через два дня к нашему дому подъехала машина. Когда я открыла дверь, на пороге стояли два шерифа в хаки с ковбойскими шляпами на головах. На кармане рубашки у каждого был жетон, а на поясах — пистолеты и наручники. Шерифы приподняли свои шляпы. «День добрый, мэм, — сказал один из них, потом подтянул штаны и засунул большие пальцы рук за ремень. — Можно войти?»

Я поняла, что выбора у меня нет, и провела их в гостиную. Маленький Джим спал в своей кроватке, под которой было спрятано два ящика спиртного.

«Хотите стакан водопроводной воды?» — вежливо поинтересовалась я.

«Нет, мэм, спасибо», — ответил «разговорчивый» шериф. Они начали внимательно осматриваться кругом.

«У нас появилась информация, — продолжил он, — о том, что в этом доме продают контрабандное спиртное».

В этот момент в комнату вошла Роз-Мари, а за ней Мей-Мей. Как только Роз-Мари увидела вооруженных шерифов, она закричала так, что могла бы разбудить мертвого. Громко плача, она упала на колени и обхватила меня за ноги. Я попыталась ее поднять, она продолжала кричать и плакать.

Мей-Мей начал блеять. От шума проснулся маленький Джим и тоже заголосил.

«Послушайте, у меня, как видите, тут явно не спикизи, — сказала я. — Я учительница! Я мать! У меня достаточно дел, и некогда заниматься продажей алкоголя».

«Вижу, — ответил „разговорчивый“ шериф. Им было явно неудобно от громкого детского крика. — Мы проверим нашу информацию. Всего доброго».

Шерифы быстро ретировались, и, как только они ушли, Роз-Мари перестала голосить. «Ты меня спасла, дочурка», — сказала я.

Когда Джим вернулся домой, я рассказала ему о незваных гостях и о том, что меня спасли крики детей. История была достаточно забавной, и Джим рассмеялся. Но когда закончил смеяться, сказал: «Это нам предупреждение. Пора завязывать с алкоголем».

«Но нам же нужны деньги, Джим!» — возразила я.

Деньги от продажи алкоголя помогали нам выживать в течение года. Мы прекратили продавать спиртное, и через полгода банк отнял наш дом за долги по кредиту.

Осень — мое любимое время года. Становится холоднее, и горы зеленеют после августовских дождей. Но в том году я не смогла насладиться сентябрьскими закатами и ясными звездными ночами. Мы с Джимом решили продать все наши вещи на аукционе. Мы должны были избавиться от всего: мебели, его инструментов, шин, насоса для накачки шин и бензоколонки со стеклянным цилиндром наверху. После этого мы планировали привязать чемоданы к багажнику на тачке и присоединиться к безработным, которые направлялись в Калифорнию.

Мы волновались и переживали по поводу наших перспектив на будущее. Однажды утром мы были в гараже, разбирали инструменты и обсуждали, какие из них возьмем с собой. Неожиданно в гараже появился старший брат Кэмел по имени Блеки. Это был пузатый человек с пушистой бородой, который всегда ходил в вышитом жилете. Он был гением-счетоводом во всех вопросах, касающихся овец. Например, он мог посмотреть на стадо, после чего точно сказать, сколько в нем голов и сколько килограмм шерсти можно с них состричь.

После того случая, когда Джим помог спасти его ягнят, Блеки начал периодически заезжать в гараж, чтобы поболтать. Чем лучше он узнавал Джима, тем больше уважал. Блеки говорил, что Джим разбирается не только в овцах, но и в крупном рогатом скоте, лошадях, а также во всех остальных животных, покрытых мехом или перьями. Джим никогда не хвалился своими знаниями, и это Блеки тоже оценил. В особенности Блеки нравилась одна история, которую рассказал местный индеец хопи. Когда Джим был молодым, орел начал кружить над только что родившимся теленком, и Джим поймал летящую птицу, набросив на нее лассо.

В то утро мы сидели за шатким, покрытым линолеумом столом в гараже, и Блеки сообщил нам, что они с братом продали ранчо группе инвесторов в Англии, которые планировали разводить на нем скот. Инвесторы попросили их с братом порекомендовать человека, который может управлять этим ранчо, и, если Джиму это интересно, то они с братом готовы замолвить за него словцо.

Джим протянул руку под столом и сжал мое запястье так сильно, что у меня пальцы хрустнули. Мы оба прекрасно знали, что единственной работой в Калифорнии была работа сборщиков винограда и апельсинов, за которую безжалостно конкурировали между собой безработные батраки и разорившиеся фермеры. Владельцы плантаций и садов постоянно уменьшали зарплату. Но мы не собирались признаваться Блеки в том, что попали в критическую ситуацию.

«Что ж, это предложение, которое я готов рассмотреть», — спокойно ответил Джим.

Блеки отправил в Лондон телеграмму и через несколько дней получил ответ. Он заехал к Джиму и сообщил, что инвесторы готовы его нанять. Мы не стали проводить аукцион, и у Джима осталась большая часть его инструментов, хотя бензоколонку и шины мы продали автомеханику из Седоны. Рустер приехал из Ред Лейка на телеге, в которую мы погрузили

мебель, и посадили детей и Мей-Мей на заднее сиденье тачки. Рустер ехал на телеге, Джим за рулем тачки, а я на Пятнистой была замыкающей в колонне. Мы отправились в ближайший от ранчо город, который назывался Селигман.

До Селигмана мы доехали быстро, потому что трассу 66 не так давно впервые заасфальтировали. Селигман оказался меньше Эш Форка. В этом городе было все необходимое для небольшого города в сельской местности. Здесь находилось здание, бывшее одновременно почтовым отделением и тюрьмой, отель, бар, кафе, а также магазин промтоваров, в котором джинсы Levi's лежали стопкой высотой более метра, а также продавали лопаты, катушки веревки и проводов, ведра и жестяные коробки с печеньем.

Из Селигмана нам надо было проехать еще 22 км на запад через поля, поросшие травами и можжевельником. Павлиньи горы на горизонте были темно-зелеными, а небо над головой синим, как цветок ириса. Проехав 22 км по трассе 66, мы свернули на грунтовую дорогу, по которой надо было проделать еще 30 км. Получалось, что из Селигмана до ранчо на телеге нужно ехать целый день. Наконец под вечер мы подъехали к воротам, перед которыми дорога заканчивалась.

В обе стороны от ворот на специально высаженных молодых деревьях можжевельника была натянута колючая проволока. Ограждение уходило так далеко, насколько видит взгляд. На воротах не было никакой надписи, а сами они были закрыты. Когда мы подошли к воротам, то увидели, что они не заперты — створки ворот были на цепи, на которой висел открытый навесной замок. Мы въехали в ворота, проехали еще шесть километров и добрались до огороженного участка, на котором стояло несколько некрашеных деревянных зданий и росли огромные кедровые деревья.

Здания были расположены у подножия горы, заросшей четыреххвойной сосной и молодыми кедрами. На восток, насколько видел взгляд, простирались поля, выходившие к плато Колорадо. Дальше был расположен Могольонский моренный вал — тектоническая вытянутая платформенная структура с отвесными скалами розового цвета. Это была линия тектонического разлома, который простирался до Нью-Мексико. В ту сторону не было видно ни одного дома, ни человека и никаких признаков цивилизации — только бесконечное небо, поросшая травой степь и горы на горизонте.

Братья Кэмел уволили всех работников, нанятых ими на ранчо, за исключением старого Джейка — заросшего щетиной и жующего табак старика, который вышел из сарая и, прихрамывая,

подошел к нам. Старый Джейк хромал, потому что, чтобы его не призвали в армию во время Первой мировой войны, он положил пальцы ноги на рельсы перед приближающимся поездом. «Я не собираюсь участвовать в конкурсе бальных танцев, — говорил Джейк, — а для того, чтобы ездить верхом, пальцы на ногах не нужны. Лучше без этих пальцев, чем быть отравленным газом на фронте».

Старый Джейк показал нам ранчо. Главное здание с облупившейся от солнца краской и с огромной верандой было большим. На территории был огромный сарай, а рядом с ним четыре строения: кузница, амбар для хранения зерна, помещение, где вялили мясо и сушили кожу, а также «аптека», в которой на полках стояли ряды лекарств, притирок, растворов и снадобий, плотно закрытых пробками или ветошью. Старый Джейк прокомментировал некоторые детали: мешки с серой, банки со смолой, которую использовали для лечения поранившегося скота, камень для заточки ножей в кузнице, а также систему водостока, которая собирала дождевую воду.

Он показал нам остальные строения: курятник, амбар для инструментов и жилой дом для работников ранчо. Потом мы пришли в гараж, где стояло более двадцати самых разных экипажей, телег, фаэтонов, кибиток с двумя и более сиденьями; крытый старый конный фургон, который могли использовать первые переселенцы, приехавшие в эти места; а также несколько автомобилей, включая старый пикап «Chevrolet». Старый Джейк с гордостью показывал нам каждое транспортное средство и произносил его название. Кроме этого в гараже была осмотровая яма, над которой можно было поставить машину для ремонта.

В конце экскурсии старый Джейк подвел нас к двойному загону. Один загон был из полутораметровых вертикально стоящих бревен и использовался для объездки и дрессировки лошадей, и другой загон с оградой из более тонкого, обтянутого проволокой штакета, в нем стояли несколько маленьких пони.

Джим внимательно осматривал хозяйство и кивал. Мы заметили, что, хотя строения с внешней стороны выглядели неказисто, они были построены на совесть. Это было настоящее ранчо для работы и разведения скота, и на нем было все необходимое для этих целей. Все инструменты были аккуратно разложены по своим местам, веревки смотаны, упряжь в рабочем состоянии, и даже пол сараев чисто подметен. На ранчо надо точно знать, где что лежит, чтобы при необходимости быстро найти нужный инструмент. Братья Кэмел знали, как поддерживать порядок на ранчо.

Рустеру понравилось то, что он увидел. «Послушай, вполне

нормальный вариант, — сказал он, — Джим, старина, тебе сильно повезло. — Он покосился на меня и добавил: — Снова».

Я шутливо шлепнула Рустера по руке, а Джим улыбнулся. «Мне кажется, что все здесь в полном порядке», — сказал он.

«Это точно», — согласилась я.

Я знала, что жизнь на ранчо не будет простой и работать придется много. Мы были слишком далеко от города и не могли рассчитывать на то, что при необходимости к нам быстро приедут помочь. Нам с Джимом придется быть ветеринарами, механиками, кучерами, ковбоями, менеджерами, а также мужем и женой с двумя детьми. Но нам с Джимом было не впервой засучить рукава и взяться за дело. Нам очень повезло, потому что во время депрессии мы не только имели работу, но и сами были себе начальниками.

Я захотела в туалет и спросила старого Джейка о том, где он расположен. Тот показал пальцем на небольшую деревянную будку сортира, расположенную в северной части ранчо. «Обычный сортир, — сказал он. — Никак вывеской не обозначен, потому что все и так знают, что это».

Я вошла внутрь и закрыла за собой дверь. На двери не был вырезан полумесяц, пропускавший свет, но между досками были достаточно большие щели, чтобы внутри света было достаточно. На потолке была паутина, в углу стоял мешок с известью, а рядом с ним совок, чтобы засыпать известь в яму под дыркой в земле, чтобы не развелось слишком много мух. Из дыры шел сильный запах, и на секунду я вспомнила свой туалет с кафелем и сливным бачком. Я присела и подумала о том, как можно быстро привыкнуть к некоторым приятным излишествам и начать думать, что жизнь без них совершенно невозможна, но когда эти излишества исчезают, ты понимаешь, что они на самом деле тебе совсем не нужны. Существует большая разница между тем, чтобы хотеть и нуждаться в определенных вещах, и многим довольно сложно провести границу между этими понятиями. На ранчо у нас было все необходимое и ничего лишнего, и это меня вполне устраивало.

Рядом со мной лежала стопка каталогов Sears. Я подняла один из них и пролистала. Дойдя до страницы с фотографиями кружевного нижнего белья и шелковых чулок, я подумала о том, что вот эти товары мне здесь точно не пригодятся, поэтому вырвала эту страницу и использовала ее по назначению.

На следующее утро Рустер собирался ехать назад в Ред Лейк. Он улучил момент, когда я была на кухне одна. «Спасибо, что помог нам с переездом», — сказала я и дала ему чашку кофе.

Он внимательно на меня посмотрел и произнес: «Ты же знаешь, что я всегда был твоим горячим поклонником».

«Знаю».

«Странно все это, — заметил он. — Никак не могу от этого чувства избавиться. — Он помолчал и спросил: — Как ты думаешь, я когда-нибудь женюсь?»

«Обязательно женишься», — ответила я. Потом я поняла, что обычной вежливости в этой ситуации недостаточно, и на мгновение мне показалось, что я вижу, как все сложится в будущем. Я знала, что его ждет женщина, и он ее встретит. «Я в этом уверена, — сказала я. — Тебе надо начать искать ее в тех местах, где ничего не ждешь».

После отъезда Рустера мы решили провести инспекцию ранчо. В общей сложности площадь ранчо составляла более ста тысяч акров, то есть приблизительно 240 квадратных километров, поэтому, чтобы доехать до его границы по бездорожью, нам потребовалось бы около недели. Мы собрали продукты в телегу, запряженную пони, Джим и старый Джейк сели на лошадей, а я оседлала Пятнистую. Маленький Джим ехал со мной, а Роз-Мари с отцом.

Мы отправились на запад, доехали до подножия холмов из белого и желтого известняка, и потом повернули на юг. В долине дул горячий и сухой ветер. Кругом росли редкие деревья можжевельника, и все от времени мы видели стадо белохвостых антилоп, которые паслись на склонах, поросших кустарником. Старый Джейк показал нам место, называющееся Три креста. Это были несколько огромных камней, на которых кто-то вырезал изображения всадников, несущих три креста. Никто точно не знал, кто вырезал эти изображения, но можно было предположить, что в этих местах проходила одна из испанских экспедиций. Во второй половине дня мы доехали до возвышения, расположенного под горами Койот. С этого возвышения можно было на юге увидеть горы Джунипер, а на востоке проходил Могольонский моренный вал.

«Земли-то много, а вот воды совсем нет», — сказал Джим.

«Полная сушь», — согласился старый Джейк.

Тут и там иногда встречались неглубокие вырытые вручную пруды для сбора дождевой воды. Но за время сухого сезона вода исчезла, и дно прудов растрескалось от жары.

За десять дней мы сделали по ранчо большой круг, хотя некоторые огромные, но отдаленные части территории так и не увидели. Мы проезжали несколько оврагов, в которых во время дождей текла вода, но в целом на всей территории ранчо не было ни одного колодца, ручейка или источника. «Понятное дело,

почему братья Кэмел решили продать ранчо», — заметил Джим.

Джим отправил весточку во Флагстафф о том, что ему нужен человек, который умеет искать подземные воды методом лозоходства, то есть при помощи лозы или прутика. Специалист приехал, и вместе с Джимом они отправились осматривать территорию ранчо, останавливаясь там, где трава была более зеленой или находились рощи деревьев. Специалист ходил, вытянув впереди себя ветку-рогатину, и ждал, когда рогатина начнет наклоняться, что покажет место, где под землей есть вода. Однако все их усилия не принесли никаких результатов.

У меня из головы не выходили овраги, размытые водой, которая текла по ним во время сезона дождей. В этих местах вода появлялась только в виде дождя. Во время сезона дождей с неба проливались тысячи литров воды, которые потом исчезали, бесследно впитываясь в землю. Если мы сможем найти способ, как удержать эту воду, то у нас не будет в ней недостатка.

«Нам нужно построить плотину», — сказала я Джиму.

«Но как? — ответил он. — Для этого нужно много людей».

Я стала размышлять о том, как мы можем это сделать. Однажды я читала статью о строительстве плотины Баулдер (так те, кто не любил Гувера, называли эту плотину, более известную под названием плотины Гувера или Hoover Dam), там были фотографии стройки, на которых я увидела много строительных машин. «Джим, — сказала я, — нам нужен бульдозер».

Сначала муж подумал, что я сошла с ума, но потом решил, что нам не стоит сбрасывать эту идею со счетов. Я поехала в Селигман, там был человек, который имел контакты со строительной фирмой в Финиксе, у которой был бульдозер. Я связалась с людьми из этой компании, и меня заверили, что они готовы сдать в аренду бульдозер с водителем и отправить их по железной дороге в Селигман. Мы должны были найти грузовик с прицепом, который может довезти бульдозер до ранчо. Все это стоило денег, но если бы мы смогли доставить на ранчо бульдозер, в течение нескольких дней нам бы построили плотину.

Джим сказал, что нам необходимо обсудить эту идею с английскими инвесторами. Несколько инвесторов как раз собирались к нам на ранчо, чтобы встретиться с нами и провести инспекцию владений.

Англичане прибыли в дилижансе из Флагстаффа. До Нью-Йорка они доплыли на пароходе, потом до Флагстаффа ехали на поезде. В общей сложности они проделали весь путь за три недели. У них был странный акцент, и одеты они были в котелки и костюмы-тройки. Было очевидно, что ни один из них никогда в жизни не надевал ковбойскую шляпу и не щелкал кнутом, что нас

с Джимом совершенно не смутило. Англичане были бизнесменами, а не людьми, которые играют в ковбоев. Они были вежливыми и умными. Они задавали вопросы, по которым стало понятно, что им надо знать, чего они не знают, и что они умеют зарабатывать деньги.

В вечер приезда англичан старый Джейк поджарил на вертеле барашка. Он посмеивался над англичанами, повторяя чисто английские выражения Jolly good (отменно) и rather cheeky (смело), и произносил их с британским акцентом. Старик Джейк даже загнул поля своей ковбойской шляпы так, чтобы она была похожа на котелок. Видя все это, мне пришлось поставить его на место, легко ударив по затылку. Я приготовила несколько степных деликатесов, таких, как рагу из гремучей змеи и prairie oyster, или устрицы прерий,[17] чтобы им было о чем рассказать в своих клубах, когда они вернутся домой.

После ужина мы расселись вокруг костра и ели консервированные персики. Джим вынул кисет с табаком Bull Durham, скрутил себе сигарету, аккуратно затянул тесемки кисета зубами и заговорил.

Джим говорил о том, что в ранчо самое главное — это земля и вода. Земли было достаточно, но вот воды в наших местах мало, а без воды эта земля ничего не родит. Без воды никуда. Вода, говорил Джим, обращаясь к англичанам, живущим на острове, окруженном водой, в этих местах стоит гораздо дороже, чем они могут себе представить. Именно поэтому из-за воды здесь воевали мексиканцы, индейцы, англичане и переселенцы. Из-за воды люди убивали друг друга, рушились семьи, и сосед убивал соседа.

Один из англичан прервал Джима и сказал, что он понимает, что вода здесь дорого стоит, потому что в отеле в Селигмане с него взяли дополнительно 50 центов за ванну, которую он принял. Все посмеялись, и я подумала, что смех поможет тому, что к информации Джима англичане отнесутся с пониманием.

Джим продолжил. Он сказал, что для того, чтобы на ранчо можно было разводить много скота, нужна вода. Некоторые владельцы ранчо бурили скважины, однако можно пробурить много скважин, но воды так и не найти. К тому же нет никакой гарантии, что, если найдешь воду, она скоро не закончится. Вот в Санта-Фе бурили скважину для нужд железной дороги. Пробурили на глубину почти в километр, да так ничего и не нашли.

Джим сказал, что самым разумным выходом из ситуации будет строительство плотины, которая остановит дождевую воду. Он описал англичанам мой план об аренде бульдозера из Финикса. Когда Джим сказал, сколько все это будет стоить,

англичане переглянулись и некоторые из них сделали недовольные мины, но Джим достал бумагу, с расчетами, которые я сделала. Согласно этим расчетам без плотины на ранчо можно вырастить несколько сотен голов скота, но с плотиной число скота можно довести до 20 000, что, в свою очередь, означает, что ежегодно можно продавать 5000 голов. Таким образом, строительство плотины окупится достаточно быстро.

На следующий день англичане поехали в Селигман для того, чтобы связаться телеграммой с остальными инвесторами. Мы обсудили некоторые инженерные детали и получили от англичан «добро» на строительство. Англичане оставили нам чек на нужную сумму и уехали. Через некоторое время к воротам ранчо подъехал грузовик с прицепом, на котором стоял большой желтый бульдозер. В этих местах никто еще не видел бульдозера, и люди приезжали подивиться на него со всего округа Явапай.

Раз уж у нас есть бульдозер, мы решили построить несколько прудов и запруд. Бульдозерист ровнял склоны оврагов и лощин, засыпал дно глиной, и возводил стены, которые должны остановить воду во время сезона дождей. Самый большой пруд, обойти который можно было за пять минут, мы построили напротив главного здания ранчо.

В декабре начались дожди. Вода текла по лощинам и оврагам и попадала в пруды. Все оказалось просто, словно открыть кран и ванну наполнить. Зима в этих краях часто бывает влажной, и к весне глубина воды в самом большом пруду была не меньше метра. Это было самое большое количество воды, которое мне довелось видеть со времен озера Мичиган в Чикаго.

Несмотря на то что этот пруд был, по сути, всего лишь углублением в земле, Джим страшно им гордился. Он ежедневно проверял в нем уровень воды и осматривал берега пруда. В особенно жаркие дни летом к нам издалека приезжали люди и просили разрешения искупаться. Иногда в период засухи приезжали соседи с бочками и просили, как они выражались, «занять» воды из пруда, хотя прекрасно понимали, что не смогут нам вернуть долг водой. Мы никогда ни с кого не брали денег, потому что, как выражался Джим, эта вода упала на нас с неба.

Запруда и сам пруд народ стал называть «запрудой Большого Джима», а потом просто Большой Джим. Люди в округе мерили степень засухи количеством воды, оставшейся в Большом Джиме. Они спрашивали друг друга: «Как там дела у Большого Джима?» или «Слышал, что Большой Джим сильно обмелел». Я понимала, что они говорят об уровне воды в пруду, а не об умственном состоянии моего мужа.

Полное официальное название ранчо было Arizona Incorporated Cattle Ranch, или ранчо для скота Arizona Incorporated, но все мы называли его сокращением AIC или просто «ранчо». Только ничего не понимающие люди, которые составляют мнение о работе на ранчо по вестернам или дешевым романам, называют свое ранчо названием типа «Гектары радости», или ранчо «Мираж», или «Плато Парадиз». Джим всегда говорил, что красивое и напыщенное название является неоспоримым доказательством того, что его владелец совершенно не разбирается в разведении крупного скота.

Депрессия тогда еще не закончилась, и такие владельцы, а также многие из тех, кто в скотоводстве хорошо разбирался, разорялись в большом количестве. Это означало то, что люди больше продавали, чем покупали. Джим проехался по штату Аризона и за разумные деньги купил стада скота. Он нанял десяток ковбоев — большей частью мексиканцев и индейцев хувасупай, которые должны были отогнать скот на ранчо, проклеймить, а потом отправить на выпас. Ковбои были грубыми и неотесанными парнями. Большинство из них сбежали из дома, и всех их сильно били. У них был только один выбор — или в цирк, или на ранчо, поэтому они далеко в будущее не заглядывали и жили сегодняшним днем. Эти ребята умели лучше всех окружающих удержаться в седле и очень этим гордились.

Ковбои прибыли и перво-наперво поскакали в прерию, чтобы заарканить и набрать себе лошадей. Потом они этих лошадей объезжали в специальном загоне с прочной оградой. Лошади вытворяли трюки, как на родео, лягались, подбрасывали и всеми способами пытались скинуть наездника, но у ковбоев задницы из железа, и они скорее разобьют себе все кости в теле, чем сдадутся. Они сами были как эти необъезженные лошади.

Мы стояли с Роз-Мари и смотрели на то, как они работают. «Мне жалко лошадей, — сказала Роз-Мари. — Они же хотят быть свободными».

«В этой жизни, — ответила я, — почти никто не делает то, что он хочет делать».

После того как у каждого ковбоя появилось несколько сменных лошадей, которых он связал между собой, они стали загонять скот и клеймить его. Все ковбои жили в отдельном общем доме, в «общежитии», и мне нужно было не только справляться со своей собственной работой, но и успеть всю эту ораву накормить. Ковбои едят на завтрак стейк с яичницей, а на ужин стейк с бобами плюс имеют неограниченное количество соли и питьевой воды с крыши. Все, кто просил, получал сырую луковицу. Лук очень полезен от цинги. Большинство ковбоев

чистили луковицы и ели, как яблоки.

Я не настолько доверяла ковбоям, чтобы оставлять их наедине с Роз-Мари. Ей было запрещено подходить к «общежитию», где постоянно ругались, пили, орали, играли в карты и с ножами. Я начала спать с ней в доме, а Джим с маленьким Джимом спали в большой комнате.

Сама Роз-Мари была тоже очень похожа на необъезженную лошадь. Больше всего ей нравилось бегать на улице голой, если бы, конечно, я ей это разрешила. Она забиралась на кедры, купалась в корыте с водой для лошадей, писала во дворе, раскачивалась на лозах и лианах, спрыгивала, визжа от восторга, со стропил сараев в стога свежескошенного сена с криком о том, чтобы Мей-Мей отошел. Она обожала весь день провести на лошади позади отца в седле. Ей самой было слишком тяжело подняться в седло, поэтому она ездила на своем маленьком муле Дженни без седла. На мула она взбиралась, схватив за гриву, а потом, упершись пятками в ноги мула, забиралась ему на спину.

Однажды Джим сказал Роз-Мари, что она такая сильная, что любая тварь, которая ее укусит, тут же сплюнет или выплюнет. Ей очень понравилась такая характеристика, данная отцом. Роз-Мари никогда не боялась койотов и волков, и ей очень не нравилось смотреть на животное в клетке или в загоне. Она даже считала, что куриц надо выпустить из курятника. Она говорила, что быть съеденным койотом — это риск, на который можно пойти ради свободы. Кроме этого ей казалось, что койотам тоже надо чем-то питаться. Именно поэтому я всегда винила Роз-Мари в том, что случилось с коровой Босси.

Англичане были настолько довольны работой Джима, что прислали ему в подарок чистокровную корову джерсейской породы.[18] Босси была серо-коричневого цвета, огромной и красивой. Корова давала нам по десять литров жирного молока в день. Она была такой ценной коровой, что я решила осенью ее покрыть, теленка продать весной и на этом заработать. Я уже даже начала копить и думать о тех днях, когда мы сами сможем позволить себе наше собственное ранчо.

Но однажды кто-то не закрыл ее загон, и Босси пришла в зерновое хранилище и съела огромный мешок зерна. Когда ее увидел старый Джейк, она уже вся раздулась, облокачивалась о стену сарая и мычала от боли.

Джим и старый Джейк пытались спасти ее, как могли. Чтобы ее могло вырвать, они сделали специальную смесь из табака, марганцовки, виски и мыльной воды. Перелили эту смесь в бутылку из-под виски и попытались влить ее содержимое в глотку животного, Босси не хотела глотать, и смесь вытекала у нее изо

рта. Потом старый Джейк раздвинул ей челюсти, а Джим засунул горлышко бутылки так глубоко, что его рука исчезла в глотке Босси до локтя.

Он вылил содержимое бутылки прямо ей в живот, и ее действительно немного вырвало, но она уже была не жилец, поэтому действия никакого это не возымело. У нее подогнулись колени, и она медленно упала. В отчаянии Джим даже сделал перочинным ножом разрез в животе Босси, чтобы выпустить газ. Но и это не помогло, и через час наша огромная, прекрасная корова дорогой породы умерла и превратилась в тяжелый каркас с остекленевшими глазами, лежащий на полу амбара.

Я была одновременно взбешена и расстроена. Было ужасно неприятно терять ее, когда я имела на нее такие далеко идущие планы. Я была уверена, что задвижку загона оставила открытой Роз-Мари, которая хотела таким образом дать ей свободу. Девочка была в таком страхе от вида того, как Джим и старый Джейк пытаются спасти корову, что ушла на крыльцо и плакала навзрыд. Я хотела ее хорошенько ударить, но она настаивала на том, что не виновата и не выпускала корову из загона, а сделал это маленький Джим. Так как я точно не знала, кто это сделал, и никаких доказательств у меня не было, я просто решила все позабыть и никого не наказывать.

«Не забывай, — сказала я ей, — что может случиться, когда животное получит свободу. Животные делают вид, что им неприятно быть в неволе, но на самом деле они понятия не имеют, что делать со свободой. И очень часто эта свобода их убивает».

После появления на ранчо большого стада Джим начал ремонтировать ограду. В общей сложности на это ушел месяц. С собой на работу Джим брал Роз-Мари. Они уезжали на пикапе и отсутствовали целыми днями. Они спали в степи, готовили на костре и возвращались домой только для того, чтобы пополнить запасы продуктов и взять новые мотки проволоки. Роз-Мари обожала отца, а он очень ценил то, что она любит дикую природу. Они с радостью проводили время в компании друг друга. Роз-Мари говорила без умолку, а Джим очень мало. Он кивал, улыбался и иногда вставлял фразы наподобие «Вот как?» или «Нормально». У него было достаточно работы: надо было копать ямы для столбов, поправлять накренившиеся столбы и натягивать проволоку.

«Эта девочка вообще умеет держать рот закрытым?» — поинтересовался однажды старый Джейк.

«Ей есть что сказать», — отвечал Джим.

Во время их отсутствия я вела размеренную жизнь на ранчо. Здесь всегда было работы больше, чем человек в состоянии сделать за день, поэтому я выработала для себя несколько простых правил. Я не занималась бесконечной уборкой. Раз и навсегда я решила для себя, что я не служанка. Аризона — место довольно пыльное, но от небольшого количества пыли никто еще не умирал. Я была уверена, что идеал домохозяек, заключающийся в том, что в доме все должно блестеть и сиять, явно не для меня. Более того, я считала чистоту излишней. Все, кто работает на земле, быстро пачкаются, а во время жизни в Чикаго я насмотрелась на далеко не лучших людей, которые жили в идеальной чистоте. Каждые несколько месяцев я со скоростью вихря убиралась в доме, и старалась делать это как можно быстрее, чтобы уложиться за один день.

Я наотрез отказалась стирать одежду. Я следила за тем, чтобы мы покупали свободно сидящую одежду, в которой можно легко приседать, наклоняться и размахивать руками. Я не любила плотно прилегающую одежду и рубашки, застегнутые на верхнюю пуговицу. Мы носили рубашки до тех пор, пока они не становились грязными с внешней стороны, потом выворачивали их наизнанку или носили задом наперед. Несмотря на это, наши вещи служили нам в четыре раза дольше, чем служат вещи в домах чистюль. Когда рубашки становились такими грязными, что, по выражению Джима, от них начинал шарахаться скот, я отвозила их в Селигман, где сдавала в прачечную и платила за стирку по весу белья.

Джинсы Levi's мы вообще не стирали. От стирки джинсы садились и ткань изнашивалась. Мы носили их до тех пор, пока они не становились блестящими от грязи, навоза, слюны животных, жира, масла, смазки для колес и бекона, а потом носили еще некоторое время. В конце концов, Levi's пропитывались грязью настолько, что они уже не могли стать грязнее. Когда доходило до того, что тебе начинало казаться, что джинсы изготовлены из непромокаемого брезента, который к тому же защищает от колючек и шипов, тогда я понимала, что мы их победили, как необъезженную лошадь. Когда Levi's выдерживаются, как хороший бурбон или копченая ветчина, тогда ковбой не отдаст свои джинсы в стирку даже за деньги.

Мое обеденное меню было простым. Я не делала никаких суфле, муссов, соусов, ничего не фаршировала, как могли бы делать домохозяйки на востоке страны. Я готовила еду. Очень часто на гарнир были бобы. У нас в кухне на плите всегда стояла кастрюля с бобами, которой нам могло хватить на несколько дней: от двух до пяти — в зависимости от количества ковбоев,

которые работали на ранчо. Рецепт приготовления был тоже самый простой — варим до готовности, соль по вкусу. Больше всего в бобах мне нравилось то, что, если добавлять в кастрюлю воды, бобы невозможно переварить.

Когда мы не ели бобы, мы ели стейки. Рецепт приготовления тоже был элементарным: поджариваем с обеих сторон, соль по вкусу. Гарниром к стейку обычно шла вареная картошка в мундире, соль по вкусу. На третье мы обычно ели консервированные персики в сиропе. В том, что я готовила, не наблюдалось особого разнообразия, однако продукты были качественные, и еды было всегда достаточно. «Без сюрпризов, — так обычно говорила я о своей еде ковбоям, — но и без разочарований».

Однажды, когда у меня осталось лишнее молоко и я не хотела, чтобы оно пропало плюс почувствовала в себе некоторые кулинарные амбиции, я сделала творог точно так же, как в свое время делала моя мама. Я прокипятила прокисшее молоко и положила в ткань из разрезанного мешка из-под сахара, после чего подвесила, чтобы стекла сыворотка. На следующий день я посолила творог, положила в тарелку и выставила на стол во время ужина. Семье так понравился творог, что он исчез меньше чем за минуту. Я не поверила своим глазам — столько работы, а съедают в момент.

«Просто потеря времени и ничего больше, — заявила я. — Больше такой ошибки я никогда не сделаю».

Роз-Мари посмотрела на меня с укоризной.

«Это тебе урок на будущее, дорогая», — сказала я ей.

Джим никогда не поднимал руку на Роз-Мари и никогда ее не наказывал, поэтому, когда они вернулись с ранчо после починки ограждения, дочь оказалась еще более непослушной, чем обычно. Несмотря на то что Роз-Мари была еще маленькой девочкой, я видела, что мы со временем будем очень разными. Я решила, что настала пора ее учить. Я хотела научить ее чтению и счету. А еще я хотела вложить в ее голову понимание того, что в мире таится много опасностей, жизнь непредсказуема, поэтому, чтобы выжить, надо быть умным, сосредоточенным и решительным. Человек должен быть готов много работать, не сдаваться перед трудностями и терпеть невзгоды. Очень многие люди со светлой головой и красотой не преуспевали в жизни потому, что не умели работать.

Когда Роз-Мари исполнилось три года, я начала учить ее цифрам. Если она просила меня налить стакан молока, я просила ее сказать мне по буквам слово «молоко». Я пыталась заставить ее

понять, что все события — от смерти Босси до творога — надо воспринимать в качестве урока, который дает тебе жизнь. Роз-Мари была очень умненькой девочкой, но математика и правописание давались ей с трудом, отвечать на вопросы ей скоро становилось скучно, и она не любила помогать по хозяйству. Джим предупреждал, чтобы я не переусердствовала, потому что ребенку всего лишь четыре года. Но когда мне самой было четыре года, я уже сама собирала яйца и занималась младшей сестрой. Я считала, что Роз-Мари должна стать более собранной, и если мы ей не привьем это качество с раннего возраста, неорганизованность может стать частью ее характера.

«Перестань, — говорил Джим, — она повзрослеет, и это исчезнет. А если не исчезнет, то такой она является от природы, а это уже не изменишь».

«Это наша ответственность, и мы должны заниматься ее образованием и воспитанием, — ответила я. — Я учила безграмотных мексиканских детей читать и писать. Значит, я в состоянии научить и свою дочь».

Роз-Мари постоянно попадала в опасные ситуации. Казалось, она, как магнит, их к себе притягивает. Она то и дело падала в овраги и срывалась с деревьев. Она неизменно пыталась забраться на самую строптивую лошадь. Она любила ловить змей и скорпионов, держать их в стеклянных банках, после чего начинала переживать о том, что им скучно, и отпускала на волю.

В октябре перед Хеллоуином мы купили в Селигмане большую тыкву и вырезали из нее фонарь. Роз-Мари надела на Хеллоуин старое шелковое платье, которое нашла в чемодане в сарае. Она рассматривала, как огонь свечи в тыкве просвечивает через отверстия и создает узоры на ткани платья. Мы с Джимом не обращали на нее внимания, занимаясь своими делами. Роз-Мари слишком близко поднесла ткань к огню свечи, и платье на ней вспыхнуло.

Она закричала, а Джим схватил лошадиную попону и быстро укутал в нее Роз-Мари, чтобы потушить огонь. Все это произошло за считаные секунды. Мы отнесли ее в спальню, Джим уговаривал Роз-Мари успокоиться, а я снимала с нее остатки шелкового платья. У Роз-Мари сильно обгорел живот, но ожог не был серьезным. До ближайшей больницы надо было ехать два часа, и кроме всего прочего, у меня не было желания платить врачам, поэтому я смазала ей живот вазелином, которым мы лечили самые разные напасти: раздражения кожи и нарывы, и перебинтовала. Закончив все это, я посмотрела Роз-Мари в глаза и с укоризной покачала головой.

«Мам, ты на меня злишься?» — спросила она.

«Не так сильно, как следовало бы», — ответила я. Я не была сторонником сюсюканья с детьми, когда они себя поранили. Бесполезно кудахтать и причитать, главное — чтобы ребенок понял, что совершил ошибку, и больше ее не повторял. «Я не знала никакой другой девочки, к которой несчастья просто липнут. Я надеюсь, что ты запомнила этот урок и понимаешь, что может случиться, когда играешь с огнем».

Надо отдать должное, что Роз-Мари была смелой девочкой, я смягчилась и добавила:

«С моим младшим братом Бастером однажды случилось то же самое. И с моим дедушкой. Так что, наверное, это у нас семейное».

В нашу первую зиму на ранчо мы с Джимом за 50 долларов купили радио, по каталогу компании-ритейлера Montgomery Ward. Ковбои помогли повесить длинную антенну приемника между двумя кедрами перед домом. «Вот и двадцатый век пришел в округ Явапай», — заметила я Джиму.

У нас не было электричества, поэтому радио работало от двух тяжелых батарей, каждая из которых весила около трех килограммов, за которые мы заплатили еще сто долларов. Когда батареи были свежими, мы ловили радиостанции из Европы, вещающие на французском и немецком языках. В то время к власти в Германии пришел Гитлер, и в Испании шла гражданская война, но нас не интересовало то, что происходит в Европе. Мы потратили уйму денег, чтобы слушать прогноз погоды, который для нас был гораздо важнее того, что задумывают нацисты.

Каждое утро Джим вставал до рассвета и включал радио, делал звук тихим и, сидя на корточках, внимательно слушал прогноз погоды из метеостанции в Калифорнии. Все ветра, которые приходили к нам, обычно начинались в Калифорнии, хотя иногда зимой снежные бури приходили аж из Канады. Нам было очень важно знать прогноз погоды. Воды в наших местах было мало, бури случались опасные, скот мог потонуть или замерзнуть зимой, молния могла ударить в лошадь, подкованную железными подковами, ветер мог снести амбар или оставить без крова всю семью. Можно сказать, что мы были большими фанатами прогноза погоды. Мы внимательно следили за бурей, которая могла начаться в Лос-Анджелесе и продвигаться на восток. Чаще всего тучи проливались на Кордильеры, но иногда шторм мог пойти на юг и пройти над Калифорнийским заливом, и в этом случае нас ждало большое количество осадков.

Роз-Мари и маленький Джим очень любили штормы и бури.

Как только небо над головой становилось свинцово-черным, а воздух предгрозовым, я звала их на крыльцо, с которого мы любовались непогодой. Мы слушали раскаты грома и смотрели на белые клешни молний, освещавших степь, косые струи дождя и черные тучи.

Иногда буря издалека могла показаться мелким дождем, слабо капающим в безграничной степи. Иногда тучи закрывали только небольшую часть неба, а большая часть степи оставалась залитой солнцем. Случалось, что приближающаяся гроза проходила стороной. Но когда молния блистала прямо над нами, а дождь начинал громко стучать по железной крыше, вода потоками лилась по желобам и трубам, заполняя пруды, канистры и цистерны, тогда начиналось настоящее веселье.

Мы жили в засушливой части планеты, и дожди были у нас не частыми гостями. Если потоки воды щедро проливались на иссохшую землю, все зеленело и расцветало. Это были поистине чудесные и радостные дни. Дети любили выбежать во двор и танцевать под дождем. Иногда к их танцу присоединялась и я. Подняв над головой руки, я радостно прыгала под дождем, а мои волосы и одежда становились мокрыми и прилипали к телу. После сильного дождя мы бежали к прудам и каналам, отводящим воду к Большому Джиму, и я разрешала детям скинуть с себя одежду и плавать. Они могли барахтаться в воде часами, изображая из себя крокодилов, дельфинов или бегемотов. Детям нравилось купаться и в лужах. Когда вода высыхала, на месте луж оставалась грязь, но дети не уходили и продолжали барахтаться в грязи до тех пор, пока белыми оставались только зубы и белки глаз. Грязь быстро высыхала и обсыпалась, после чего дети оказывались практически чистыми и могли снова одеваться.

Иногда после ужина, когда Джим возвращался с работы после дождя, дети рассказывали ему о своих водных и грязевых забавах, а муж говорил им о важности воды. Он говорил, что раньше вся планета была покрыта водой, и люди состоят главным образом из воды. Джим объяснял, что вода никогда не заканчивается, и происходит круговорот воды в природе. Вся вода существует на земле с доисторических времен, и перемещается, и перетекает из рек, озер и океанов, превращаясь в пар, доходит до облаков, выливается дождем, создает лужи, которые сквозь землю уходят в источники, ключи и колодцы, откуда пьют люди и животные, и снова попадает в реки, озера и океаны.

Вода, в которой купались дети сегодня, могла прийти из Африки или с Северного полюса. Возможно, эту воду когда-то пил Чингисхан, святой Петр или Иисус. Может быть, в этой самой

воде принимала ванны Клеопатра. Кто знает, может, этой водой поил своего коня вождь Крейзи Хорс.[19] Вода бывает не только жидкой, но и твердой, то есть льдом. Иногда вода может быть мягкой и падает с неба в виде снега. Воду в облаках и тучах можно видеть глазом, но невозможно измерить ее вес. Когда вода находится в виде газа и витает в воздухе, как души умерших, она является невидимой. Джим говорил, что вода — это великое чудо. От воды пустыня расцветает, но избыток воды способен превратить плодородное поле в болото. Без воды люди умрут, но вода способна нас и убить. Именно поэтому мы не только любим и жаждем воды, но и боимся ее. Никогда не относитесь к воде, как к чему-то должному. Берегите ее. И бойтесь ее.

Обычно дожди шли в апреле, августе и декабре, но на второй год нашей жизни на ранчо в апреле с неба не пролилось ни капли. В августе и декабре дождей тоже не было. Началась засуха. Почва ранчо растрескалась, земля стала легкой, и ее уносил ветер.

Каждое утро Джим с озабоченным выражением лица слушал прогноз погоды в надежде на то, что будет дождь. После этого мы шли проверить уровень воды в Большом Джиме. Стояли прекрасные дни, небо было бесконечно синим, но мы не ощущали радости от хорошей погоды. Стоя на берегу пруда и наблюдая, как он мелеет, мы чувствовали отчаяние и беспомощность. Вскоре пруд обмелел настолько, что стало видно его дно. Потом вода совсем исчезла, и на дне осталась грязь. Потом высохла и растрескалась грязь. Трещины на дне стали такими большими, что в них можно было засунуть руку.

Джим предчувствовал наступление засухи. Он вырос в степи и знал, что сильная засуха случается каждые 10–15 лет. Джим резко уменьшил поголовье стада, продав телок и быков и оставив только самый здоровый скот. С началом засухи нам пришлось возить воду на ранчо. Мы с Джимом запрягали лошадей в крытую повозку переселенцев, заводили машину и ехали в расположенное в тридцати километрах от нас поселение Пика, которое находилось на железной дороге, идущей до Санта-Фе. Сюда по железной дороге цистернами привозили воду. Мы загружали в повозку и в машину старые бочки из-под горючего и двигались назад к ранчо. Повозка скрипела от тяжести. На ранчо мы выливали содержимое бочек в Большого Джима.

Мы ездили за водой два раза в неделю. Мы, черт возьми, чуть спины себе не надорвали, когда грузили и разгружали эти тяжелые бочки, но спасли стадо, хотя на многих ранчо скот вымер, и их владельцы обанкротились.

В августе следующего года начались дожди. Эти дожди были

такими сильными, что были похожи на потоп, такого мы еще никогда не видели. Мы сидели за кухонным столом, к верхней части которого кнопками был пришпилен линолеум, и слушали, как дождь барабанит по железной крыше. В отличие от остальных дождей, этот не закончился через полчаса. Дождь лил, не переставая, и звук воды, бьющей по крыше, начал меня раздражать. Вскоре Джим начал волноваться по поводу того, что плотину может прорвать, вода размоет берега пруда, и он разольется. Тогда мы потеряем всю воду.

Джим один раз вышел на улицу и вернулся, сообщив, что пруд еще не вышел из берегов. Прошел час, но дождь продолжался. Джим снова вышел к пруду, и, вернувшись, сказал, что надо что-то делать, иначе не миновать беды. Впрочем, у него уже был готов план действий. Мы должны прорыть канавы от каналов, по которым вода стекала в Большого Джима, чтобы пруд не вышел из берегов. И сделать все это мы должны были в самый разгар бури под проливным дождем. Чтобы прорыть канавы, надо было запрягать старую лошадь першеронской породы по имени Бак в плуг, которым мы будем проводить водосточные канавы.

Джим надел непромокаемый плащ, я надела парусиновый плащ, и мы вышли под дождь. Лило как из ведра, и почти сразу вода стала затекать за воротник, рукава и спина намокли, и в ботинках начало хлюпать. Я поняла, что в такой ситуации бесполезно даже думать о том, чтобы остаться сухими.

Внутри амбара было темно. Мы долго не могли найти упряжь, которой уже много лет не пользовались. Старый Джейк незадолго до этого подвернул здоровую ногу, упав с лошади, и теперь ковылял еще сильнее обычного. Он начал громко переживать по поводу того, что пруд может выйти из берегов и смоет весь скот, и я приказала ему заткнуть рот. Мы и без него прекрасно знали, чем этот дождь может закончиться, поэтому надо было не каркать, а собраться и иметь трезвую голову.

Я предложила Джиму привязать плуг к пикапу. Я буду за рулем, а он пойдет за плугом. Джиму понравилась моя идея. Старый Джейк не мог нам ничем помочь, поэтому мы оставили его волноваться в амбаре, но решили взять с собой детей. К тому времени вода во дворе перед домом стояла по щиколотку. Дождь был такой сильный, что едва не сбил Роз-Мари с ног, и Джим взял ее на руки. У меня в руках была деревянная коробка, в которую я положила маленького Джима. Мы двинулись к машине.

Из сарая, в котором хранились инструменты, Джим принес плуг с цепями и бросил их в кузов автомобиля. Мы доехали до невысокого возвышения над плотиной, прикрепили плуг к сцепке сзади автомобиля, я села за руль и поставила коробку с

маленьким Джимом на пол кабины, чтобы она не болталась по салону.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, но дождь был таким сильным, что я практически не видела Джима. Я попросила Роз-Мари встать на сиденье, высунуть голову в окно и слушать указания, которые дает отец. Джим что-то кричал и жестикулировал, но из-за шума дождя и из-за того, что из-за него было очень плохо видно, я не могла понять, что от меня хочет муж.

«Мам, я его не слышу», — пожаловалась Роз-Мари.

«Решай ситуацию, как можешь, — сказала я ей. — У нас нет никакого другого выбора».

Я попыталась ехать как можно медленней, но Chevrolet дергался и шел рывками, которые выдергивали плуг из рук Джима. От этих рывков Роз-Мари упала в коробку, в которой лежал маленький Джим. В земле оказалось много мокрых камней, на которых колеса начинали прокручиваться, а потом, когда появлялось хорошее сцепление с землей, машина делала резкий рывок.

Мы с Джимом знали, что времени у нас в обрез, и матерились, как пьяные матросы. Роз-Мари падала и снова взбиралась на сиденье, с которого пыталась разобрать слова и жесты Джима, чтобы передать их мне. Наконец, я поняла, что, поставив передачу, потом тихонько нажав на газ, и потом снова передачу выключив, можно заставить машину сдвинуться вперед всего на несколько сантиметров. Так мы постепенно прокопали четыре канавы, которые отводили воду от плотины для того, чтобы ее не прорвало.

Дождь не утихал. Джим закинул плуг в кузов пикапа и влез в кабину машины. Он был мокрым, словно искупался в реке. Вода хлюпала у него в сапогах, стекала со шляпы и дождевика, оставляя лужи на сиденье.

«Мы все сделали. И сделали, насколько возможно хорошо, — сказал он. — Теперь, если плотину прорвет, по крайней мере, наша совесть будет чиста».

Плотина устояла. Мы выдержали, но по всему штату ливень наделал много бед — смыло несколько мостов и несколько километров покрытия асфальтовой дороги. Владельцы ранчо потеряли здания и скот. Селигман был затоплен, и в городе смыло несколько домов. На стенах оставшихся домов на высоте почти в два метра осталась линия, до которой дошла вода, и никто не хотел ее закрашивать, настолько всех удивила сила природы. На протяжении нескольких лет после этого люди

показывали друг другу на стенах домов границу, докуда дошла вода, и покачивали головами.

Буквально через несколько часов после окончания дождя степь стала ярко-зеленой. На следующий день ранчо покрылось невероятными цветами, которых я никогда не видела. Расцвела красная индейская кастиллея, оранжевые калифорнийские маки, белые маки с ярко-красными пестиками, золотарник, синие люпины, а также фиолетовый и пурпурный душистый горошек. Казалось, что на землю упала радуга, которую можно понюхать и потрогать. Потоки воды пробудили семена, которые лежали в земле десятилетиями.

Роз-Мари была в восторге и целыми днями собирала цветы. «Если бы у нас теперь все время было столько воды, — сказала ей я, — нам, видимо, пришлось бы сломаться и все-таки дать нашему ранчо какое-нибудь глупое название наподобие „Плато Парадиз“».

VI. Учительница

Лили Кейси Смит перед уроком управления самолетом

Вода, которую мы покупали во время засухи, обошлась в копеечку. Однако англичане понимали, что разведение скота — это «долгоиграющая» история. В конкурентной борьбе могут победить только те, кто имеет достаточно денег, чтобы пережить тяжелые времена и заработать во время экономического подъема. Эти англичане своими глазами видели последствия засухи, знали, что многие ранчо разоряются, и использовали эту ситуацию для того, чтобы купить больше земли. Именно это и советовал им Джим. Ранчо, на котором мы жили, было огромным, но Джим считал, что для того, чтобы пережить следующую засуху, нам нужно еще больше земли. Причем не просто земли, а земли, на которой есть своя собственная вода. Джим убедил инвесторов приобрести соседнее ранчо под названием Hackberry, где на небольшой возвышенности был источник, а внизу — глубокий колодец с пристроенной рядом ветряной мельницей, качавшей воду в поилки в загоне для животных.

Джим хотел перегонять стадо с одного ранчо на другое. На ранчо Hackberry скот будет зимовать, а летом подниматься чуть выше на плато поближе к Большому Джиму. В общей сложности площадь двух ранчо составляла 180 000 акров.[20] Это было одно из самых больших ранчо в Аризоне. В хорошие года мы ежегодно продавали по 10 000 голов скота. Когда англичане увидели наши

расчеты, они с радостью дали деньги на приобретение ранчо Hackberry.

Я влюбилась в ранчо Hackberry с первого взгляда. Ранчо было расположено на плато между горами Пикок и Валапай и было покрыто зарослями вечнозеленых жестколистных кустарников. Растительность питали воды, стекающие со склонов гор, и кроме этого у подножия гор бил родник. В лощине стояло здание. Это был бывший дом для танцев, который разобрали, перевезли на ранчо и снова собрали. Пол здания был покрыт линолеумом, а на стенах красовались надписи со следующими полезными советами: «Без грубостей» и «Если хочется подраться, выходите на улицу».

Я попробовала воду из колодца и подумала о том, что она находится глубоко в земле, где залегала уже много десятков тысяч лет. Эта вода долго ждала того момента, когда я ее попробую. На вкус эта вода была слаще изысканного французского ликера. Некоторые про богатых людей говорят, что они «при деньгах». Стоя с кружкой воды в руках, я почувствовала себя несметно богатой, только не деньгами, а водой. Все, хватит, — больше нам с Джимом уже не придется надрываться под тяжестью бочек с водой.

После того как англичане купили ранчо Hackberry, Джим поехал в Лос-Анджелес на пикапе Chevy. Когда он вернулся, в багажнике машины лежали свинцовые водопроводные трубы. Источник был расположен приблизительно в полутора километрах от дома. Мы положили и соединили трубы. Не буду утверждать, что наш водопровод был очень красивым или что мы провели воду в сам дом, но теперь у нас был кран перед домом, и из него текла чистая питьевая вода.

Под краном мы поставили раковину и металлическую кружку. Нет ничего приятнее, чем после долгой прогулки на лошадях вернуться усталым и покрытым пылью домой и тут же выпить кружку холодной воды и еще одну кружку вылить себе на голову.

Той осенью мы перегнали стадо на ранчо Hackberry, где и провели всю зиму до весны. Я всегда любила яркие цвета, и в доме на ранчо покрасила стены комнат. Одна комната была розовой, вторая — синей, третья — желтой. На пол я постелила ковры индейцев навахо и приобрела красные бархатные занавески, потратив купоны «зеленые марки» S&H,[21] которые собирала несколько лет.

Кажется, Роз-Мари понравилось яркое оформление дома даже больше, чем мне самой. Она только начинала рисовать. Особенно

хорошо ей удавались рисунки, которые она делала одним непрерывным движением без отрыва карандаша от бумаги. Надо сказать, что и маленькому Джиму очень нравилось на новом ранчо. Дети обожали зеленые горы, цветы, птиц и растущие около дома лиственницы. Рядом с домом находилось несколько глубоких оврагов, и после дождя мы с детьми ездили смотреть, как потоки воды стекают с гор и проносятся по дну оврагов, сотрясая землю под нашими ногами.

Роз-Мари и Джиму нравилась история о привидениях, которые, как говорят, жили в доме. Много лет назад в стоящем на ранчо здании случился пожар. В том здании было двое детей, и их мать бросилась их спасать. Она вытащила мальчика, и снова вошла внутрь за девочкой, но вместе с ней сгорела в огне. В это время мальчик стоял около дома и слушал предсмертные крики своей матери и сестры. Через несколько месяцев этот мальчик сел на качели и стал раскачиваться. Он раскачивался сильнее и сильнее, поднимался все выше и выше, пока, наконец, не упал с качелей и не разбился до смерти. Люди говорили, что мальчик хотел попасть в рай, чтобы быть вместе с мамой и сестрой.

Поговаривали, что в нашем доме живут призраки той мамы, мальчика и девочки. Роз-Мари не пугалась привидений, а начала их искать. Ночами она бродила по темному дому, зовя по имени погибших, а когда слышала какой-нибудь звук — скрип половицы, крик койота или шелест деревьев, — то принимала его за привидение. Роз-Мари очень нравилась история смерти мальчика, и она главным образом искала его привидение для того, чтобы сообщить ему, что все в порядке и что мальчик попал в рай вместе с мамой и сестрой.

После переезда на новое ранчо мы с Джимом начали все чаще и чаще обсуждать возможность приобретения собственного. Мы хотели купить Hackberry и мечтали о том, что, возможно, в будущем сможем себе это позволить. Чем дольше я жила на ранчо Hackberry, тем больше хотела его приобрести.

Однако для осуществления этого плана нам нужны были деньги. Я поклялась себе, что больше никогда не буду брать кредит, из-за которого мы в свое время потеряли дом и бензозаправку в Эш Форке. Я произвела кое-какие подсчеты и пришла к выводу, что, может быть, через десять лет мы сможем купить ранчо. Я начала экономить как сумасшедшая.

У нас с Джимом были весьма скромные запросы и потребности. Джим зарабатывал для англичан приличные деньги, но при этом экономил на всем. Он использовал старые гвозди, не выбрасывал обрезки проволочной ограды и колючей проволоки, а

вместо столбов ограды использовал молодые деревца можжевельника. Мы практически никогда ничего не выбрасывали. Мы даже сохраняли обрезки дерева на тот случай, если понадобится сделать упор для двери или подложить что-нибудь под ножку шаткого комода. Когда наши рубашки начинали разваливаться, мы срезали с них пуговицы и хранили их в специальной банке, а сами рубашки использовали в качестве тряпок или отдавали швеям в Селигмане для того, чтобы те использовали их для шитья лоскутных одеял.

В общем, в нашем доме был введен режим строгой экономии. Например, стулья для детей мы сделали из ящиков для апельсинов. Роз-Мари рисовала на бумажных пакетах и использовала для этой цели обе стороны пакета. Мы пили кофе из чашек, сделанных из консервных банок, к которым была приделана ручка из проволоки. Когда мне предоставлялась возможность, на машине я всегда ехала позади грузовика, что уменьшало сопротивление воздуха и давало возможность немного экономить на бензине.

Кроме этого я придумала несколько способов, как мы можем дополнительно заработать. Некоторые из этих планов были успешными, некоторые — не очень. Я пробовала продавать энциклопедии, но среди жителей округа Явапай не наблюдалось большого стремления к знаниям и любви к печатному слову. Гораздо лучше дело пошло, когда я решила заработать в качестве посредницы на заказах по каталогу Montgomery Ward. Мне не пришлось, как моему прошлому горе-муженьку, бросать горсть грязи на пол квартиры, чтобы меня впустили внутрь. По ночам я начала писать рассказы про ковбоев для дешевых журналов. Я использовала псевдоним Легс ле Рой (Legs LeRoy), потому что решила, что редакторы вряд ли примут работу про ковбоев, написанную женщиной. Увы, мне не удалось продать ни одного рассказа. Я начала собирать металлолом, разъезжая в его поисках на пикапе Chevy. Этот металлолом я продавала на вес. Помимо этого я играла в покер с нашими ковбоями и пару раз их обыграла. Узнав об этом, Джим сказал: «Заканчивай. Мы им и так мало платим, так что нечестно отбирать у них последнее».

По выходным мы с детьми садились в машину и ехали по трассе 66 в поисках выброшенных людьми из машин стеклянных бутылок. Дети вылезали из машины, Роз-Мари шла по обочине по одной стороне дороги, а маленький Джим по другой, и собирали бутылки в мешки. Бутылка из-под кока-колы стоила 2 цента, по 5 центов шли бутылки из-под сливок, молочные — по 10, а большие бутылки емкостью в один галлон можно было сдать по 25 центов. Однажды мы за день насобирали бутылок на 30 долларов.

Завидев нас, некоторые водители останавливались и спрашивали, все ли у нас в порядке. «У вас все в порядке?» — кричали они.

«Все нормально, — отвечала я. — Пустых бутылок случайно не найдется?»

Роз-Мари очень любила эти экспедиции. Как-то все мы вчетвером поехали навестить наших соседей Хаттеров. После ужина, когда мы направлялись к машине, запаркованной около сарая, Роз-Мари увидела в бочке для мусора пустую бутылку. Она подбежала к бочке и вынула бутылку.

«Лили, послушай, по-моему, все это зашло слишком далеко, — заметил Джим. — Мы не настолько бедны, чтобы дети по помойкам собирали чужой мусор. Ведь за эту бутылку дают всего два цента».

Роз-Мари показала ему бутылку. «Нет, пап, — сказала она. — Эта не два цента, а сразу десять».

«Молодчинка, — похвалила я дочь и, повернулась к Джиму, объяснила: — Цент доллар бережет. Считай, что я учу их изобретательности, которая поможет выйти из любой ситуации».

К тому времени мне уже было почти сорок лет, и в этой жизни у меня оставалась одна вещь, которую я хотела сделать. Однажды летом мы с Джимом и детьми поехали на машине посмотреть в округе Мохаве одного быка-производителя. Когда мы подъехали к ранчо, то около входа стоял небольшой самолет. На ветровом стекле кабины был лист бумаги с надписью от руки «Уроки управления самолетом 5 долларов».

«Вот это для меня», — сказала я.

Джим подъехал поближе к самолету. Этот самолет вмещал двух человек, которые сидели в ряд один за другим. У него была открытая кабина, проржавевшие шайбы под болтами на корпусе. Хвостовая лопасть управления самолетом скрипела под порывами ветра.

Я вспомнила тот день, когда впервые увидела самолет. Мы с Пятнистой ехали по пустыне в Ред Лейк. Я, конечно, очень любила Пятнистую, но тогда наше путешествие было долгим и непростым. А вот на самолете проделать тот путь было бы гораздо проще и быстрее.

Из сарая поблизости вышел мужчина и вразвалочку пошел к нашей машине. У него было загорелое лицо, из угла рта свисала сигарета, а на лбу защитные очки авиатора. Он оперся локтем на автомобиль со стороны водителя и спросил Джима: «Хотите, чтобы я ее научил?»

Сидя в кабине, я наклонилась в его сторону и ответила:

«Не он хочет, а я сама».

«Ух ты! — воскликнул авиатор. — Я еще никогда не учил женщину управлять самолетом. — Он посмотрел на Джима. — Думаешь, что твоя красавица справится?»

«Э, не стоит меня так называть, — возразила я. — Я объезжаю лошадей. Я клеймлю скот. У меня ранчо, на котором работает десяток сумасшедших ковбоев, которых я легко обыгрываю в покер. Так что не надо мне тут говорить, что я не в состоянии управлять дешевой жестянкой, которую ты называешь самолетом».

Авиатор в изумлении на меня уставился, потом посмотрел на Джима.

«Ее еще никто не обыграл в покер», — сказал ему Джим.

«Это неудивительно, — заметил авиатор. Он вынул новую сигарету и прикурил ее от той, которую докуривал. — Мэм, мне нравится ваш настрой. Полетаем».

Авиатор вынес мне специальный костюм пилота, кожаный шлем и авиационные защитные очки. Я надела все это, и мы вместе обошли вокруг самолета. Авиатор объяснил мне азы воздухоплавания, рассказал о том, как ветер влияет на движение самолета, и показал, как пользоваться ручкой управления для ученика, расположенной перед вторым пассажирским сиденьем. По авиатору было видно, что он не большой поклонник теории, и ему не терпится поднять самолет в воздух. Мы забрались в кабину. Сидя в кабине, я поняла, что обшивка самолета изготовлена не из железа, а из парусиновой ткани. Этот самолет оказался весьма хрупкой конструкцией.

Подскакивая на кочках, мы поехали по дороге. Потом кочки неожиданно кончились, и трясти перестало, но я не сразу поняла, что мы оторвались от земли и летим. Я поняла, что мы находимся в воздухе, только выглянув из самолета вниз.

Мы сделали круг. Внизу бегали дети и махали нам руками. Даже Джим вышел из автомобиля и помахал мне шляпой, а я высунулась из кабины и помахала ему в ответ. Небо было синим-синим. Мы набрали высоту, и моему взгляду раскрылись безбрежные просторы Аризоны. На востоке проходил Могольонский моренный вал, вдалеке на западе виднелись Кордильеры, вершины которых были закрыты тучами, а под нами рядом с серебристой рекой проходила трасса 66, по которой, как букашки, ползли несколько машин. Как и все жители Аризоны, я, конечно, привыкла к широким горизонтам, но такого я еще не видела. Впервые в жизни я наблюдала землю с высоты полета ангелов.

Авиатор управлял самолетом, но моя рука была на второй

ручке управления, чтобы я могла почувствовать, как он набирает высоту, поворачивает и снижается. К концу полета авиатор позволил мне самой управлять самолетом, и после нескольких нервных движений рукой и рывков машины, я вывела воздушное судно в широкий поворот, уходящий прямо в солнце.

На земле я поблагодарила авиатора, расплатилась и сказала, что мы еще увидимся. По пути к машине Роз-Мари сказала: «Мне казалось, что мы экономим деньги, а не тратим».

«Гораздо важнее зарабатывать деньги, чем их экономить, — ответила я. — И в жизни бывают случаи, когда, чтобы заработать, надо потратить». Я объяснила ей, что, если получу разрешение на управление самолетом, то смогу зарабатывать, опыляя посевы, доставляя почту и катая в небе богатых туристов. «Этот урок — вложение в меня».

Мне было бы очень приятно быть летчиком, но я знала, что до этого еще надо жить и жить. И для этого надо было заплатить, а нам самим нужны были деньги. В конце концов, я поняла, что могу заработать на своей старой учительской профессии. Я написала Грейди, который помог мне в свое время получить работу в Ред Лейке, и попросила его узнать, нет ли каких вакансий.

Он ответил, что в Аризоне есть поселение под названием Main Street, там есть вакансия учителя. Он добавил, что в те удаленные места не хочет ехать ни один учитель с дипломом колледжа. Он также написал, что местные жители — полигамные мормоны, которые уехали в Main Street, чтобы спастись от преследований правительства.

Меня не остановила ни удаленность Main Street, ни привычки и нравы его обитателей. Я сама была замужем за мормоном, поэтому решила, что смогу справиться и с полигамными представителями этой секты. Я ответила, что готова взять эту работу.

Я решила переехать в Main Street вместе с детьми. В конце лета мы с детьми погрузились в тачку, которая к тому времени была уже почти «при смерти». Джим следовал за нами в Chevy, чтобы помочь мне на первых порах. Main Street находился на северо-западе округа Мохаве, к северу от реки Колорадо и был отрезан от всего штата Гранд Каньоном и рекой. Чтобы попасть в эти места, надо было пересечь границу Невады, проехать по штату Юта, и только потом свернуть на юг опять в Аризону.

Я хотела показать детям чудеса современных технологий, и мы остановились у плотины Гувера, четыре огромные турбины

которой вырабатывали электричество для Калифорнии. Джим решил показать детям руины поселений культуры Хохокам, представители которой строили четырехэтажные дома и сложные ирригационные системы.[22] Мы стояли и смотрели на фундаменты зданий и остатки каналов, которые подводили воду прямо к домам.

«А что произошло с этими людьми и их культурой, папа?» — спросила Роз-Мари.

«Они думали, что могут побороть пустыню, — ответил Джим, — и в этом была их большая ошибка. Единственный способ выжить в пустыне — это исходить из того, что это пустыня и ничего больше».

Места, где было расположено поселение Main Street, были очень живописными. Это было поросшее травой плато, с которого открывался вид на далекие горы из песчаника, блестевшие от залегавшей в них слюды. Склоны гор бороздили овраги, а повсюду стояли обточенные водой и ветром скалы, по форме напоминающие песочные часы. Местный ландшафт создавался тысячелетиями. Казалось, что бог, который создал эти места, был очень кропотливым и усидчивым.

Поселение Main Street было настолько маленьким, что на большинстве карт его не было. Собственно говоря, весь Main Street состоял из одной улицы, вдоль которой стояли дома-развалюхи, магазин и школа с домиком для учителя. Домик для учителя был самым простеньким — одна крохотная комната с двумя небольшим окошками и узкая кровать, которую мне надо было делить с двумя детьми. Рядом с кухней на улице стояла бочка, в которой плавали головастики. «По крайней мере, мы точно знаем, что вода не отравлена, — заметил Джим. — Можно пить, но только сквозь зубы».

Местные жители разводили овец, но трава на пастбищах была съедена под корень. У местных жителей не было машин. Они ездили на телегах. Те, кто не мог себе позволить купить седло, использовали вместо него простое одеяло. Некоторые жили в курятниках. Женщины ходили в чепчиках, а дети ходили в школу босиком и одетые в сшитые из старых мешков платья и штаны. Если на них было надето нижнее белье, то и оно было сшито из грубой мешковины. Некоторые мормоны проходили церковный ритуал, во время которого на них зашивали специальное нижнее белье, которое должно было защитить их от всяких напастей и «сглаза». Шутники называли это «чудодейственным нижним бельем мормонов».

Поначалу люди говорили с нами вежливо, но осторожно, но

потом, когда узнали, что мой муж — один из сыновей легендарного Лота Смита, героя борьбы против федеральных властей, соратника Янга и основателя Туба-Сити, их отношение изменилось. Более того, они стали относиться к нам, как к приезжим знаменитостям.

У меня было тридцать учеников самых разных возрастов. Поскольку местные мормоны имели по нескольку жен, практически все дети были в той или иной мере родственниками, и в разговорах постоянно упоминали своих «других матерей» и «двойных кузин». Девочкам очень понравилась Роз-Мари, которой тогда было шесть лет, и маленький Джим, которому исполнилось четыре года. Девочки причесывали им волосы, ухаживали за ними и помогали одеваться, видимо, практикуя свои материнские инстинкты. Все девочки были записаны в «Книгу радости», что означало, что они на выданье и ждут пока их «дядя» примет решение, за кого их выдать замуж.

У каждого мужчины было до семи жен, которые рожали ему по ребенку в год. Мормоны считали, что если Господь заселил землю людьми, созданными по своему подобию, то и они должны заселить данную мормонам часть рая своими детьми. Девушек воспитывали так, чтобы они были тихими и подчинялись мужчинам. В первые несколько месяцев моей работы из класса исчезла пара тринадцатилетних девушек, которые были выданы замуж и поэтому перестали посещать школу.

Роз-Мари поражалась этим людям, у которых так много мам, а также мужчинам, у которых так много жен, и просила меня объяснить, что все это значит. В особенности ее интересовал вопрос нижнего белья мормонов и то, получают ли они благодаря этому белью особые возможности и силы.

«Ну, они сами в это верят, — объясняла я, — хотя это совершенно не значит, что это правда».

«А почему они в это верят?»

«Америка — свободная страна, — отвечала я, — и в ней каждый может верить в любую ерунду, которую сам себе выдумает».

«Значит, они не обязаны верить во все это, если не хотят этого делать?»

«Нет, не обязаны».

«Но они-то сами об этом знают?»

Как я говорила, Роз-Мари была умным ребенком. Как я сама потом поняла, она смотрела прямо в корень проблемы. Каждый из нас волен выбирать свое рабство, но выбор этот являлся свободным только в случае, если человек знал все возможные варианты выбора. Я поняла, что мне надо рассказывать девушкам-

мормонам о том, что мир большой, и в этом мире можно найти себе занятие, и не быть одетой в мешки женщиной, единственной задачей которой является деторождение.

Главными предметами моей программы обучения было чтение, письмо и арифметика. Кроме того, я говорила о возможностях, которые открывают работа медсестрой и учителем, о больших городах, о 21-й поправке[23] к конституции США, а также о жизни Амелии Эрхарт[24] и Элеоноры Рузвельт.[25] Я рассказала ученикам о том, как в их возрасте объезжала лошадей. Я рассказала им о том, как жила в Чикаго, и о том, что брала уроки управления самолетом. Я говорила о том, что они все это могут сделать сами, если только захотят.

Некоторые из учеников были шокированы, но нескольких человек мой рассказ очень заинтересовал.

Через некоторое время после моего приезда в городок ко мне в гости пришел патриарх местных мормонов дядя Элай. У него была длинная седая борода, косматые брови и нос, похожий на клюв. На его губах была вымученная и неискренняя улыбка, и глаза были холодными. Я дала ему попить воды из бочки с головастиками. Во время нашего разговора он гладил меня по руке и называл «дамочка-учительница».

Он сказал, что некоторые матери поведали ему о том, что их дочери слышали в школе рассказы о борьбе женщин за право голосовать на выборах, а также о том, что женщины летают на самолетах. Он заявил, что я должна понять, что он и его люди переехали в эти отдаленные места, чтобы быть подальше от всего мира. Я же делала все возможное, чтобы их дети узнали о том мире, от которого бегут их родители. Я учила детей тому, что их родители считали вредным и опасным. Некоторые даже использовали слово «богохульство». Дядя Элай сказал, что моя обязанность — научить детей читать и считать для того, чтобы они могли вести хозяйство и читать книгу мормонов.

«Дамочка-учительница, — говорил он, — не твоя задача — подготовить наших девочек к жизни. Ты только сбиваешь их с толку и смущаешь. Ты больше не должна рассказывать им о том, что происходит в миру».

«Послушай, дядя, — ответила ему я. — Я на тебя не работаю. Мне платит штат Аризона, и я работаю на него. Поэтому не надо мне указывать, как делать мою работу. Я должна дать детям образование, частью которого является информация о том, каким мир является на самом деле».

Дядя продолжал улыбаться лживой улыбкой. Рядом с нами за столом сидела Роз-Мари и рисовала. Дядя Элай погладил ее по голове. «Что ты рисуешь?» — спросил он.

«Я рисую маму, которая скачет на Красном Дьяволе, — ответила Роз-Мари. История моего участия в скачках была одним из любимых мотивов рисунков Роз-Мари. Она посмотрела на дядю Элая. — Мой папа был раньше мормоном», — сказала она.

«Но он уже не мормон?»

«Уже нет. Он ранчо занимается».

«Значит, он потерян».

«Он никогда не теряется. Папа никогда не теряется. Он никогда даже компасом не пользуется. Он говорил, что после встречи с мамой выбросил свое чудесное нижнее белье. А ты носишь чудесное нижнее белье?»

«Мы называем его предметом храмовой одежды, — ответил дядя Элай. — Ты скоро вырастешь и можешь стать хорошей женой. Давай запишем тебя в „Книгу радости“?»

«Не впутывай ее в это, — предупредила его я. — И забудь о том, чтобы вписать ее в вашу книгу».

«Я тебе все сказал, — закончил разговор дядя Элай. — Если ты не подчинишься, мы все отвернемся от тебя, как от дьявола».

На следующий день во время урока я долго и страстно рассказывала детям о религиозной и политической свободе. Я рассказала им о тоталитарных странах, в которых людей заставляли во что-то верить. Я сказала, что в Америке люди могут верить в себя и во всех вопросах веры следовать зову своего собственного сердца. «Представьте себе, что весь мир — это огромный магазин в Чикаго, в котором вы можете померить самые разные платья и наряды и только потом решить, какое из них вам больше всего нравится».

В тот вечер, когда я вышла на улицу вылить воду, в которой мыла посуду, я увидела, что дядя Элай стоит посреди двора, сложив руки на груди. Дядя Элай смотрел на меня, не отводя взгляда.

«Вечер добрый», — приветствовала его я.

Он ничего не ответил. Он продолжал на меня смотреть, словно хотел навести порчу.

Я начала готовить ужин, и когда посмотрела в окно, то увидела, что он никуда не ушел и продолжает стоять во дворе и смотреть на меня из-под косматых бровей.

«Мам, что ему нужно?» — спросила Роз-Мари.

«Наверное, он хочет вызвать меня на соревнование в том, кто кого пересмотрит».

На окнах домика для учителя не было занавесок, поэтому на следующий день я сшила из мешковины некое подобие занавесок и повесила их на окна. В тот вечер раздался стук в дверь. Я открыла и увидела, что на пороге стоит дядя Элай.

«Чего тебе надо?» — спросила его я.

Он не ответил и продолжал на меня смотреть. Я закрыла дверь, но он продолжал в нее размеренно и упорно стучать. Я вошла в спальню, достала свой револьвер с перламутровой рукояткой. Стук продолжался. Я открыла дверь и подняла пистолет так, что дуло оказалось на уровне его лица.

В последний раз я направляла пистолет на человека после того, как один пьяный в Эш Форке назвал мою сестру мертвой шлюхой после того, как я отказалась продать ему алкоголь. Тогда я не нажала на спусковой крючок, но на этот раз я направила оружие чуть левее виска дяди Элая и выстрелила.

Раздался громкий выстрел. Дядя Элай инстинктивно отпрянул назад и поднял руки. Пуля пролетела мимо его уха, но дуло было так близко к его лицу, что на нем осела гарь выхлопа. Он словно потерял дар речи и с непониманием смотрел на меня.

«Если еще раз захочешь постучать в мою дверь, то не забудь надеть свое чудесное нижнее белье, потому что в следующий раз я не промахнусь», — сказала ему я.

Через два дня в школу приехал шериф округа. Это был спокойный деревенский парень с походкой вразвалочку. Он сообщил мне, что поступила жалоба на то, что местная учительница стреляла в старейшину общины полигамных мормонов, а также то, что ему не часто поступали подобные жалобы, поэтому он не знает, как ему со мной поступить.

«Понимаете, мэм, была подана официальная жалоба на то, что вы стреляли в одного жителя этого поселения».

«Он находился на моей территории, и его поведение было угрожающим. Я защищала себя и своих детей. Я с удовольствием выступлю в суде и расскажу подробнее об этом происшествии».

Шериф грустно вздохнул. «Мэм, мы в наших краях предпочитаем, чтобы жители сами разбирались со своими проблемами. Если вам сложно найти общий язык с местными жителями, то, вероятно, вам стоит рассмотреть возможность переезда в другое место».

После этого визита я поняла, что моя карьера в качестве учительницы в этом городке закончилась. Я продолжала преподавать, и, не скрывая своего мнения, рассказывала девочкам о том, что считала, что им будет полезно знать, но меня перестали приглашать на обеды, и многие родители забрали своих детей из школы. Весной я получила официальное письмо от школьного инспектора округа Мохаве, в котором он писал о том, что мой контракт преподавателя в Main Street не будет продлен на следующий учебный год.

Я снова оказалась безработной. Меня немного бесило, что меня уволили, хотя я заботилась о том, что важно знать моим ученикам. К счастью, тем летом открылась вакансия преподавателя в небольшом городке Пич Спрингс (Peach Springs), расположенном в 90 километрах от нашего ранчо в индейской резервации Валапай. Преподаватель получал 50 долларов в месяц. Кроме этого в бюджете было заложено 10 долларов в месяц за услуги сторожа и уборщика, 10 долларов за услуги водителя школьного автобуса и еще 10 долларов на повара, который будет готовить школьные обеды. Я сказала, что возьму на себя все перечисленные функции, и это означало, что буду получать в общей сложности восемьдесят долларов в месяц, и смогу откладывать большую часть этой суммы.

Старый школьный автобус пожелал всем долго жить, и в бюджете была заложена сумма на приобретение нового автобуса или, по крайней мере, другого транспортного средства. Я поразмыслила и решила приобрести в Кингмане подержанный суперэлегантный темно-синий катафалк. В этом катафалке было всего четыре сиденья, но сзади была уйма места, на котором могло расположиться несколько детей. Я взяла краску-серебрянку и большими буквами вывела на обоих бортах машины слова «Школьный автобус».

Несмотря на бросающуюся в глаза и весьма недвусмысленную надпись местные жители, включая моего собственного мужа, упорно продолжали величать школьное транспортное средство катафалком.

«Да это совсем не катафалк, — уговаривала я Джима. — Это же школьный автобус».

«Оттого, что ты на свинье напишешь слово „собака“, она собакой не станет», — резонно заявил муж.

Я согласилась с его логическим рассуждением, и через некоторое время сама стала называть «школьный автобус» катафалком.

Дабы проехать до Пич Спрингс и обратно и кроме этого забрать в школу и развезти домой всех детей, мне надо было в день проехать триста километров, поэтому я выезжала с нашего ранчо в четыре часа утра. Я была преподавателем, развозила детей по домам, расположенным в самых населенных пунктах округа, потом снова возвращалась в школу, убиралась и отправлялась назад на наше ранчо. Я договорилась о приготовлении школьной еды с нашими соседями Хаттерами — за 5 долларов. Миссис Хаттер готовила рагу, которое я отвозила в

школу. У меня был очень длинный рабочий день, но мне нравилось работать, и меня стимулировали хорошие деньги, которые я получала.

К тому времени Роз-Мари уже исполнилось семь, а маленькому Джиму было пять лет. Я решила, что дети будут ездить со мной в школу и ходить в мой класс. Роз-Мари ужасно не нравилось то, что ее учителем является ее собственная мать. Особенно ей было не по душе, когда я иногда наказывала ее перед всем классом, чтобы продемонстрировать, что у меня нет любимчиков. Маленькому Джиму тоже от меня доставалось на орехи, хотя, если честно, то страх наказания никогда надолго не останавливал этих сорванцов, если они очень хотели набедокурить.

Чтобы привезти всех детей в школу, мне нужно было две поездки. Я оставляла Роз-Мари и маленького Джима вместе с ребятами из города Ямпи в школе и отправлялась за учениками в город Пика. Однажды утром, когда я приехала с детьми из Пика, то увидела, что маленький Джим лежит на парте без сознания. Дети объяснили мне, что он раскачивался на качелях и пытался попасть в рай, как в свое время сделал мальчик-привидение.

Я оказалась в тяжелой ситуации. Мне нужно было отвезти меленького Джима в больницу. Ближайшая больница находилась в Кингсмане в 52 километрах от школы. При этом я не могла оставить детей без присмотра. Я посадила в машину столько детей, сколько в нее могло войти, некоторым пришлось встать на широкие подножки и держаться за двери с открытыми окнами. На переднем сиденье рядом со мной сидела Роз-Мари и держала на руках маленького Джима. Сначала я поехала в Ямпи, а потом в Пика, чтобы развезти детей по домам. Все дети страшно веселились, кричали и смеялись, потому что никогда еще так не ездили на автомобиле. Развезя всех по домам, я направилась в Кингсман.

Мы неслись по трассе 66, когда неожиданно маленький Джим сел. «Где я?» — спросил он.

Роз-Мари решила, что это очень смешно, и начала громко смеяться. Но мне было не до смеха. Я хотела отвезти маленького Джима в больницу, но тот настаивал на том, что он в полном порядке, и чтобы это доказать, начал отплясывать на сиденье. Я разозлилась. Получается, что я без толку так долго провела за рулем, отменила занятия и мне, возможно, не заплатят за этот день.

«Так, — сказала я, — мы едем за детьми и снова забираем их в школу».

«Но ведь они уже дома, — ответила Роз-Мари. — Они

наверняка уже играют и не захотят ехать в школу».

«Я тебе уже говорила, что в этой жизни далеко не все занимаются тем, чем хотели бы».

Роз-Мари надула губы. Потом она заявила, что чувствует себя неважно, у нее кружится голова, и она хочет домой.

«Так значит, теперь ты у нас заболела?» — спросила ее я.

«Да, мама».

«Хорошо, тогда я тебя отвезу в больницу», — объявила я.

«Я хочу домой».

«Ни слова, — заявила я. — Если ты больна, тебя не уговаривать надо, а показать врачу». Роз-Мари начала громко протестовать, но я не желала ее слушать.

Мы приехали в больницу города Кингсман. Я сказала медсестрам, что, возможно, моя дочь симулирует болезнь, но я хочу, чтобы ее оставили в больнице на ночь. Роз-Мари провела ночь в палате, думая о своем поведении и его последствиях. Я решила, что, если меня лишат зарплаты за этот день, пусть кто-нибудь вынесет из этого полезный урок.

«Ну что, тебе уже лучше?» — спросила я Роз-Мари, когда забирала ее из больницы на следующий день.

«Ага», — ответила она.

Вот так закончилась эта история. После этого Роз-Мари уже никогда не притворялась больной.

Однажды осенним утром в субботу я вышла во двор и посмотрела на припаркованный около сарая катафалк. Машина стояла совершенно без дела, и я подумала о том, что от ее простоя теряю деньги. В отличие от лошади, машине не нужен отдых. Если я придумаю, как использовать автомобиль в выходные дни, то за вычетом бензина, все заработанные деньги будут чистой прибылью. Я решила начать работать таксистом.

Я снова вынула на свет банку серебрянки и под словами «Школьный автобус» аккуратно вывела «и такси». Джим предложил, что для пассажиров можно поставить дополнительные сиденья в задней части автомобиля.

Не буду утверждать, что в те времена в Аризоне было много людей, которые стояли у обочины в ожидании такси. Тем не менее в округе были люди без машин, которым надо было, например, поехать в Кингсман на заседание суда или добраться от железнодорожной станции в городе Флагстафф до какого-нибудь населенного пункта, и они были готовы меня нанять. Мои пассажиры оставляли заявки на поездку у помощника шерифа Джонсона в Селигмане и каждый день или через день я заезжала

к нему, чтобы узнать, будут ли у меня клиенты.

Большую часть заработанных денег я откладывала в чулок, а часть тратила на уроки управления самолетом.

Я хорошо водила машину. Не могу сказать, что мне нравилось водить по городу из-за светофоров и дорожной полиции, но вне города я чувствовала себя за рулем прекрасно. Я знала, как лучше всего срезать путь, проехав по какой-нибудь сельской дороге, и не останавливалась перед тем, чтобы при необходимости съехать с трассы и, распугивая земляных кукушек, проехать по степи через кусты.

Если я застревала в канаве с детьми, то просила всех выйти и толкать, при этом громко читая «Отче наш». «Толкайте и молитесь!» — кричала я детям, вцепившись в баранку и переключая передачи. Песок и мелкие камни летели из-под колес, и машина выползала из ямы, в которой застряла. Если я застревала с пассажирами на борту, я тоже просила их выйти и толкнуть. Я не настаивала на том, чтобы они читали «Отче наш», но моя фраза «Толкайте и молитесь!» оставалась неизменной.

Когда Джим услышал о моей «коронной» фразе, он предложил: «Послушай, напиши это на борту машины в качестве слогана».

Однажды в конце декабря к нашим соседям Хаттонам приехали в гости три женщины из Бруклина. Они были родственницами миссис Хаттон, которая готовила рагу для школьного питания, и они наняли меня, чтобы поехать посмотреть Гранд Каньон. В это путешествие я захватила с собой Роз-Мари и еду для пикника.

Я думала, что эти девушки из Бруклина окажутся «тертыми калачами». Кто знает, они живут в большом городе, значит, должны быть умными, а может быть, даже и социалистками. Однако, к моему разочарованию, они оказались густо накрашенными дамочками, которые только и жаловались на жару, неудобные сиденья автомобиля, а также на то, что во всем штате Аризона не сыщешь хорошего эг крима.[26] Они разговаривали с таким сильным бруклинским акцентом, что мне постоянно приходилось унимать в себе желание их исправить.

Я старалась сделать их путешествие интересным и познавательным и сказала, что город Джером назван так в честь семьи матери Уинстона Черчилля. Однако бруклинские дамочки ничего не слушали и заваливали меня вопросами наподобие: «А как вы здесь живете без электричества?» и «А чем вообще занимаются местные жители?»

Потом они начали разглагольствовать о прелестях встречи Рождества в Нью-Йорке, о красоте елки на Рокфеллер-плаза, о витринах магазина Масу's, огнях, подарках и так далее. Потом одна из них рассказала, как дети выстраиваются в очередь, чтобы поговорить с одетым в красный костюм Санта-Клаусом. «А что тебе в этом году подарит Санта-Клаус?» — поинтересовалась у Роз-Мари одна из дамочек.

«А кто такой Санта-Клаус?» — спросила Роз-Мари.

«Ты не знаешь, кто такой Санта-Клаус?» — удивились дамочки.

«Мы в нашем захолустье этим не интересуемся», — объяснила я.

«Ну, это совсем не дело».

«Так кто ж такой Санта-Клаус?» — повторила свой вопрос Роз-Мари.

«Это святой Николай, — ответила одна из дамочек, — он ангел-хранитель всех универмагов и магазинов».

В районе Пикачо Бутте я обратила внимание на то, что ручник у меня в машине включен. Я спокойно и незаметно сняла машину с ручника и продолжила движение. Начался длинный спуск вниз с плато. Машина начала набирать скорость, я вдавила в пол педаль тормоза, но автомобиль не снизил скорости. Тормоза отказали.

Тогда я стала выезжать с проезжей части на обочину, чтобы песок и камни немного снизили скорость машины. Жительницы Бруклина раскудахтались и разволновались, принялись просить меня сбросить скорость, спрашивать, что происходит, и требовать, чтобы их высадили из автомобиля. «Остановите машину!» — хором кричали они.

«Девушки, возьмите себя в руки, — успокоила их я. — Все в порядке, просто машина не хочет тормозить. Но вы не волнуйтесь, я держу ситуацию под контролем».

Я посмотрела на Роз-Мари, которая с удивлением за мной наблюдала, и подмигнула дочери, показывая этим, что надо получить максимальное удовольствие от сложившейся ситуации. Роз-Мари ухмыльнулась мне в ответ. Я поняла, что, в отличие от разодетых в шелковые чулки клуш на заднем сиденье, она ни капельки не боялась.

Выезды на обочину помогли снизить скорость автомобиля, надо было что-то срочно предпринимать, чтобы остановиться. Мы выехали на дорогу, которая шла по склону горы. Справа от нас был спуск с горы, слева — подъем по склону.

«Ну, кто здесь хочет повеселиться?» — громко закричала я.

«Я!» — откликнулась Роз-Мари. Дамочки из Бруклина

принялись истошно вопить.

«Держитесь крепче!» — скомандовала я.

Я свернула с дороги налево, и мы понеслись по склону вверх. Машина подскакивала на кочках и ухабах. Склон оказался очень крутым. Мы начали терять скорость, машина стала крениться и, перевернувшись, осталась лежать на крыше, как я и планировала.

Нас немного потрясло, но никто серьезно не пострадал, и мы вылезли из кабины через открытые окна. Бруклинские дамы были вне себя. Они ругались, грозились подать на меня в суд, арестовать и отнять права на управление автомобилем. «Ты нас чуть не убила!»

«Ну, ваши шелковые чулки немного сползли, — ответила им я. — Только и делов. Вместо того чтобы ругаться, могли бы быть мне благодарны за то, что мое водительское мастерство спасло нам всем жизнь. Если на лошади ездишь, учись падать, а если на машине — учись попадать в аварии».

Конечно, эти бруклинские дамочки были трусихами, но благодаря им я начала думать о Рождестве. Большей частью первопроходцы и обитатели ранчо не располагали ни временем, ни деньгами для того, чтобы дарить друг другу подарки. Все мы относились к Рождеству, как к сухому закону, то есть очередной блажи жителей восточной части страны, о которой не стоит слишком серьезно задумываться. Несколько лет назад миссионеры хотели удивить индейцев навахо и сделать так, чтобы те познали Господа. Миссионеры забросили парашютиста, одетого в Санта-Клауса, с подарками с самолета. Парашют «Санты» не раскрылся, и он смачно упал прямо под ноги невозмутимых индейцев, убедив их, а вместе с ними и большинство из нас, что чем меньше мы будем суетиться вокруг святого Николая, тем лучше для нас самих.

Однако я начала думать, что мы, возможно, обделяем своих детей. За неделю перед Рождеством я купила в Кингмане электрическую гирлянду, а также конфеты и сладости в магазине в Селигмане.

Утром 25 декабря я попросила Джима незаметно забраться на крышу дома и позвенеть старыми колокольчиками, которые прикрепляли на дилижансах. Пока он ими звенел, я объясняла детям, что святой Николай летает на санях, запряженных летающим оленями, и дарит детям подарки, которые он вместе со своими эльфами целый год делал на Северном полюсе. Сначала на лице Роз-Мари я увидела выражение изумления, которое потом сменилось недоверием. Она качала головой и ухмылялась. «Мам, ты это о чем? — спросила она. — Все знают, что олени не

умеют летать».

«Это, черт подери, волшебные олени, дорогая», — объяснила я. Потом я рассказала, что все, что связано с Санта-Клаусом, — настоящее волшебство. Он — волшебник и поэтому успевает доставить подарки всем детям на земле и положить их в носок. Я достала два носка и передала их маленькому Джиму и Роз-Мари.

Роз-Мари вынула из носка апельсин, лесные орехи, упаковку леденцов LifeSavers. «Это точно не с Северного полюса, — сказала дочь. — Я знаю, откуда это. Из магазина в Селигмане. Я их там видела».

Я подошла к окну и высунулась на улицу. «Джим, слезай! — прокричала я вверх. — Они не верят».

Несмотря на то что мне не удалось убедить детей в существовании Санта-Клауса, им очень понравились елка и электрическая гирлянда. Мы поехали в горы и срубили небольшую елочку, которую дети выбрали сами. Во дворе перед домом Джим вырыл яму, куда мы воткнули ствол елки, после чего утрамбовали вокруг него грязь, чтобы она не падала, и повесили гирлянду. Весь день Роз-Мари и маленький Джим танцевали вокруг елки и кричали солнцу, чтобы оно быстрее садилось.

После наступления темноты мы позвали к елке ковбоев, и Джим подогнал катафалк поближе к дереву. Он открыл капот, подсоединил провода гирлянды к клеммам аккумулятора, и она загорелась красными, желтыми, зелеными, синими и белыми огнями.

«Вот это настоящее чудо!» — закричала Роз-Мари.

Некоторые из ковбоев никогда до этого не видели электрической лампочки, поэтому с благоговением сняли свои шляпы и держали их в руках на уровне сердца.

Вот теперь скажите: разве бруклинские дамочки были правы, когда говорили, что мы не умеем красиво справлять Рождество?

На второй год работы учительницей в Пич Спрингс у меня было 25 учеников. Шестеро из этих учеников, то есть почти четверть всего класса, были детьми помощника шерифа Джонсона, который курил не переставая, носил старую шляпу-федору и длинные усы. В принципе, у меня с шерифом были нормальные отношения. Он закрывал глаза на мелкие нарушения и считал, что все должны понимать, что в этих краях он, как представитель закона, сам решает, что можно, а что нельзя. Однако серьезные проблемы ждали всех тех, кто позволял себе спорить с ним и возражать против его решений. У помощника шерифа Джонсона было 13 детей, которые, зная, что их папа

является одним из немногих полицейских округа, чувствовали себя совершенно безнаказанно и позволяли себе все, что им заблагорассудится. Они прокалывали шины автомобилей, взрывали деревянные сортиры самодельными бомбами и однажды оставили на всю ночь свою няню привязанной к дереву.

Одним из его сыновей был Джонни Джонсон. Этот парень был на несколько лет старше Роз-Мари. У меня с ним всегда были большие проблемы. Возможно, он слышал от своих старших братьев слишком много пошлых историй, но вел он себя по отношению к девочкам очень нагло и развязно. Однажды один из учеников сказал мне, что Джонни поцеловал Роз-Мари взасос. Как сказала сама Роз-Мари, ей этот поцелуй не понравился, но она не придавала этому большого значения. На мои вопросы об этом происшествии Джонни сказал, что все обвинения против него — это наглая ложь и поклеп, а тот, кто их выдвигает, еще об этом пожалеет.

Я понимала, что бесполезно устраивать разбирательство по этому вопросу, но не забыла обиды. Через несколько недель после этого маленький нахал засунул свою пятерню под платье мексиканской девочки по имени Росита и начал ее лапать. Я поняла, что такого поведения в классе я не допущу и должна научить его не давать волю рукам. Я отложила книгу, подошла к нему и дала ему пощечину. Он с удивлением на меня уставился, а потом встал и дал пощечину мне.

Я опешила. На лице Джонни появилась злорадная улыбка. Маленький негодяй, видимо, решил, что такое поведение сойдет ему с рук. Я схватила его и со всей силы бросила об стену. Потом подошла к нему, надавала ему тумаков тыльной стороной руки, потом схватила линейку и отлупила его по заднице.

«Ты у меня научишься вести себя прилично! — кричала я. — Ты у меня еще поплачешь!»

Мне было наплевать на последствия. Джонни Джонсон совершил большую ошибку, и его надо было проучить, чтобы он ее не повторял. И добиться этого я могла только при помощи физической силы наказания. Судя по его развязному поведению, он в будущем мог превратиться в такого же козла, каким был мой первый муж или продюсер, соблазнивший Хелен. Я должна была показать Джонни, что его хамство по отношению к девочкам не останется безнаказанным. Поэтому я отдубасила его, может быть, даже и сильнее, чем следовало. И скажу вам честно, я получила от этого большое удовольствие.

Как я и предполагала, на следующий день в школе появился помощник шерифа Джонсон.

«Я пришел не для того, чтобы что-то с тобой обсуждать, — заявил он. — Я пришел для того, чтобы сказать, чтобы ты не трогала моего мальчика даже пальцем. Поняла?»

«Шерифы могут сколько угодно считать, что они самые главные в округе Явапай. Но в моей классной комнате я главная, и буду наказывать детей за плохое поведение так, как считаю нужным. Понял?»

После возвращения Джима с работы, я рассказала ему об этом происшествии.

«Все развивается очень предсказуемо», — заметил муж.

«Ты это о чем?» — спросила я.

«О твоих срывах, которые периодически возникают».

«Ты бы предпочел, чтобы я себя не защищала и позволяла людям делать все то, что им вздумается?»

У Джонсона не было полномочий меня уволить, особенно в середине учебного года, когда будет сложно найти мне замену. Но через несколько месяцев я получила письмо о том, что мой контракт не будет продлен на следующий год. Я уже перестала считать, сколько раз меня увольняли, и мне все это очень надоело.

Вечером в тот день, когда я получила письмо, я сидела за столом на кухне и думала о своей жизни. Мне снова надо начинать с нуля. Я наступила на грабли, на которые уже не раз наступала. При этом я не совершила никакой ошибки. Я была хорошим преподавателем и делала все то, что надо было сделать. Надо было не только защитить Роситу, но и наказать Джонни Джонсона для того, чтобы он потом не натворил больших бед. Несмотря на все эти аргументы, меня в очередной раз увольняли, и я не была в силах что-либо изменить.

Глубоко задумавшись, я сидела за кухонным столом. В комнату вошла Роз-Мари, посмотрела на меня, и на ее лице я увидела тревожное выражение. Она погладила меня по руке. «Не плачь, мама, — сказала она. — Пожалуйста, перестань. Не надо».

Только после ее слов я поняла, что у меня по лицу текут слезы. Я вспомнила о том, как сама переживала, увидев, как моя собственная мама плачет. Я не хотела, чтобы моя дочь видела меня в таком плачевном состоянии, не хотела, чтобы она поняла, что я ее серьезно подвела. Я страшно разозлилась.

«Я не плачу, — ответила я. — Просто песок в глаза попал. — Я отпихнула руку Роз-Мари. — Я не слабая. Я хочу, чтобы ты это знала — твоя мама не слабая, а сильная женщина».

Я встала и направилась к поленнице дров. Я принялась колоть дрова, изо всех сил разбивая поленья колуном. Куски и

щепки белого дерева летели во все стороны. Роз-Мари не отводила от меня взгляда. Колоть дрова было очень приятно. Почти так же приятно, как отдубасить Джонни Джонсона.

Помощник шерифа Джонсон всем рассказал, что меня увольняют и почему. Теперь, когда я встречалась с людьми в магазине, никто не спрашивал меня, как идут дела в школе. Вокруг меня образовался вакуум, хорошо знакомый всем тем, кого увольняли.

Тем не менее я решила показать всем, что помощник шерифа Джонсон не сломил мой дух и силу воли. Я искала подходящий повод. И вот объявили о том, что в Кингсмане состоится гала-премьера фильма «Унесенные ветром». Я решила, что пойду на премьеру в самом красивом платье во всем округе.

Книга «Унесенные ветром» была моей самой любимой после Библии. Более того, я была убеждена в том, что в «Унесенных ветром» содержится не меньше полезных советов и наставлений, чем в самой Библии. Я прочитала книгу сразу после того, как она вышла, и сейчас решила перечитать ее еще раз. Большую часть книги я прочитала вслух для Роз-Мари. Мне очень нравилась героиня романа Скарлетт О'Хара — человек независимый, упорный и с твердым характером.

Как и многие другие граждане страны, я уже давно ждала выхода экранизации этого романа. Это был самый высокобюджетный фильм тех времен, и к тому же цветной. Газеты и журналы писали о том, как проходят съемки и кто снимается в этой картине. После окончания работы над картиной по всей стране в кинотеатрах прошли премьеры, и одна из них должна была состояться в Кингсмане. Билет на эту премьеру стоил целых пять долларов, что по сравнению с обычным билетом в кино за пять центов, было астрономической суммой.

Предполагалось, что женщины должны прийти на премьеру в бальных платьях, а мужчины в смокингах или, по крайней мере, в своих лучших костюмах. У меня никогда в жизни не было бального платья. Я сказала себе, что пять долларов за билет — серьезные расходы, поэтому я не могу купить себе платье, а буду его шить. Поразмыслив, я приняла решение сшить его из штор в гостиной. Мне кажется, что шторы в спальне необходимы, а вот без штор в гостиной вполне можно пережить. Это были те самые шторы, которые я купила за зеленые марки S&H. Эти шторы висели без дела, собирая пыль и выцветая на ярком солнце Аризоны. К тому же мой любимый цвет — красный, значит, и платье должно быть красным.

Я не планировала сделать платье с узкой талией, в котором

могла бы ходить сама Скарлетт. Я решила, что мое платье будет длиной до пола, простым и ниспадающим, наподобие античной тоги. У соседки миссис Хаттон, которая умела хорошо шить, я заняла швейную машинку. Миссис Хаттон помогала мне с примерками, однако шила платье я сама. Вместо пояса я использовала ленту, которой подвязывают занавески.

У меня не было большого зеркала, в котором я могла бы увидеть себя в полный рост, но когда я в первый раз надела готовое платье, у меня было ощущение, что я создала шедевр.

«Ты выглядишь, как настоящая кинозвезда», — заметила Роз-Мари.

«Ого, вот это платье! — сказал Джим. — В нем ты точно не останешься незамеченной».

Джим отказался идти со мной на премьеру, заявив, что его не интересует кино. Он видел несколько вестернов, но всегда выходил из зала в середине фильма. Он говорил, что жизнь ковбоев в кино изображают совершенно неправильно. Его раздражали сцены, в которых ковбои поют у костерка после тяжелого рабочего дня или длинного перехода, что актеры в загонах для скота практикуют работу с лассо вместо того, чтобы чинить разваливающуюся ограду, а также чистые рубашки, белые шляпы и кожаные жилеты с бахромой на актерах, изображающих ковбоев. А больше всего его раздражало то, что ковбои в кино спрыгивают с крыши прямо в седло на спине лошади.

«Ну, вот это просто полная чушь», — говорил он.

«Конечно, чушь, — говорила я. — Но, представь, кто будет платить деньги, чтобы посмотреть на настоящего, грязного и вонючего ковбоя? Кино смотрят для того, чтобы забыть о реальности».

«Уверен, что гангстеры тоже недовольны тем, как их изображают в кино», — задумчиво произнес Джим.

Джим согласился быть моим шофером и отвезти меня на премьеру «Унесенных ветром». В вечер кинопоказа он привез меня в слегка побитом после инцидента с бруклинскими дамочками катафалке в Кингман. Когда мы подъехали, у входа в кинотеатр стояла толпа людей, наблюдавших, как на премьеру прибывают гости, разодетые в свои лучшие костюмы и наряды. Перед зданием стоял помощник шерифа Джонсон, регулируя движение автомобилей. Джим вышел из машины и открыл мне дверь. Я вышла на красный ковер и приветливо помахала всем собравшимся и помощнику шерифа Джонсону. В этот момент блеснула вспышка фотоаппарата.

VII. Райский сад

Я строго наказала Роз-Мари и маленькому Джиму не заводить друзей среди детей в школе, потому что если бы они это сделали, то их друзья могли бы ожидать от меня особого к ним отношения. Даже если мои дети не заводили друзей среди одноклассников, ученики, которые получают хорошие оценки, могли бы, опять же, ожидать от меня какого-то специального к ним отношения. «Я должна быть, как жена Цезаря, — говорила я своим детям, — выше любых подозрений».

Поблизости от нашего ранчо не было других детей, и наша жизнь была довольно замкнутой. Однако такое положение вещей нисколько не смущало ни Роз-Мари, ни маленького Джима. Я бы сказала, что брат и сестра были лучшими друзьями. В те дни, когда у них не было школьных занятий, после выполнения своих утренних обязанностей по дому они были свободны, как птицы. Им очень нравилось исследовать здания на территории ранчо. Однажды в старом чемодане в гараже они нашли пару старых корсетов из китового уса и пару недель носили их, не снимая. Они любили отправиться на старое индейское кладбище, на котором собирали наконечники стрел. Им нравилось плавать в пруду и купаться в поилках для лошадей, бросать на меткость в мишень перочинные ножи и трудиться в кузнице, нагревая куски металла. Однажды они сделали устройство, которое назвали «экспресс-вагон на колесах». Это было два соединенных осью колеса от телеги, к которым был приварен достающий до земли кусок железа. Дети затаскивали этот агрегат на вершину холма, садились на свисающий позади оси кусок железа и с визгом съезжали вниз.

Но больше всего они любили ездить верхом. Оба ребенка начали кататься на лошадях приблизительно в то время, когда научились ходить, поэтому держались в седле так же естественно и непринужденно, как индейцы. Англичане в благодарность Джиму за его работу на ранчо прислали Роз-Мари и маленькому Джиму небольшого шетлендского пони. Это животное оказалось, пожалуй, самым строптивым и несговорчивым существом на всем нашем ранчо и неизменно стремилось сбросить своего маленького наездника. Однако Роз-Мари нисколько не смущало недружелюбное поведение пони. Пони даже заходил под дерево с низкими ветками, чтобы Роз-Мари ударилась о ветки и упала.

Чаще всего Роз-Мари и маленький Джим катались на Сокс и Блейз — лошадях для состязаний на короткие дистанции. Они очень любили ездить наперегонки с поездом. По территории ранчо проходила железная дорога на Санта-Фе. Каждый день по

этой дороге проходил поезд номер 215. Когда появлялся поезд, дети пускали лошадей галопом рядом с ним вдоль железнодорожных путей. Пассажиры высовывались из окна и махали маленьким всадникам, машинист давал гудок, и через некоторое время поезд обгонял их, чтобы потом исчезнуть за горизонтом.

Дети не обижались на то, что всегда проигрывали эту гонку, и возвращались с прогулки все потные и на взмыленных лошадях.

Жизнь детей на ранчо не обходилась без мелких травм. Они постоянно срывались и падали с деревьев, обдирались и ставили себе синяки, но мы с Джимом никогда не нянчились с ними и не переживали по поводу их слез. «Терпи, ковбой», — говорили мы им. Дети скатывали друг на друга с горы огромные валуны, на спор ели зерно для лошадей, стреляли друг в друга из рогаток и духовых ружей. Лошади наступали им на ноги, а коровы бросались на них, как на тореадоров во время корриды. Однажды маленький Джим купался в пруду, и его засосало в воронку. Его отец работал неподалеку на плотине и бросился в пруд, даже не сняв сапоги. Джим нырял пока не нащупал руку сына, высовывающуюся из грязевой воронки. Он вытащил маленького Джима, положил на берег и начал делать искусственное дыхание, надавливая на грудь сына до тех пор, пока из его рта не потекла вода, и он начал дышать.

Однажды летом, когда Роз-Мари только исполнилось восемь лет, мы ехали по бездорожью в пикапе. Нам надо было отвезти продукты Джиму и нескольким ковбоям, которые проверяли и чинили ограду с северной стороны ранчо. До этого несколько дней шел дождь, земля оказалась гораздо более влажной, чем я рассчитывала, и мы застряли в грязи. Мы попытались вытолкать автомобиль, но он стоял как вкопанный. Мне не улыбалась перспектива пятичасовой прогулки на испепеляющем солнце назад до дома, и я начала думать о том, что можно предпринять. Неподалеку я заметила небольшой табун диких лошадей.

«Роз-Мари, мы сейчас поймаем лошадь», — сказала я дочери.

«Но как? У нас даже нет с собой веревки!»

«Смотри и учись».

В багажнике пикапа нашлись пшеница для корма скота и ведро, в котором лежали ржавые гвозди. Я высыпала гвозди на землю, насыпала в ведро немного пшеницы из мешка, а оставшуюся пшеницу пересыпала в багажник. Потом перочинным ножом разрезала мешок на полоски, связала их и сделала

короткую веревку. У меня получился недоуздок — часть конской упряжи.

Я передала ведро с пшеницей Роз-Мари и мы направились к лошадям. В табуне было всего шесть животных. Это были лошади со взлохмаченными гривами, покусанными крупами и побитыми и щербатыми копытами. Мы приблизились к ним, лошади подняли головы и начали нас рассматривать с единственной мыслью, когда им лучше от нас убежать. Я знала, что большую часть диких лошадей на территории ранчо пытались объездить, и если действовать правильно, то, возможно, хотя бы одна лошадь нас не испугается и не убежит.

Я сказала, чтобы Роз-Мари покрутила ведро, чтобы лошади по звуку поняли, что в ведре у нас находится пшеница. Одно из животных — кобыла с черными носками навострила на звук уши. Ясно было, что нам надо «работать» именно с ней. Я сказала Роз-Мари, чтобы, приближаясь к лошади, она смотрела в землю, иначе животное может подумать, что мы хищники. В свое время этот полезный совет давал мне папа. Мы не подходили прямо к лошадям, а начали их обходить. Роз-Мари постоянно крутила ведро, чтобы было слышно, как пшеница ударяется о его железные стенки. Мы медленно приближались к табуну. Когда мы подошли близко, все лошади, кроме кобылы с черными носками, убежали. Мы повернулись к животному спиной. Я знала, что мы не сможем поймать кобылу, если за ней побежим, поэтому нам надо было приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки.

Кобыла сделала шаг в нашу сторону, а мы сделали шаг от нее. Через несколько минут кобыла подошла к нам, и Роз-Мари дала ей немного поесть из ведра. Я быстро накинула недоуздок на шею лошади. Кобыла посмотрела на меня с удивлением, отпрянула, но поняла, что мы ее уже поймали, поэтому она не стала никуда убегать, а спокойно продолжила есть зерно из ведра.

Я дождалась, пока кобыла съест все зерно. Роз-Мари подставила сцепленные руки, чтобы у меня был упор для ноги, и я запрыгнула на спину лошади. Потом я помогла Роз-Мари сесть позади меня.

«Мам, я просто не верю, что нам удалось поймать лошадь без лассо!» — сказала Роз-Мари.

«Лошадь, попробовавшая зерна, никогда не забудет его вкуса».

Роз-Мари была в восторге от того, что дикое животное само к ней подошло. После того, как мы вернулись на ранчо, я сказала, чтобы Роз-Мари отпустила лошадь на свободу. Роз-Мари открыла ворота загона, но лошадь не двинулась с места, а продолжала

стоять, глядя на мою дочь.

«Я хочу ее оставить», — заявила Роз-Мари.

«Я думала, что ты сторонница того, чтобы животные жили на свободе».

«Я сторонница того, чтобы животные делали так, как им нравится, — ответила Роз-Мари. — И я вижу, что эта лошадь хочет остаться со мной».

«Послушай, нам здесь не хватает еще одной необъезженной лошади, — ответила ей я. — Шлепни ее по заднице, и пусть себе бежит. Пусть живет на свободе».

Детям нравилась жизнь на ранчо, но я понимала, что им нужно получить образование и общаться со сверстниками. Мы должны были отправить их в интернат. Пока дети будут учиться, я получу свой чертов диплом учителя, найду постоянную работу, стану членом профсоюза преподавателей, чтобы всякие идиоты наподобие дяди Элая и помощника шерифа Джонсона не могли меня уволить только потому, что им не нравится мой стиль преподавания.

Школьный катафалк выглядел довольно побито после того, как я перевернула машину с бруклинскими дамочками на борту. Кроме того, маленький Джим попортил обивку кресел, поджигая их прикуривателем из автомобиля, поэтому мы за копейки выкупили машину у округа. Я собрала вещи и развезла детей по интернатам. Маленький Джим, которому исполнилось восемь, пошел в школу для мальчиков в городе Флагстафф, а Роз-Мари, которой исполнилось девять лет, пошла в католическую школу для девочек в Прескотте. Сидя в машине, я наблюдала, как монахиня, держа мою дочь за руку, уводила ее в общежитие. На пороге здания Роз-Мари обернулась, и я увидела, что ее щеки были мокрыми от слез. «Будь сильной!» — крикнула я ей. Мне в свое время очень понравилось учиться в школе сестер Лоретто, поэтому я была уверена в том, что и Роз-Мари переживет свою тоску по дому, и все у нее будет в порядке. «Некоторые дети готовы на что угодно за такую возможность получить образование! — прокричала я дочери напоследок. — Считай, что тебе повезло!»

После этого я направилась в Финикс, нашла дешевый пансион и записалась на курсы. Я решила нагрузить себя учебой по максимуму. Я рассчитала, что если буду учиться по восемнадцать часов в день, то смогу получить диплом учителя за два года. Было приятно учиться в университете, и я чувствовала себя совершенно счастливой. Несмотря на то что некоторые сокурсники были очень удивлены количеством курсов и объемом

работы, который я на себя взвалила, я чувствовала себя словно в отпуске. Я была свободна от забот, которые несет жизнь на ранчо, мне не надо было лечить больной скот, отвозить детей в школу, мыть в школе пол и общаться с недовольными родителями. Вместо всего этого я узнавала новое об окружающем меня мире и расширяла свои горизонты. У меня не было никаких обязательств, кроме обязательств перед собой, и я полностью контролировала свою жизнь.

Однако Роз-Мари и маленький Джим не разделяли мое страстное стремление к знаниям. Более того, дети просто не хотели грызть твердый камень науки. Маленький Джим постоянно убегал из интерната, перелезал через ограду, отвинчивал прикрученные болтами решетки на окнах и связывал простыни, чтобы спуститься вниз с верхних этажей. Он оказался настолько изобретательным, что управлявшие интернатом иезуиты дали ему прозвище «Маленький Гудини».

Впрочем, иезуитам было не впервой общаться и учить своевольных детей, которые выросли на ранчо, и они хорошо справлялись со стоящими перед ними задачами. С Роз-Мари была немного другая история. Ее учителя решили, что она нонконформист, социопат и вообще человек, мало приспособленный для жизни в обществе. Большинство девушек в интернате были хрупкими и нежными созданиями. В отличие от них Роз-Мари играла в «ножички», пи́сала во дворе, ловила скорпионов и держала их в стеклянной банке под своей кроватью. Она любила съезжать по перилам главной лестницы и однажды съехала прямо в матушку настоятельницу. Она вела себя так, словно жила на ранчо, и не понимала, что все то, что может быть приемлемым на природе, может показаться по меньшей мере эксцентричным в городе. Монахини решили, что Роз-Мари — просто совершенно невоспитанный ребенок.

Роз-Мари писала нам из интерната короткие письма. Ей нравились уроки танцев и игры на пианино, вышивание и этикет ее безмерно утомляли. Ей не нравилось то, что монахини все время считают, что она ведет себя неправильно. По мнению ее учителей, Роз-Мари пела слишком громко, танцевала с излишним энтузиазмом и рисовала странные картинки на полях тетрадей и учебников.

Монахини жаловались на то, что иногда Роз-Мари позволяла себе очень смелые комментарии, хотя на самом деле она зачастую повторяла то, что услышала от меня. Однажды, когда она поинтересовалась тем, что я думаю по поводу мальчика, который упал с качелей и разбился до смерти, я сказала, что, вполне

вероятно, такая смерть была для него лучшим выходом из ситуации, потому что он мог вырасти и стать серийным убийцей. Когда Роз-Мари повторила мое мнение однокласснице, у которой умер братик, монахини оставили мою дочь без ужина. Одноклассницы ее не очень любили и называли «деревенщиной», «деревней» и другими обидными словами. Однажды, когда Джим подарил интернату двадцать килограммов вяленого мяса, школьницы отказались его есть, заявив, что не хотят питаться «ковбойским мясом», и монахиням пришлось его выбросить.

Но Роз-Мари могла за себя постоять. В одном письме она написала, что как-то, когда она мыла посуду, одна из одноклассниц принялась над ней смеяться и говорить, что ее отец «думает, что он Джон Уэйн».

«По сравнению с моим отцом твой Джон Уэйн — просто ребенок», — ответила Роз-Мари и окунула голову девушки в раковину с грязной водой.

«Ну и молодец», — решила я, прочитав то письмо. Видимо, она все-таки от матери кое-что унаследовала.

Роз-Мари писала, что очень скучает по ранчо. Она скучала по лошадям, по пруду и широким просторам, скучала по брату, звездам на черном небе, свежему ветру и вою койотов по ночам. В декабре того года японцы бомбили Пёрл-Харбор, и все в интернате жили в страхе. Брат одной из девочек служил на линкоре «Аризона».[27] Когда эта девочка узнала, что линкор потоплен, она упала без чувств. Монахини занавешивали по ночам окна одеялами, потому что в начале войны все думали, что японские бомбардировщики и истребители Mitsubishi A6M Zero в любой момент могут появиться в небе Аризоны. Роз-Мари писала, что ей так страшно, что трудно дышать.

«Будь сильной» — вот единственный совет, который я давала ей во всех своих письмах. «Будь сильной».

Я исправляла в ее письмах грамматические ошибки и отправляла их дочери. Я считала своим долгом помочь ей научиться писать правильно.

К концу первого года обучения я получила письмо от матушки настоятельницы, в котором та писала, что считает, что Роз-Мари нет смысла продолжать свое образование в интернате. Поведение Роз-Мари оставляло желать лучшего, а оценки у нее были из рук вон плохие. В то лето я тестировала знания Роз-Мари, и результаты теста показали, что, за исключением математики, дочь оказалась весьма одаренным ребенком. Более того, по результатам моего теста Роз-Мари попадала в разряд 5 % лучших учеников. Моя дочь должна была немного

сконцентрироваться и лучше себя вести, вот и все. Я написала матушке настоятельнице письмо с просьбой пересмотреть свое решение об отчислении Роз-Мари. Настоятельница согласилась. Однако оценки и поведение Роз-Мари во время второго года обучения не стали лучше, поэтому настоятельница все-таки отчислила мою дочь после второго года в интернате. В общем, со школой у Роз-Мари не сложилось.

Успехи в учебе маленького Джима тоже оставляли желать лучшего. К тому времени я получила свой диплом об окончании колледжа, забрала детей из интернатов и привезла домой. Они были так рады вернуться, что принялись обнимать всех подряд: ковбоев, лошадей и деревья. Потом они запрыгнули на лошадей и с диким гиканьем ускакали в степь.

После получения диплома колледжа моя кандидатура на рынке труда стала наконец-то востребованной. Я получила работу в школе небольшого городка Биг Сэнди (Big Sandy) и записала детей в школу, в которой должна была преподавать. Школа в Биг Сэнди состояла из одной комнаты плюс домик для учителя. Роз-Мари была довольна тем, что ей не надо отправляться в интернат. «Когда я вырасту, — заявила она, — то буду жить на ранчо и стану художницей. Вот, что я хочу делать в жизни».

К тому времени война шла уже не только в Европе, и на Тихом океане, хотя на нашей жизни это мало отразилось за исключением того, что были введены карточки на бензин. Солнце все так же вставало над плато Колорадо, над Могольонским моренным валом, скот все так же спокойно пасся на огромной территории ранчо. В Америке тогда было принято наклеивать золотые звезды на окна домов, из которых кто-то ушел и погиб на фронте. Я, конечно, молилась за души тех, кто погиб в бою, но, если совсем честно, меня больше интересовали дожди, чем война с нацистами и японцами.

Я высадила свой собственный «огород победы»,[28] но этот жест оказался скорее патриотическим, чем практическим. У меня не было опыта возделывания земли, и я не поливала огород, потому что была занята преподаванием и ведением хозяйства ранчо. К концу июня мои помидоры и дыни засохли.

«Не переживай по этому поводу, дорогая, — успокоил меня Джим, — мы же все-таки не фермеры, а занимаемся разведением скота».

Моя мать умерла, когда я училась в Финиксе. Она умерла от отравления крови из-за своих слабых зубов. Ее смерть пришла быстро и неожиданно, поэтому я не успела доехать до ранчо

Кейси на похороны.

В первое лето работы в Биг Сэнди я получила телеграмму от папы. После смерти матери Бастер и Дороти отдали отца в дом престарелых в Тусоне. За отцом надо было ухаживать, но у них не было на это времени. Папа писал, что он скоро покинет этот мир и хотел бы умереть в окружении членов семьи. «Ты всегда мне помогала, — писал он. — Приезжай и забери меня отсюда».

Путешествие до Тусона было неблизким. Как я уже писала, в те годы были введены карточки на бензин, и моих карточек не хватало для того, чтобы добраться до этого города. Но, несмотря ни на что, я не собиралась оставлять отца умирать в одиночестве.

«Ну и как ты собираешься решить проблему с бензином?» — спросил меня Джим.

«Буду просить, занимать или воровать», — ответила я.

У знакомых в Кингмане я поменяла несколько купонов на вяленое мясо, но это не изменило ситуацию. С собой в дорогу я взяла длинный шланг, канистру и Роз-Мари. Я была уверена, что все вышеперечисленные предметы и дочь мне в дороге очень пригодятся.

Дело было в середине лета, и испепеляющее солнце Аризоны раскалило крышу автомобиля настолько, что дотронуться до нее было невозможно. Мы двигались на юг, и дорога впереди «плыла» от поднимающегося вверх горячего воздуха. Роз-Мари была непривычно молчаливой.

«В чем дело?»

«Жалко дедушку».

«Когда у тебя плохое настроение, надо вести себя так, будто настроение прекрасное». И я начала петь.

Плохое настроение Роз-Мари скоро исчезло, и мы затянули наши любимые песни «Глубоко в сердце Техаса» (Deep in the heart of Texas), «Дрейфующие пески Техаса» (Drifting Texas sands), «Роза Сан-Антонио» (San Antonio rose) и «Прекрасный Техас» (Beautiful, beautiful Texas).

По пути мы подбирали голосующих на дороге солдат и просили их петь вместе с нами. Увы, ни у одного из них не было карточек на бензин, и на подъезде к городу Темпе наш бензобак был практически пуст. Я заехала на остановку для дальнобойщиков и запарковала машину. Потом, держа в одной руке канистру, а в другой руку дочери, вошла в дайнер.

В заведении за стойкой сидели главным образом мужчины в ковбойских шляпах с потеками пота. Они пили кофе и курили сигареты. Несколько человек измеряли нас взглядом.

Я сделала глубокий вдох. «Можно минуту внимания,

пожалуйста! — громко сказала я. — Мы с дочерью едем в Тусон, чтобы забрать моего умирающего папу. У нас кончился бензин, и я буду очень признательна, если вы сможете отлить мне галлон или полгаллона, чтобы мы могли продолжить наше путешествие».

Никто не сказал ни слова. Многие переглянулись, чтобы понять, как окружающие реагируют на мою просьбу. Потом один из водителей утвердительно кивнул, за ним еще пара, и потом всех словно прорвало. Все были готовы помочь.

«Конечно, мэм», — сказал один.

«С удовольствием помогу даме», — заметил другой водитель.

«Если снова бензин кончится, я готов вас толкать».

Водители, посмеиваясь и обмениваясь шутками, стали подниматься со своих мест. Все были рады сделать доброе дело. На парковке каждый водитель отлил мне приблизительно по галлону бензина. В качестве благодарности я поцеловала и обняла каждого водителя. Потом мы сели в машину и я увидела, что у нас почти две трети бака бензина. Выруливая с парковки, я посмотрела на Роз-Мари и сказала: «Вот какие мы молодцы!» Я улыбнулась словно кошка, которая напилась сливок: «Кто говорил, что я не умею себя вести, как настоящая леди?»

По пути нам еще один раз пришлось остановиться для того, чтобы попросить бензина. С одним шутником у меня возникли небольшие проблемы. Я попросила отлить себе бензина, но человек ответил, что выполнит мою просьбу, если я отсосу его шланг. Я ничего не ответила и поехала до следующей остановки дальнобойщиков в надежде на то, что большая часть мужчин, к которым я обращусь за помощью, окажется джентльменами, и, в конечном счете, так оно и было.

Мы прибыли в Тусон на следующий день. Дом престарелых, в котором жил отец, оказался обычным пансионом-развалюхой. Его держала женщина. Комнаты в пансионе пустовали. «Так и ни слова не поняла из того, что твой отец говорил мне со дня его приезда», — призналась мне владелица «дома престарелых» и отвела нас в комнату отца.

Папа лежал на кровати, накрытый простыней до подбородка. Мы несколько раз навещали его с матерью в Нью-Мексико, но последний раз я видела его несколько лет назад. Папа плохо выглядел, он был очень худым, кожа желтой, а глаза глубоко запали. Казалось, что он не говорил, а скрипел, но я все равно понимала каждое его слово.

«Я приехала, чтобы забрать тебя домой», — сказала я.

«Ничего не получится. Я слишком болен, чтобы двигаться», — ответил он.

Я присела на кровать рядом с ним. Роз-Мари села рядом со мной и взяла дедушку за руку. Я с радостью заметила, что ее нисколько не испугало его плохое состояние. По дороге сюда ей было жалко дедушку, но сейчас ее поведение было безупречным. Несмотря на то что говорили о Роз-Мари монахини, у нее было большое сердце, пытливый ум и твердый характер.

«Видимо, мне придется умереть здесь, — сказал папа, — но я не хочу, чтобы меня здесь хоронили. Обещай, что отвезешь мое тело на ранчо Кейси».

«Обещаю».

Папа улыбнулся: «Я знал, что могу на тебя рассчитывать».

Он умер той же ночью. Казалось, что он хотел продержаться до моего приезда, и когда узнал, что будет похоронен на ранчо, успокоился и спокойно ушел.

На следующее утро постояльцы пансиона помогли мне отнести тело отца в машину. Я открыла все окна автомобиля, и мы тронулись. Нам был нужен свежий воздух. В центре города мы остановились у красного светофора, и пара стоящих на углу детей закричала: «Смотрите, в той машине лежит мертвец!»

Было бессмысленно на них злиться, потому что они были совершенно правы, поэтому, когда загорелся зеленый свет, я нажала на педаль газа. Роз-Мари вжалась в сиденье, чтобы ее не было видно. «Жизнь слишком коротка, чтобы переживать по поводу того, что о тебе думают другие люди, дорогая», — сказала ей я.

Мы выехали из Тусона и понеслись по пустыне на восток, прямо к поднимающемуся над горизонтом солнцу. Я ехала так быстро, как могла, потому, что хотела добраться до ранчо до того, как тело начнет разлагаться. Я подумала, что, если меня остановят за превышение скорости, в задней части машины у меня есть аргумент, который должен убедить любого полицейского в том, что у меня есть все основания поторопиться.

Нам пару раз пришлось остановиться, чтобы попросить бензина. На этот раз я просила отлить мне горючего со следующей мотивировкой: «Джентльмены, у меня в машине тело моего мертвого отца. Я тороплюсь домой, чтобы его похоронить до того, как тело начнет разлагаться».

Мое выступление производило такое сильное впечатление, что один из водителей чуть не поперхнулся своим кофе. Большинство людей с пониманием отнеслись к моей ситуации и были рады помочь. Мы успели добраться до ранчо до того, как трупный запах стал слишком сильным.

Мы похоронили папу на небольшом кладбище с каменной оградой, на котором покоились все, кто умер на ранчо. По его

просьбе, в гроб положили его стодолларовую шляпу «стетсон», к которой были прикреплены погремушки двух гремучих змей, которых он убил. Папа настаивал на том, чтобы на камне имя было написано фонетически, но мы решили этого не делать из опасений того, что люди подумают, что мы не умеем правильно писать.

Папина смерть не выбила меня из колеи, как произошло после самоубийства Хелен. Когда папа был ребенком, его лягнула лошадь, поэтому уже тогда многие считали, что он не жилец на этом свете. Но папа выжил, и, несмотря на дефект речи и прихрамывающую походку, прожил долгую жизнь и сделал, в конечном счете, все, что хотел. Судьба сдала ему не самые лучшие карты, но он чертовски хорошо их разыграл, поэтому у нас, его ближайших родственников, не было особых причин убиваться от горя.

Папа завещал ранчо Кейси моему брату Бастеру, а участок земли в Солт Дро мне. Просматривая документы и свидетельства о собственности, я обнаружила, что за участок земли в Техасе папа был должен несколько тысяч долларов неуплаченных налогов. Мы с Роз-Мари собрались назад в Селигман, и я думала о том, как мне поступить. Стоит ли продать Солт Дро, чтобы заплатить налоги? Или, может, заплатить налоги из денег, которые мы экономили для приобретения ранчо Hackberry?

По пути нам пришлось останавливаться для того, чтобы просить у людей бензин, и пару раз я настояла на том, чтобы это делала Роз-Мари. Сначала она так сильно стеснялась, что не могла выдавить из себя и слова, поэтому я решила, что ребенок должен научиться искусству убеждения. Через некоторое время Роз-Мари поборола страх, преодолела сомнения и смело бросалась в бой, получая удовольствие от того, что ей, 12-летней девочке, удается убедить взрослых людей сделать то, что ей нужно.

За все труды Роз-Мари я решила сделать ей подарок и проехать через город Альбукерке, чтобы посмотреть статую Мадонны Пионеров-первопроходцев, которую недавно открыли. Если честно, мне самой давно хотелось увидеть эту статую. Статуя Мадонны стояла в небольшом парке и была около семи метров в высоту. Мадонна была изображена в виде женщины в чепчике и больших башмаках. В одной руке она держала маленького ребенка, а в другой руке карабин. На земле стоял еще один ребенок и держался за ее юбку. Мне всегда казалось, что я — весьма здравомыслящий человек, не подверженный наплывам чувств, поэтому большинство статуй и картин оставляли меня

совершенно равнодушной, но при виде Мадонны Пионеров-первопроходцев слезы наворачивались на глаза.

«Ребенок просто безобразный, — заметила Роз-Мари. — А вид у женщины пугающий».

«Ты что?! — сказала я. — Перестань, это же искусство».

После возвращения на ранчо мы с Джимом обсудили вопрос, что нам делать с землей в Техасе. У Джима не было уверенности в том, что нам стоит предпринять, но после посещения статуи Мадонны Пионеров-первопроходцев я точно поняла, что хочу оставить землю отца.

Я считала такой ход вложением денег. Со временем, если ты, конечно, не делаешь глупостей и относишься к земле с уважением, ее цена растет. Несмотря на то что те места в Техасе были засушливыми, по всему штату бурили нефтяные скважины. В папиных бумагах я нашла его переписку с компанией Standard Oil. Кто знает, может быть, под этой землей находится большое месторождение черного золота?

Кроме того, у меня были и другие причины оставить эту землю в семье. Возможно, это был зов ирландской крови. Мои предки жили в графстве Корк, в котором вся земля принадлежала английской знати, которая на этой земле не жила, но забирала себе практически все, что было на ней выращено. Для моих предков земля была самым важным, что может быть в этой жизни. В первый раз за всю свою жизнь у меня появилось возможность владеть землей. Я считаю, что нет чувства приятнее, чем твердо стоять на своей собственной земле. Никто не может тебя с нее прогнать, никто не может ее забрать, и никто не вправе говорить тебе, что с этой землей делать. Вся эта земля, каждый камень, каждая травинка, каждое дерево, каждая капля воды и все, что залегает под землей до самого центра планеты, принадлежит тебе. Когда весь этот мир покатится к чертям, что, судя по всему, и должно произойти, ты можешь поселиться на этой земле и жить на то, что на ней растет. Эта земля будет всегда твоей и только твоей.

«Там природные условия не очень хорошие», — настаивал Джим. Он говорил о том, что на 160 акрах земли много скота не вырастишь, а если мы заплатим за участок в Техасе, у нас может не остаться денег для приобретения ранчо Hackberry.

«Послушай, никто не знает, сможем ли мы вообще когда-либо приобрести Hackberry, — ответила я. — А эта земля у нас уже есть. Я — игрок, но игрок умный. А умный игрок всегда ставит только на то, в чем совершенно уверен».

Мы заплатили все налоги и стали законными владельцами земли в Техасе. Мне кажется, что Мадонна Пионеров-

первопроходцев одобрила бы мои действия.

Обычно мы гнали скот на продажу весной и осенью, но в том году с перегоном скота пришлось подождать до Рождества потому, что из-за войны железные дороги занимались только перевозкой войск и военного оборудования, и использование железных дорог для гражданских нужд откладывали. Эта задержка означала, что Роз-Мари, маленький Джим и я освободились от школы и могли помочь с перегоном скота. К тому времени из-за войны ощущался сильный недостаток в ковбоях. Обычно на перегон скота мы нанимали 30 человек, но в тот год у нас было всего 15.

Роз-Мари и маленький Джим участвовали в перегоне скота с самого раннего детства. Сразу после того, как дети начинали ходить, они садились в седло позади меня или Джима, а потом, когда подросли, у них были свои пони. Однако Джим не хотел, чтобы дети работали в самой гуще скота, где нервный скот может выбросить из седла даже самых опытных ковбоев, а потом и сильно потоптать. Поэтому муж сказал, чтобы Роз-Мари и маленький Джим не находились в гуще стада, а загоняли к нему потерявшихся, отбившихся и прячущихся животных. Позади всех ехала я в пикапе, где были еда и одеяла.

В тот год в декабре было холодно, и пар поднимался от крупов бегущих животных. Роз-Мари ехала на старом Баке — коричневом першероне, который был настолько умным, что дочь могла бросить поводья, и лошадь сама находила отбившихся от стада животных, кусала их и подгоняла к стаду.

Роз-Мари любила загон скота за исключением одной немаловажной детали. Дело в том, что она была на стороне животных. Она думала, что животные добрые и мудрые и что они чувствовали сердцем, что их гонят на верную смерть. Именно поэтому во время загона скота кажется, что животные так жалобно мычат и ревут. Я подозревала, что Роз-Мари иногда помогала какого-нибудь животному улизнуть. Однажды Джим, заметив, что один молодой бычок отбился от стада и прячется в лощине, послал Роз-Мари за ним. Та поехала, потом мы услышали жалобное ржание Бака, после чего Роз-Мари вернулась и с невинным лицом заявила, что не смогла найти бычка.

«Он исчез, словно сквозь землю провалился, — объяснила она и пожала в недоумении плечами. — Странная история».

Джим ничего не сказал, но послал молодого индейца хавасупай по имени Фидель Ханна, который работал у нас ковбоем, на поиски. Очень быстро ковбой вернулся, гоня перед собой бычка.

Джим укоризненно посмотрел на Роз-Мари. «Ты его плохо искала».

«Босс, она не виновата, — сказал Ханна. — Он действительно прятался в лощине».

Мне показалось, что Джим ему не поверил. Фидель Ханна посмотрел на Роз-Мари, и я заметила, что он подмигнул ей.

В тот год Роз-Мари исполнилось 13 лет. Она уже была женщиной, и некоторые в моем поколении в таком возрасте уже выходили замуж. Роз-Мари влюбилась в Фиделя Ханна, которому было 16 или 17 лет. Он был высоким, красивым парнем с угловатым лицом, замкнутым, но при этом очень милым. Его движения были медленными, на голове он носил черную шляпу с яркой серебряной пряжкой и сидел на лошади как влитой.

Роз-Мари выросла очень красивой девушкой. У нее были светлые волосы, широкий рот и зеленые глаза. Впрочем, она совсем не замечала своей красоты и вела себя как мальчик. Она еще не влюблялась и поэтому стала вести себя довольно странно. Я замечала, что она постоянно на него смотрела. Днем она вызывала его на состязания по индейской борьбе, а ночью рисовала рисунки, изображавшие Фиделя на лошади, и засовывала их ему под седло.

Чувства Роз-Мари по отношению к Фиделю не остались незамеченными другими ковбоями, которые начали над ним подтрунивать и шутить. Я решила, что должна внимательно следить за развитием ситуации.

«Поосторожнее с ковбоями», — сказала я Роз-Мари.

«Ты это о чем?» — спросила меня дочь и посмотрела на меня с тем же невинным выражением лица, которое я заметила, когда она говорила Джиму о пропаже бычка.

«Ты сама прекрасно знаешь, о чем я».

Из-за войны спрос на говядину упал, и поэтому мы за один раз продавали две тысячи голов скота, а не пять, как обычно. Собрав стадо, мы погнали его на восток на станцию Уильямс, на которой загружали животных в вагоны. Приехав на станцию, я оседлала одну из наших лошадей для состязаний на коротких дистанциях по кличке Даймонд, чтобы помочь загонять скот в вагоны. В конце погрузки два бычка убежали с ведущего внутрь вагона помоста и двинулись к открытым воротам загона.

«Вперед, ребята, вперед!» — закричала Роз-Мари.

Я укоризненно на нее посмотрела. Роз-Мари быстро прикрыла рот рукой, и я поняла, что эти слова вырвались у нее неожиданно. Она, наверное, и сама не поняла, как получилось, что она произнесла их вслух.

Мы с Ханной догнали бычков и снова загнали их на деревянный помост, после чего они оказались в вагоне вместе со всем стадом. Я подъехала к Роз-Мари, сидящей на Баке.

«Ты мне говорила о том, что, когда вырастешь, хочешь жить на ранчо?» — спросила я ее.

Роз-Мари кивнула.

«Так скажи мне, чем же, черт возьми, занимаются те, кто живет на ранчо?»

«Выращивают скот».

«Выращивают скот для продажи на рынке, а это значит, что отправляют его на скотобойню. Если такая постановка вопроса тебя не устраивает и ты радуешься тому, что скот спокойно убегает, тебе стоит забыть о жизни на ранчо».

Мы вернулись на ранчо, расседлывали лошадей, чистили сбрую. К нам с Джимом подошла Роз-Мари сказала: «Я хочу научиться свежевать бычка».

«Это еще зачем?» — спросила я.

«Это самая худшая работа на ранчо, — сказал Джим, — хуже, чем кастрировать».

«Если я собираюсь жить на ранчо, значит, должна этому научиться», — ответила Роз-Мари.

«С этим не поспоришь», — заметил Джим.

В периоды загона скота, когда у нас работало много ковбоев, мы забивали бычка, по крайней мере, раз в неделю. Через несколько дней Джим выбрал из стада здорового трехлетнего бычка герефордской породы.[29] Он завел его в сарай-скотобойню, быстро перерезал ему горло, отпилил голову, вынул кишки и с помощью двух ковбоев подвесил тушу на крюк, прикрепленный к балке на потолке.

Туша отвиселась день, и на следующее утро мы пришли ее разделывать. На точильном камне с ножным приводом Джим наточил нож до остроты бритвы: он держал нож над вращающимся камнем, и от стали летели искры.

Роз-Мари внимательно наблюдала за его действиями. Ее лицо было бледным. Я знала, что она считает, что животные — нежные и миролюбивые существа, которые никому не причиняют вреда, а сейчас стоит перед тушей забитого ее отцом бычка, которого ей предстоит освежевать и разрезать на части. Когда я была маленькой, я участвовала в забое скота и помогала его кастрировать. Тогда это было частью моей жизни. Сейчас эти обязанности выполняли ковбои, которые на нас работали. Роз-Мари никогда не принимала участия в подобных кровавых мероприятиях.

Роз-Мари крепилась и старалась быть мужественной. Джим помог ей надеть и завязать сзади кожаный фартук мясника. Роз-Мари начала что-то вполголоса напевать. Джим дал ей нож и показал место, где надо сделать первый разрез в шкуре — у основания задней ноги. Роз-Мари сделала надрез и начала тихо плакать. Джим продолжал помогать ей и ровным и спокойным голосом подсказывать, что надо делать. Джим предостерег ее о том, чтобы она не резала лишнее мясо.

Через пару минут руки и лицо Роз-Мари были заляпаны кровью. Она утирала слезы, но не сдавалась и продолжала. На все мероприятие у нее ушел почти день, но она сняла шкуру животного и разделала мясо на куски.

Когда они закончили, я разбросала по полу опилки, а Джим помыл инструменты. Роз-Мари повесила фартук на крючок, вымыла руки и лицо водой из ведра, и вышла из сарая, не сказав ни слова. Мы с Джимом переглянулись и тоже ничего друг другу не сказали. Мы знали, что она доказала то, что может это сделать, но и при этом показала, что на самом деле она совершенно к этому не предрасположена и не получает от этого никакого удовольствия, поэтому никто из нас больше об этом случае не упоминал и не говорил.

Я даже подумала, что Роз-Мари потеряет аппетит к мясу, но эта девочка умела выталкивать все неприятные мысли из головы, и в тот вечер жадно впилась зубами в кусок стейка.

Следующим летом я получила письмо от Кларис Перл — чиновника из департамента образования Аризоны. Она хотела исследовать условия жизни детей племени хавасупай, которые жили в отдаленном уголке Гранд Каньона. Вместе с Перл должна была приехать медсестра из отдела отношений с индейцами, для того чтобы определить гигиену и состояние санитарных условий жизни детей. Перл просила меня отвезти их на машине до Каньона и организовать лошадей и гида, чтобы добраться до деревни индейцев.

Фидель Ханна, в которого влюбилась Роз-Мари, жил в этой индейской резервации в те периоды, когда не работал у нас, и я попросила его помочь. Я сказала, что к ним едет школьный инспектор и медсестра. Он рассмеялся и покачал головой.

«Едут, чтобы провести инспекцию варваров, — сказал он. — Мой отец рассказывал историю о том, как на протяжении столетий, мужчины хавасу вставали утром, весь день проводили на охоте или рыбачили, возвращались домой, играли с детьми и ночью ложились со своими женщинами. Всем казалось, что жизнь прекрасна. Но потом пришел белый человек и сказал: „А у меня

есть следующее предложение“.

Закончилось все тем, что мой отец начал горевать о том, что все это уже в прошлом. Я видел, как такое отношение человека убивает».

Я села на катафалк, взяла с собой Роз-Мари и поехала в Уильямс, чтобы на станции забрать мисс Перл и медсестру Марион Финч. Обе оказались плотными, низкого роста, с огромными ртами и короткими волосами в мелких кудряшках. Я сразу узнала, к какому типу людей они принадлежат. К тем добродетельным людям, которым ничем не угодишь и которые всем недовольны. У них всегда были самые высокие стандарты, и оказывалось, что твои собственные представления перед ними — просто ничто.

Мы ехали на север, и я старалась развлечь гостей рассказом об индейцах. Я сказала, что «пай» на их языке означает «люди». «Хавасупай» означает «люди сине-зеленой воды», «явапай» — «люди Солнца», а «валапай» — «люди высоких сосен». Хавасупай жили в узкой долине на берегах реки Колорадо. Они считали воду святой и бросали в нее своих детей, когда тем исполнялось полтора года.

«До того, как дети познают страх», — объяснила я.

«Вот именно эти обычаи мы считаем очень опасными», — заявила мисс Финч.

Я посмотрела на Роз-Мари и закатила глаза. Она захихикала и закрыла рот рукой.

Через два часа мы добрались до богом забытого и заросшего полынью местечка Хилтоп на склоне каньона. Оттуда вниз шла тропинка до деревни индейцев. Фиделя Ханны не было. Мы вышли из машины, стояли и слушали, как воет ветер. Дамы были очень раздражены непредсказуемостью и необязательностью язычников, которым они приехали помочь. Вдруг появилось несколько молодых индейцев на лошадях. Они были голыми, а их лица были раскрашены. Они окружили нас, начали улюлюкать и угрожающе размахивать копьями. Мисс Перл побледнела, а мисс Финч закричала и закрыла лицо руками.

Главарем всадников оказался Фидель Ханна.

«Фидель, что здесь происходит?» — закричала я.

Фидель подъехал к нам с Роз-Мари и сказал: «Не волнуйся! — Потом он улыбнулся и добавил: — Мы не будем снимать скальпы с белых женщин. У них волосы слишком короткие».

Индейцы начали громко смеяться. Им удалось до смерти испугать дам, и от смеха они чуть не свалились со своих лошадей.

Мы с Роз-Мари тоже начали посмеиваться, а наши гостьи были в полном негодовании.

«Всех вас надо отправить в исправительную школу», — заявила мисс Перл.

Фидель кивнул трем из своих друзей, которые спрыгнули на землю и потом пересели вторым наездником сзади своих товарищей. «Вот ваши лошади», — сказал Фидель. Потом он протянул руку Роз-Мари: «А ты можешь поехать со мной». Я не успела и слова вымолвить, как моя дочь уже сидела позади Фиделя Ханны и индейцы галопом ускакали вниз по тропинке.

Мы с мисс Перл и мисс Финч сели на лошадей и неторопливо двинулись вниз. До индейской деревни надо было проехать еще 12 километров, и это путешествие отняло еще полдня. Тропа извивалась и резко шла вниз. По обеим сторонам тропы на стенках каньона были отложения известняка и песчаника, похожие на огромные стопки газет. Несколько лет до этого миссионеры пытались спустить в каньон пианино для того, чтобы индейцы хавасупай могли петь гимны, но музыкальный инструмент сорвался и разбился. Мы прошли то, что от него осталось — разбросанная среди камней груда деревяшек, изогнутых и ржавых проводов и черно-белых клавиш.

Через пару часов мы подошли к бьющему из земли роднику с чистейшей холодной водой. Благодаря наличию воды местная природа сильно отличалась от засушливой местности наверху. Здесь все было зеленым, и в изобилии росли тополя, водяной кресс и ивы. Воздух был влажным и прохладным.

Роз-Мари, Фидель и его друзья ждали нас около ручья. Они отпустили лошадей пастись, а сами лежали на зеленой траве. Мы пошли вдоль ручья, который подпитывался подземными источниками и другим ручьями, и постепенно становился все шире. Через некоторое время мы дошли до места, где на ручье было несколько невысоких водопадов. И потом мы вышли к самому красивому месту, которое мне довелось видеть за всю жизнь. Через расщелину в скале ручей падал с высоты пары сотен метров вниз в озеро, наполненное изумрудной водой. В воздухе висела водяная пелена. Зелено-синий цвет воды объяснялся содержанием известняка, который вымывали воды подземных источников. Смешанный с водой известняк висел в воздухе, и тончайший слой известняка покрывал все вокруг: деревья, кусты и камни тонкой белой корочкой, словно мы были в огромном саду скульптур.

До деревни хавасупай мы доехали ближе к вечеру. В деревне стояли хижины, стены которых были сплетены из веток. Сама деревня располагалась в месте впадения ручья в реку Колорадо.

Рядом с хижинами было несколько соединяющихся с ручьем небольших запруд и бассейнов, наполненных изумрудно-зеленой водой. В этих запрудах плескались голые дети. Мы спешились, и Фидель вместе со своими друзьями нырнули в самый большой бассейн.

«Мам, можно я тоже поплаваю?» — спросила Роз-Мари. Ей так хотелось искупаться, что она подпрыгивала на месте.

«У тебя нет купальника», — заметила я.

«Я могу плавать в нижнем белье».

«Ни в коем случае, — влезла в разговор мисс Перл. — Хватит того, что ты ехала на лошади вместе с индейцем».

«Здесь наверняка большие проблемы с гигиеной и санитарией, — добавила мисс Финч, — непонятно, какая зараза в этой воде может плавать».

Фидель показал нам хижину для гостей. Она была маленькой, но на земляном полу могли улечься четыре человека. Мисс Перл и мисс Финч устали и хотели отдохнуть, но нам с Роз-Мари было интересно осмотреть окрестности, и когда Фидель предложил нам показать долину, мы с радостью согласились.

Фидель дал нам свежих лошадей, мы выехали из деревни и поехали вдоль русла реки. С обеих сторон вздымались стены из красного песчаника коконино и розового известняка кайбаб. Узкий участок плодородной земли, зажатый между скалами, возделывали для сельскохозяйственных нужд. Индейцы высаживали кукурузу, и одно растение было расположено на большом расстоянии от другого. Фидель сказал, что раньше хавасупай зиму проводили наверху, где охотились, и возвращались вниз к реке летом для того, чтобы заниматься земледелием. Но вот уже давно все земли наверху стали собственностью белых поселенцев, поэтому хавасупай не поднимаются наверх и живут в долине круглый год. Это одно из самых закрытых и мало изученных мест на всей планете и мало кто знает о том, что здесь живет индейское племя. Собственно говоря, мало кто слышал о племени хавасупай. Фидель показал нам две высокие скалы из красного камня, вырастающие из отвесного склона каньона. Это хранитель племени Виглева, объяснил он. Он добавил, что, по преданию, хавасупаи, которые навсегда покидают свое племя, превращаются в камень.

«Красиво, как в раю, — заметила Роз-Мари. — Здесь даже красивее, чем на ранчо. Мне кажется, что я смогла бы прожить здесь всю жизнь».

«Здесь живет только племя хавасупай», — сказал Фидель.

«Я могу стать хавасупаем», — ответила Роз-Мари.

«Нельзя стать хавасупаем. Хавасупаем нужно родиться», — сказала я.

«Ну, — ответил Фидель, — старейшины говорят, что белые могут жениться или выйти замуж и таким образом стать членом племени, но, насколько я знаю, никто еще не пробовал. Может быть, ты станешь первой».

Вечером индейцы предложили нам кукурузные лепешки, завернутые в листья, но мисс Финч и мисс Перл отказались есть такую «стряпню», и мы поужинали галетами и вяленым мясом, которые я взяла с собой.

На следующий день мисс Финч провела медицинский осмотр детей, а мисс Перл, используя Фиделя в качестве переводчика, обсудила вопросы образования с их родителями. В деревне была маленькая школа, но за последние несколько лет разные государственные чиновники периодически приходили к мнению о том, что дети индейцев не получают необходимого образования, поэтому их направляли в интернаты, даже не спрашивая, хотят ли этого их родители. В этих интернатах дети учили английский язык и получали образование, достаточное для того, чтобы стать носильщиком, уборщиком и телефонистом.

Фидель все утро переводил для мисс Перл, и когда его работа закончилась, он пришел к нам с Роз-Мари. «Они думают, что спасают детей, — сказал он, — но после их образования дети не могут ни продолжать жить в долине, ни выжить среди белых. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Я сам учился в одном из интернатов».

«Ну, вот видишь, — сказала Роз-Мари, — в камень ты не превратился».

«Все внутри человека превращается в камень».

Во второй половине дня мы с Роз-Мари прогулялись по деревне. Она постоянно просила меня разрешить ей искупаться. Я сказала ей, что она, кажется, готова провести в этих местах всю жизнь.

«Мам, но здесь же настоящий райский сад! — твердила Роз-Мари. — Самый настоящий рай на земле».

«Не стоит идеализировать их стиль жизни, — заметила я. — Поверь мне. Я родилась в доме с земляным полом. От такой жизни быстро устаешь».

В тот вечер мы снова поужинали галетами и вяленым мясом, после чего рано легли спать. Ночью меня разбудили крики. Я вскочила и увидела, что перед хижиной стоит завернутая в одеяло Роз-Мари. Рядом с ней стояла мисс Перл, которая трясла мою дочь и кричала о том, что встала ночью, услышала смех и в

свете луны увидела, что Роз-Мари, Фидель и еще несколько индейцев купаются совершенно голыми.

«Да я не была голой! — оправдывалась Роз-Мари. — Я была в нижнем белье!»

«Это не имеет никакого значения! — отрезала мисс Перл. — Оно просвечивало, и эти мальчики все видели».

Я дико разозлилась. Я просто не могла поверить, что Роз-Мари меня ослушалась. Я понимала, что мисс Перл негодует не только по поводу поведения Роз-Мари, но и моего собственного. Она наверняка думает о том, что я никудышная мать, у которой растет совершенно бессовестный ребенок. Кто знает, может быть, мисс Перл решит, что я безответственный учитель и меня отстранят от работы. В общем, я была очень зла. Я каждую ночь спала рядом с Роз-Мари, чтобы сберечь девушку от бед. Мне казалось, что я научила ее тому, что с молодыми людьми надо быть поосторожнее, потому что самые невинные ситуации могут выйти из-под контроля, закончиться очень плохо. Может произойти трагедия, от которой не оправишься всю жизнь. Кроме всего прочего, я строго-настрого запретила ей купаться, а она меня ослушалась.

Я схватила Роз-Мари за волосы, затащила в хижину, вынула ремень из штанов и отхлестала ее. На меня накатилась черная-пречерная волна, я не могла сдержаться и сама испугалась своей реакции. Несмотря на это, я продолжала стегать ее ремнем. Роз-Мари лежала на полу и плакала. Потом у меня появилось чувство, что я зашла слишком далеко. Я бросила ремень и вышла на улицу, не сказав мисс Перл и мисс Финч ни слова.

На следующее утро мы отправились назад к машине. Фиделя Ханны не было, и нас сопровождали другие индейцы. Мисс Перл разглагольствовала о том, что обязательно сообщит о поведении Ханны шерифу и того привлекут к ответственности за распущенное поведение с малолетними. Мы с Роз-Мари отмалчивались. Каждый раз, когда я бросала взгляд на дочь, то видела, что она смотрит в землю.

На ранчо я постаралась помириться с Роз-Мари. Я попыталась ее обнять, но она оттолкнула мою руку.

«Я понимаю, что ты на меня злишься, но была обязана тебя наказать, — объяснила я ей. — Другого способа сделать так, чтобы ты запомнила этот урок, у меня не было. Ты сделала из него выводы?»

Роз-Мари лежала на боку и смотрела в стену. Она долго мне не отвечала, и, наконец, произнесла: «Единственный вывод, который я сделала из того, что произошло, это тот, что я никогда

не буду бить собственных детей».

Путешествие в «райский сад» плохо закончилось почти для всех участников. Я обо всем рассказала Джиму, и он решил, что больше не будет нанимать Фиделя Ханну ковбоем. Когда Фидель узнал об угрозах мисс Перл сдать его шерифу, он тут же ушел в армию.

Фидель стал снайпером, и его отправили воевать на острова в Тихом океане. Во время боя его контузило. Он вернулся на родину и устроил стрельбу в деревне индейцев хопи. Слава богу, что никто не пострадал, но его посадили в тюрьму. Когда он вышел, его племя отказалось принять его назад, потому что он их опозорил. Фидель в полном одиночестве поселился в отдаленном уголке индейской резервации. Он, в конечном счете, все-таки превратился в камень.

После всего того, что произошло с Фиделем Ханной, мы с Джимом поняли, что Роз-Мари не место на ранчо. Если она готова голышом плавать с Фиделем, то будет вести себя точно так же с любым другим ковбоем. Чтобы привести дочь в чувство, я начала пичкать ее литературой из журнала «Правдивые признания» с заголовками наподобие «Мы встречались в укромных местах. Так я попала на путь греха». Я написала письмо матушке настоятельнице интерната в Прескотте и сообщила о том, что Роз-Мари остепенилась, поумнела и готова продолжить свое образование.

Роз-Мари очень не хотела ехать, но мы ее все равно отправили. Сразу же после прибытия в интернат она начала писать письма о том, как ей плохо и хочется домой. Нам также стали приходить ее оценки, и все они были очень низкими. Матушка настоятельница написала, что Роз Мори только и хочет, что рисовать картинки и ездить на лошадях. Я начала терять терпение. Понятное дело, что я была разочарована успехами Роз-Мари, одновременно мне казалось, что монахини могли бы чуть более строго к ней отнестись и приструнить четырнадцатилетнюю мечтательницу.

Англичане написали нам письмо о том, что из-за затянувшейся войны они хотят продать ранчо и вложить деньги в оборонную индустрию. Они предложили нам выкупить ранчо, если мы соберем для этого необходимые средства, но в любом случае они приказали выставить ранчо на продажу.

Мы с Джимом экономили, как могли и накопили значительную сумму благодаря тому, что Джим в хорошие годы получал большие бонусы. Тем не менее наших средств не хватало

не только на приобретение всего ранчо, но и его части Hackberry. Джим говорил с соседями и пытался убедить их сложиться и совместно купить ранчо, я звонила Бастеру в Нью-Мексико, мы встречались с банкирами, но из-за войны у людей не было денег. Были введены карточки на ткань, все собирали и сдавали стеклянную посуду и занимались своими «огородами победы».

Или, правильнее было бы сказать, что этим занималось большинство.

В один прекрасный день в январе к нашему дому на ранчо подъехала большая черная машина, из которой вылезли трое. Первый человек был одет в темный костюм, второй — в куртку для сафари и кожаные гамаши, а третий — в отглаженные джинсы, сапоги из змеиной кожи и огромный «стетсон». Человек в костюме представился, и оказалось, что он нанятый англичанами адвокат. Человек в гамашах оказался кинорежиссером, снимавшим вестерны, и он хотел купить ранчо. Человек в сапогах из змеиной кожи был выступавшим на родео ковбоем, которого Гамаши снял в нескольких фильмах.

Гамаши был тучным и краснолицым мужчиной с аккуратно подстриженной и ухоженной седой бородкой. Он вел себя так, словно любое оброненное им слово является перлом мудрости. После любой своей реплики он смотрел на Костюм и Сапоги из змеиной кожи, которые незамедлительно начинали смеяться или одобрительно кивать, изображая на лице полное согласие с глубокой мудростью, высказанной Гамашами. Не прошло и трех минут, как Гамаши упомянул, что работал с Джоном Уэйном, которого он величал Дюком. Гамаши говорил, что «Дюк — актер от бога» и «первый дубль Дюка всегда самый лучший».

Гамаши стоял на крыльце, изучая местность, и к нему подошел старый Джейк. Гамаши перстом указал на иву у пруда. «Вот это очень живописно, — сказал Гамаши, — очень правильно посажено дерево».

«Мне некогда здесь живописные деревья рассаживать, — заметил старый Джейк. — Оно здесь само по себе растет». Старый Джейк покачал головой и, прихрамывая, удалился.

Мы с Джимом показали ранчо покупателю. Но Джим не горел желанием расставаться с ранчо и поэтому был даже более сдержанным и молчаливым, чем обычно. Гамаши вел себя так, словно Джима не существует. Он не задал Джиму ни одного вопроса. Гамаши обсуждал с Сапогами из змеиной кожи изменения, которые они могут сделать на ранчо. Они построят здесь взлетную полосу для того, чтобы можно было прилететь на ранчо из Лос-Анджелеса. Они привезут работающий на бензине генератор, чтобы поставить в зданиях кондиционеры. Возможно,

они даже построят здесь бассейн. Они обязательно вдвое увеличат поголовье скота и будут разводить паломино[30] мне стало ясно, что Сапоги из змеиной кожи — ковбой-шоумен, который хоть и впечатлил Гамаши трюками с лассо и ковбойским жаргоном, но понятия не имеет о том, что такое разводить скот.

Где-то в середине экскурсии по ранчо Гамаши наконец-то заметил Джима и посмотрел на него так, словно только что увидел. «Ты менеджер?» — спросил он.

«Да, сэр».

«Странно, а выглядишь, как ковбой».

Джим был одет в свою обычную одежду: рубашку с длинными рукавами, грязные, подвернутые снизу джинсы и рабочие ботинки. Джим посмотрел на меня и пожал плечами.

Гамаши, уперев руки в бока, уставился взглядом в серые деревянные здания. «Что-то это совсем на ранчо не похоже», — заметил он.

«Тем не менее это самое настоящее ранчо», — сказал Джим.

«Нет ощущения, что это ранчо, — пожаловался Гамаши, — магии не хватает. Нам нужно, чтобы здесь срочно появилась магия ранчо». Он повернулся к Сапогам из змеиной кожи: «Знаешь, чего здесь не хватает? Я вижу здесь здания с фактурой узловатой карликовой сосны, понимаешь?»

И узловатая карликовая сосна здесь в скором времени появилась. Гамаши купил ранчо, немедленно снес основное здание и построил новое со стенами из досок карликовой сосны. Потом он снес общежитие для ковбоев и построил новое со стенами такой же фактуры карликовой сосны. Ранчо получило новое громкое название — ранчо Шоутайм (Showtime Ranch). Гамаши сделал все, как планировал, и вскоре на территории появилась взлетно-посадочная полоса, а количество голов скота увеличилось вдвое.

Гамаши уволил Большого Джима и старого Джейка. Они оба были в глазах нового владельца анахронизмом. Гамаши называл их «стариками». Новому владельцу были нужны люди, которые привнесут сюда «магию», чтобы это слово ни значило в данном контексте. Владелец уволил всех людей, работавших на ранчо, главным образом мексиканцев и индейцев, потому что они, по его мнению, не выглядели, как настоящие ковбои. Менеджером он нанял Сапоги из змеиной кожи, который притащил на ранчо таких же ковбоев-шоуменов, как он сам, которые ходили в чистых, обтягивающих джинсах и расшитых рубашках с перламутровыми пуговицами.

Мы прожили на ранчо одиннадцать лет и любили эти места.

Мы знали все 180 000 акров площади ранчо, знали все овраги и покрытые древовидной полынью плато, горы с валунами и предгорья, поросшие можжевельником. Мы знали все это как свои пять пальцев. Мы уважали эту землю. Мы знали, что земля может родить, и никогда не стремились взять у нее то, что будет сложно восполнить. Мы никогда не разбазаривали воду, никогда, в отличие от наших соседей, не позволяли скоту съедать траву так, чтобы она потом не выросла. Можно было проехать вдоль ограды ранчо и увидеть, что трава на нашей стороне загородки была на двенадцать сантиметров выше, чем у соседей. Мы заботились о земле. Здания на ранчо были неказистыми, но были построены на совесть и абсолютно функциональными. Если честно, то у нас было самое лучшее ранчо во всей Аризоне. Мы прекрасно знали, что оно нам не принадлежит, но ухаживали за ним, как за своим. Поэтому, когда Джима уволили, мы не испытали никакой радости. Наверное, точно так же чувствовали себя мой дед и отец, когда поселенцы начали отгораживать участки в долине Хондо.

«Ну, вот и все. Наше время здесь подошло к концу», — сказал Джим после того, как узнал, что уволен.

«Ты сам знаешь, что лучше нас никто никогда здесь не управлялся», — сказала я.

«Ну, теперь это не наша забота».

«Послушай, мы никогда себя не жалели, — сказала ему я. — Так что и сейчас не стоит начинать. Пошли собирать вещи».

За это время мы сделали некоторые сбережения, так что у нас не было проблем с деньгами. Мы решили переехать в Финикс и начать все с начала. Аризона быстро менялась, потому что люди вкладывали в этот штат деньги. Здесь были идеальные погодные условия для авиации, и повсюду стали строить базы и аэродромы. Кроме этого климат здесь был идеальным для людей с заболеваниями легких и проблемами дыхательных путей, и эти люди пачками переезжали в Аризону. К тому времени кондиционеры упали в цене и поэтому такие города, как Финикс, стали привлекать людей с востока страны, которым без кондиционера было некомфортно переносить местную жару. Финикс развивался не по дням, а по часам.

Когда я по телефону сообщила Роз-Мари, что мы уезжаем, с ней случилась небольшая истерика. «Нет, это невозможно, мам! Я больше ничего в мире, кроме этого ранчо, не знаю! Оно в моей крови!»

«Дорогая, все это уже позади», — спокойно сказала ей я.

Маленький Джим был в ярости и не хотел уезжать.

«Этот вопрос решаешь не ты и даже не мы, — сказала я. —

Мы едем».

Моя жизнь на ранчо подходила к концу, поэтому я хотела избавиться от большинства вещей, которые бы мне о ней напоминали. Всех своих лошадей мы продали новому владельцу. Я оставила только Пятнистую, которой к тому времени было уже под тридцать лет. Я отдала ее индейцам хавасупай. Роз-Мари уже никогда не увидит их райский сад, но ей будет приятно знать, что лошадь, которую она любила, осталась в нем жить.

Я сохранила на память английские бриджи для выездки лошадей и сапоги, которые носила в тот день, когда упала с Красного Дьявола и познакомилась с Джимом. Мы уложили все наши вещи в багажник катафалка, и в прекрасный весенний день, когда цвела сирень и птицы пели на ветвях зеленых деревьев, мы отъехали от дома. Роз-Мари была в интернате, и ей не было суждено увидеть ранчо. Маленький Джим сидел между нами на переднем сиденье. Он начал крутить головой, чтобы в последний раз посмотреть на ранчо.

«Не смотри назад и не оборачивайся, — сказала я. — Прошлого не вернешь, поэтому никогда не оборачивайся».

VIII. Сыщики

Роз-Мари в возрасте 16 лет, Хорсе Меса

Джим решил, что новую жизнь в городе мы начнем с того, что сделаем себе подарки.

«Назови что-нибудь, чего ты уже давно хочешь», — попросил меня Джим.

«Новые зубы!» — ответила я, ни секунды не колеблясь. У меня уже много лет были проблемы с зубами, но на ранчо в Аризоне люди не ходили к зубным врачам. Если зуб болел слишком долго и слишком сильно, брали в руки плоскогубцы и его выдергивали. Кариес изъел мои два передних зуба так, что между ними образовалась огромная дырка. Я затыкала эту дырку белым воском свечи, но затычка периодически вываливалась, а без нее я выглядела, должна вам признаться, довольно страшно.

Зубы Джима были тоже не в лучшем состоянии.

«Слушай, и тебе тоже зубы не помешают», — сказала я.

Джим улыбнулся: «Значит, новые зубы. Думаю, что в этом городе с зубами нет никаких проблем».

Мы нашли приятного и молодого зубного врача, который по брови заколол нас новокаином, вытащил старые, гнилые зубы и сделал нам вставные. Когда я первый раз их вставила и посмотрела на себя в зеркало, то была поражена двумя рядами безупречных, как кафельная плитка, и блестящих зубов. У меня в одночасье появилась улыбка кинозвезды, и Джим стал выглядеть на тридцать лет моложе. Мы разгуливали по городу и ослепляли улыбками прохожих.

Мы купили дом на Третьей улице в северной части города. Это было старое большое здание с большими и высокими окнами, крепкими дверями и кирпичными стенами полуметровой толщины. И, наконец, мы решили избавиться от древнего катафалка и приобрели новый автомобиль Kaiser[31] темно-красного цвета. Kaiser — это было название нового автоконцерна, собиравшего машины в Калифорнии. Я, конечно, очень гордилась своим новым домом и машиной, но больше всего своими новыми зубными протезами. Они оказались даже лучше, чем настоящие зубы. Иногда, когда я рассказывала об этих замечательных зубах, сидя в ресторане, или где-нибудь в другом месте, я не могла сдержаться и вынимала вставные зубы, чтобы показать их собеседнику.

«Смотрите, — говорила я с гордостью, демонстрируя свои вставные челюсти. — Это не настоящие, а вставные зубы!»

Сначала Финикс показался мне лучшим городом на земле. Наш дом был расположен рядом с центром города, в шаговой доступности от магазинов и кинотеатров. Я решила отобедать во всех ресторанах, расположенных на Ван-Бурен-стрит, и это сделала. Даже больше ресторанов мне нравились кафетерии, потому что в них можно было видеть еду, а не заказывать вслепую по меню. Годы, когда мы ели, сидя на ящиках из-под апельсинов, и пили из жестяных банок из-под кофе, прошли. Я купила фарфоровый сервиз, сделанный в Баварии, и резной обеденный стол из красного дерева. Впервые в моей жизни у нас дома был телефон, и теперь те, кто хотел со мной связаться, могли мне просто позвонить, а не оставлять записку у шерифа.

Однако маленький Джим невзлюбил Финикс с первого взгляда. «Я чувствую себя словно в клетке, — говорил он. — Очень странное чувство».

Роз-Мари закончила свой интернат и приехала в Финикс. Ей тоже город ужасно не понравился. Она ненавидела черный

асфальт и серый бетон. Она считала, что кондиционер работает слишком шумно, а по телефону нас только беспокоят бесполезные люди. В общем, Финикс не пришелся ей по душе — в нем не было свободы, а главное, все в нем было искусственным.

«Здесь даже земли под ногами не видно, — жаловалась она. — Кругом сплошные тротуары».

«Ты подумай о преимуществах! — убеждала ее я. — Здесь можно есть в кафе. И у нас в доме есть туалет с системой канализации».

«Тоже мне преимущество! — не соглашалась Роз-Мари. — На ранчо можно было где угодно присесть и пописать». Она даже сказала, что жизнь в Финиксе поколебала ее веру в Бога. «Я каждый день молюсь о том, чтобы вернуться назад на ранчо, — жаловалась она. — Бога нет, или он просто меня не слышит».

«Конечно, Бог существует! — горячо убеждала ее я. — Но ты пойми, что у Бога есть право не выполнить твою просьбу».

Я начала волноваться по поводу того, какое влияние оказывает Финикс на мою дочь. Она ставила под сомнение существование Бога, ей не нравились туалеты в домах, и она даже смущалась, когда я вынимала в ресторане свои вставные зубы и гордо демонстрировала их официантке.

Я не стала говорить об этом детям, но через несколько месяцев сама начала чувствовать себя словно в клетке. Поездки в автомобиле меня просто бесили. В округе Явапай можно было ездить как хочешь, где хочешь, с любой удобной для тебя скоростью, и съезжать с дороги там, где тебе заблагорассудится. В городе была масса светофоров, полицейских со свистками, желтых линий, белых линий и куча дорожных знаков, которые что-то приказывали, предписывали или запрещали. Мне всегда казалось, что машина — это символ свободы, но когда стоишь на улице с односторонним движением, забитой машинами, и даже не можешь развернуться через сплошную, чтобы оттуда уехать, то действительно начинаешь чувствовать себя как птица в клетке. Я постоянно вступала в пререкания с другими водителями, высовывала голову из открытого окна автомобиля и громко советовала всем этим идиотам побыстрее возвращаться назад на восток, где им всем и место.

Я некогда чувствовала себя совершенно свободной в небе, и мне, по моему мнению, оставалось всего несколько часов в воздухе, чтобы сдавать экзамен на получение лицензии пилота, поэтому я решила снова начать брать уроки управления самолетом. Я приехала в летную школу, и служащий выдал мне толстенную пачку документов. Он бубнил, что я должна пройти медосмотр, проверить зрение, знать максимальное ограничение

высоты полета и области, в которых запрещены все полеты гражданских судов, а также приземляться только в отведенном для этого специальном месте на аэродроме. Я поняла, что горожане поделили небо точно так же, как они поделили землю.

Впрочем, в Финиксе было одно неоспоримое преимущество. Здесь работы было гораздо больше, чем в округе Явапай. Джим получил работу менеджера склада авиационных запчастей, а я начала преподавать в школе в южной части города.

Кроме того, в городе существовало много возможностей для дополнительного заработка. После оплаты стоимости дома на Третьей улице у нас еще остались деньги, которые мы вкладывали в приобретение квартир, которые потом сдавали. На рынке недвижимости всегда можно было найти квартиру или дом по очень приемлемой цене. Мы с Джимом ходили в суд на рассмотрение дел о продаже недвижимости за долги. И я даже начала носить в сумочке чек на десять тысяч долларов — просто на всякий случай, если встречу кого-нибудь, кто будет срочно продавать недвижимость по низкой цене. Впервые в нашей жизни мы стали жить за счет других, и это, как я поняла, является одной из важнейших особенностей городской жизни. Когда Джим сказал, что он чувствует себя словно стервятник, я заявила, чтобы он с такими мыслями завязывал. «Стервятники никого не убивают, они питаются падалью и существуют благодаря тем, кто умер, — заявила ему я. — Мы поступаем точно так же. Мы не являемся причиной того, что у людей произошли неприятности, мы просто используем ситуацию и на ней зарабатываем».

Я постоянно волновалась о том, что сумочку с чеком могут вырвать у меня из рук, поэтому ходила по улицам, крепко прижимая сумочку к груди. И это была не единственная вещь, по поводу которой мне в Финиксе приходилось постоянно волноваться. Мы купили радио, которое теперь можно было слушать постоянно, потому что в доме было электричество. Вначале я считала, что слушать радио — это здорово, но по нему постоянно передавали о происходивших в городе преступлениях. Оказалось, что людей постоянно не только грабили на улицах, но и забирались в дома, насиловали и убивали. В Финиксе жила женщина по имени Винни Рут Джадд, известная под кличками «Блондинка-убийца» и «Убийца с чемоданом». Дело в том, что она убила двух человек, расчленила их и положила в чемоданы. Она была сумасшедшей и периодически убегала из дурдома, в котором ее содержали. Время от времени по радио сообщали о том, что она в очередной раз сбежала, и просили граждан запереть все двери и закрыть все окна.

У меня под кроватью лежал мой револьвер с перламутровой рукояткой. Кроме этого я купила еще один пистолет, поменьше размером и калибром, чтобы было удобно носить в дамской сумочке. Каждый вечер я проверяла, заперты ли двери. Когда мы жили на ранчо, мы вообще никогда дверей не запирали. Я спала в одной кровати с Роз-Мари, которая ложилась ближе к стене, а я ближе к двери, чтобы в случае нападения дать дочери шанс уйти.

«Мам, ты слишком много волнуешься», — заметила однажды Роз-Мари.

Она была совершенно права. На ранчо я волновалась по поводу погоды, скота и лошадей, но никогда по поводу моих близких. Но в Финиксе все было по-другому, здесь приходилось беспокоиться о членах семьи.

В то время люди очень боялись возможных бомбардировок. Каждое воскресенье ровно в полдень раздавались сирены учебной воздушной тревоги. Если сирены звучали в любое другое время, то это была не учебная тревога, и всем надо было бежать в бомбоубежище. Звук сирен был душераздирающим. Роз-Мари очень не любила воздушную тревогу, и когда начинала выть сирена, со словами «Ненавижу этот звук» прятала голову под подушку.

«Учебная тревога звучит для того, чтобы в случае бомбового удара ты могла спасти свою жизнь», — объясняла я ей.

«Эта сирена меня только пугает, и поэтому я не вижу в ней ничего хорошего».

У этой девушки всегда было свое мнение, отличное от мнения окружающих. Однажды августовским утром мы с Роз-Мари, проходя по Ван-Бурен-стрит, заметили толпу людей, наблюдающих, как работает автомат по выпечке донатов.[32] Поблизости стоял газетный киоск. Я глянула на заголовки газет и прочитала о том, что американские ВВС сбросили на Хиросиму атомную бомбу. Я тут же купила газету и начала читать, а потом рассказала Роз-Мари о том, что произошло. Та не поверила, что одна бомба в состоянии уничтожить целый город с сотнями тысяч людей, среди которых были не только солдаты, но дедушки, бабушки, матери, дети, собаки, кошки, птицы, мыши и вообще все живое. «Бедные, ах, бедные существа», — всхлипывала Роз-Мари.

Я заявила, что не мы, а японцы начали войну, и, что бомбардировка Хиросимы поможет сохранить жизни тысячам американских солдат, но Роз-Мари не соглашалась и говорила, что атомная бомба — это ужасное зло. Казалось, что смерть мышей и птиц расстроила ее не меньше, чем смерть людей. Как она выразилась, «животные войны не начинали, их-то за что?»

Кроме этого она решила, что все американцы, которые могут

спокойно стоять, разинув рот, смотреть на новую машину, которая сама изготовляет донаты, в то время, когда в мире так много страдании и боли, просто больные.

«Послушай, — посоветовала ей я. — Сосредоточься на хорошем. Теперь донаты необязательно лепить вручную».

С наступлением осени настроения Роз-Мари стали еще более пессимистичными. Мы записали ее в католическую школу Девы Марии, которая находилась поблизости от нас. Монахини говорили о том, что жизнь — это дар Всевышнего, и на одном из занятий показали ученицам японскую кинохронику, демонстрирующую масштабы разрушений в Хиросиме и Нагасаки. Ученицы увидели улицы, исчезнувшие после взрыва, пепел, оставшийся от сожженных трупов, и изувеченных последствиями радиации детей. После этого просмотра Роз-Мари долгое время снились кошмары. Монахини говорили о том, что надо молиться за японцев, потому что и они были созданы Богом и теряли в войне родных и близких. Я не разделяла мнения монахинь. «Вот что с тобой происходит, когда ты начинаешь войну», — сказала я. Однако Роз-Мари не успокоилась. Она говорила, что только Господь, а не атомная бомба, имеет право так быстро убить такое огромное количество людей. Ее пугало, что у нашего правительства есть такая практически божественная сила. У правительства теперь появилась атомная бомба, и кто знает, на кого оно решит сбросить ее в следующий раз. Может быть, правительство решит, что ее врагом является Роз-Мари?

Я устала объяснять Роз-Мари, что цель оправдывает средства, и твердо заявила, чтобы она перестала говорить о Хиросиме и Нагасаки. Если она перестанет говорить о разрушении этих городов, то постепенно перестанет о нем думать. Дочь действительно перестала говорить об атомных бомбардировках, но в один прекрасный день я посмотрела под нашу общую кровать и нашла папку рисунков, на которых были изображены животные и дети. У тех и других были раскосые азиатские глаза и крылья, как у ангелов.

Роз-Мари стала все больше и больше рисовать. Я поняла, что это ее единственный талант, потому что других способностей я у нее не наблюдала. Ее школьные оценки были ужасными. Я наняла ей преподавателя по игре на скрипке и пианино, но тот сказал, что у моей дочери не хватает дисциплины для того, чтобы научиться играть на музыкальном инструменте. Я старалась защитить дочь, и высказала предположение о том, что можно импровизировать и совсем необязательно заучивать гаммы. Тем

не менее через несколько дней преподаватель наотрез отказался заниматься с Роз-Мари, сказав, что проткнет себе барабанные перепонки, если хотя бы еще минуту будет слушать, как Роз-Мари мучает несчастную скрипку.

«Что мы теперь с тобой будем делать?» — сокрушенно спросила я дочь.

«Я по поводу своего будущего не переживаю, — ответила она, — и другим не советую».

Многие симпатичные девочки теряют свою красоту, когда становятся девушками. Однако ничего подобного с Роз-Мари не случилась, и она оставалась красавицей. Я некогда дала себе слово никогда ей об этом не говорить. Но отсутствие талантов у дочери меня очень угнетало, и однажды, прочитав в газете статью о конкурсе красоты, я решила, что Роз-Мари все-таки стоит воспользоваться тем, что ей дано от Бога. «У меня появилась идея, — сказала я ей. — Ты можешь стать королевой красоты или моделью».

«Ты это о чем?» — с удивлением спросила она.

Я попросила ее надеть купальник и пройтись передо мной туда-сюда. Мне показалось, что из этого может что-нибудь получиться. Она была красивой, и у нее была изумительная фигура, но двигалась она не как королева красоты, а как ковбой. Роз-Мари ходила, так активно размахивая руками, что, казалось, она ездит на лыжах. Я записала ее в школу моделей, где учили ходить с книгой на голове и вылезать из автомобиля, не демонстрируя при этом своего нижнего белья. На первой фотосессии фотограф пытался ее красиво сфотографировать, но Роз-Мари была настолько зажатой и неестественной, что тот только покачал головой.

На самом деле Роз-Мари хотела стать художницей.

«Художники не зарабатывают денег, — сказала я, — и часто сходят с ума».

Но Роз-Мари не согласилась и заявила, что Чарли Рассел[33] и Фредрик Ремингтон[34] стали богатыми, рисуя сцены из вестернов. «Художник может заработать хорошие деньги, и зарабатывать искусством очень приятно», — говорила она. Роз-Мари заявила, что при минимальных вложениях в холст и краски можно нарисовать картину, которую купят за несколько тысяч долларов. В какой другой профессии есть такие заработки? Она все долдонила о том, что чистый холст — это сокровище, которое ждет того, кто его найдет.

Я взяла несколько ее работ, заказала для них рамки и поинтересовалась у продавцов багетных мастерских, есть ли у моей дочери талант. Те ответили, что ее работы неплохие и из

Роз-Мари может что-нибудь получиться. Тогда я решила заплатить за уроки учителю рисования Эрнестине, которая носила берет, видимо, для того, чтобы доказать, что она француженка, всем тем, кто не слышит этого по ее акценту.

Эрнестина научила Роз-Мари тому, что белый цвет — на самом деле не белый, а черный — не черный, и в каждом цвете намешаны другие цвета. Она также научила Роз-Мари тому, что каждая линия состоит из множества линий, и тому, что сорняки надо любить не меньше, чем красивые цветы, потому что все на этой земле прекрасно своей уникальной красотой, и задача художника — эту красоту увидеть и показать. В общем, Эрнестина говорила, что не существует никакой определенной реальности, потому что мир такой, каким мы сами его хотим видеть.

Мне все эти разглагольствования показались бредом сумасшедшего, но Роз-Мари они нравились.

«Ты знаешь, в чем сила изобразительного искусства?» — спросила она меня.

«Нет. В чем?»

«Если тебе что-то в этом мире не нравится, ты можешь нарисовать картину, которая изменит мир и сделает все так, как тебе нравится».

Уроки Эрнестины привели к тому, что Роз-Мари стала рисовать все более беспредметно и абстрактно. Она пыталась изобразить и вылить на холст свои чувства. Приблизительно в это время она стала писать свое имя в два отдельных слова без дефиса «Роз Мари», потому что ей казалось, что так ее подпись выглядит красивее. Я продолжала платить француженке за уроки рисования, но не забывала напоминать Роз-Мари о том, что женщина, в конечном счете, имеет всего несколько выборов карьеры: медсестра, секретарь и учитель, и последняя профессия приносит больше всего денег.

Любопытно, что именно тогда, когда я говорила эти слова своей дочери, я сама впервые в жизни перестала получать удовольствие от преподавания. Я была учительницей английского и математики в большой школе. Многие ученики в школе выросли в богатых семьях, они красиво и модно одевались и некоторые даже приезжали в школу на собственных автомобилях. Такие ученики отказывались меня слушаться, если им не нравилось то, о чем я их просила. Впервые в жизни я работала не в маленькой школе, а в большой. В этой школе был директор, множество других учителей, масса анкет, которые надо было заполнять, и масса комитетов, на заседаниях которых надо было присутствовать. Половину своего рабочего времени я заполняла

всякие бюрократические бумажки.

Казалось, что в школе существует больше правил для учителей, чем для учеников, бюрократическая машина заставляла следовать всем этим правилам. Однажды в учительской я имела неосторожность открыть свою сумочку, и одна из преподавательниц заметила лежащий в ней пистолет. Поднялся страшный крик и хай.

«Это же оружие!» — в ужасе кричали преподаватели.

«Да какое это оружие! — успокаивала их я. — Мелкашка».

О происшествии незамедлительно сообщили директору, который предупредил меня о том, что если я еще раз принесу оружие в школу, он меня уволит.

«А как я тогда буду защищать себя и своих учеников?» — задала я ему резонный вопрос.

«Для этого у нас существует полиция», — ответил мне директор.

«А как мне тогда защищаться от этой полиции?»

«Пожалуйста, оставляйте оружие дома».

Джим никогда ни на что не жаловался, но я заметила, что ему тоже в тягость его работа. Ему было скучно. Он был здоровым, сильным и широкоплечим мужиком, которому весь день приходилось сидеть за офисным столом и проверять по документам и спискам авиационные детали, которые вывозили со склада мексиканские рабочие. Ему не нравилось работать в офисе. У него было слишком много свободного времени, к чему он совершенно не привык. Большую часть времени ему приходилось болтать с коллегой — расфуфыренной и разведенной женщиной-бухгалтером по имени Гленда. Эта самая Гленда звала моего мужа «Смити» и просила зажигать ее сигареты.

Джим не понимал смысл жизни в городе. В его голове не укладывалось, почему люди хотят жить такой странной жизнью. Очень многое в городской жизни казалось ему неестественным. После нашего переезда в Финикс власти приказали вырубить дающие приятную тень посадки апельсиновых деревьев и тополей для того, чтобы построить парковки. «Мне кажется, что от этого больше теряешь, чем получаешь», — заметил Джим.

В общем, он заскучал по жизни на природе. Ему не хватало пыли, жары и пота тяжелой физической работы. Он скучал по запахам полей. Он скучал по внимательности, с которой сельский житель смотрит на небо и землю для того, чтобы понять намерения природы. По воскресеньям мы гуляли в парке в центре города, и по старой привычке Джим продолжал внимательно

приглядываться к природе, пытаясь услышать, что говорят ему растения и животные. Той осенью он обратил внимание на то, что птицы полетели на юг раньше обычного, белки запасали много орехов, а их хвосты были очень пушистыми, желуди выросли крупные, кора на тополях и скорлупа на орехах-пеканах была толще.

«Зима будет суровой», — сказал Джим. Все признаки были налицо. Он надеялся на то, что и другие люди видят и замечают эти признаки.

И зима действительно выдалась суровой. Холода пришли рано, и в Финиксе в январе шел снег. Даже старожилы не помнили снега в Финиксе. На ранчо мы бы в это время бегали, как сумасшедшие. Мы бы собирали дрова, приводили в стойла лошадей и развозили сено по территории ранчо. Джим построил бы стену для защиты скота. Он бы вывел все повозки из гаража, поставил бы их в ряд между домом и сараями, накрыл бы их брезентом, одеялами, тулупами, которые потом придавил бы камнями, старыми чемоданами и всем тем, что бы не дало ветру их снести. Он бы загнал максимальное количество скота в сараи и амбары, а когда бы началась снежная буря, он бы верхом на лошади гонял скот, чтобы тот не стоял и не мерз. Каждые несколько часов он бы выгонял из амбаров, загонял внутрь скот, который был на улице за прикрытием стены из повозок, защищающей его от снега, ветра и стужи.

В городе во время снежной бури надо всего лишь сделать отопление посильнее и слушать, как вода журчит в отопительных трубах.

Снег шел не переставая. На следующий день губернатор штата выступил по радио и объявил чрезвычайное положение. Школы и большинство предприятий не работали. Были введены части национальной гвардии, которые помогали спасать людей в отдаленных уголках штата. Джим сказал, что надеется на то, что Сапоги из змеиной кожи и Гамаши не прошляпили ситуацию и сделали все, что нужно было сделать. Он надеялся, что скот перегнали с возвышенности плато на зимние угодья, и ковбои пробивали проруби во льду замерзших прудов. «Перво-наперво надо пробить полыньи, — говорил он. — Иначе скот умрет не от голода, а от жажды».

На третий день снежной бури в нашу дверь постучались. Я открыла, и на пороге стоял человек из департамента сельского хозяйства штата Аризоны. Он сказал, что скот мрет по всему штату. Рейнджерам нужна помощь, и многие говорили о том, что

помочь им может именно Джим. Его долго искали, и вот, наконец, нашли. Людям нужна его помощь.

Не прошло и пяти минут, как Джим кинул в армейский рюкзак теплую одежду, схватил шляпу и вышел из дома.

Джим знал, что надо организовать сброс с самолетов тюков сена. Именно это он и сделал в первую очередь. Транспортные самолеты поднялись в воздух и выбрасывали над ранчо тюки сена. Военные выкатывали тюки из открытых транспортных люков самолетов, и тюки падали на землю и подпрыгивали.

Дороги были занесены снегом, и проехать по ним было невозможно. Джим попросил у властей штата дать ему небольшой самолет, на котором он вылетал в отдаленные ранчо и говорил их обитателям, большинство из которых еще никогда не видело таких сильных снежных бурь, о том, что надо делать. «Ломайте лед на поверхности прудов, — говорил он, — и перерезайте проволоку ограды на границах ранчо». Пусть скот бродит, как ему вздумается. Пусть находится в движении и согревается. Скот инстинктивно пойдет на юг, но, если ограду оставить, то стадо просто упрется в ограду и животные подавят друг друга. Пусть собираются большие стада, таким образом животные будут обогревать друг друга. Не стоит думать о клеймах и о том, кому принадлежит то или другое животное. С этим можно будет разобраться, когда буря закончится.

На одном ранчо не оказалось подходящего места, куда мог бы приземлиться самолет. Джим никогда в жизни не прыгал с парашютом, но это его не остановило. Он надел парашют и выслушал указания пилота: «Считай до десяти, дергай за кольцо, катись после приземления». Джим выпрыгнул из кабины самолета.

Джим попал на ранчо Showtime (наше бывшее ранчо), когда снежная буря закончилась, но температура продолжала оставаться низкой. Еще до приземления самолета Джим увидел, что никто не разбил лед на пруду Большой Джим, а на земле вокруг пруда лежали трупы замерзших животных. Когда Джим вошел в здание ранчо, то увидел, что Сапоги из змеиной кожи преспокойно пьет кофе со своими приятелями шоуменами, положив ноги на газовую горелку, чтобы было теплее.

Даже полный кретин может управлять ранчо тогда, когда природа не преподносит сюрпризов. Хорошего менеджера ранчо можно отличить от плохого только в период кризиса. Возможно, идиоты, собравшиеся у обогревателя и не умели предсказывать погоду по толщине коры на деревьях, но они точно могли бы включить радио и послушать прогноз погоды. Тогда бы они

узнали, что из Канады идет снежная буря, и у них было бы 24 часа для того, чтобы к ней подготовиться. Я бы сильно выругала этих безмозглых дураков, но Джим просто сказал им, что нужно делать: сесть на лошадей, резать проволоку ограды, ломать лед, не давать скоту стоять на месте.

За время бури погибли тысячи голов скота. Замерзшие туши животных лежали вдоль южной ограды ранчо. Часть скота настолько ослабела, что не могла идти, и Джим сказал, чтобы ковбои принесли им сена и воды и кормили и поили из рук. Джим массировал ноги животных, порезанные об лед, который они сами пытались сломать, и помогал встать на ноги. Он знал, что если скот начнет двигаться, то выживет.

Джим отсутствовал две недели. Я не знала, где он и что с ним происходит. Это были две самые длинные недели моей жизни. Джим похудел на десять килограммов. Его лицо и руки были красными, как свекла. Он не спал несколько дней, и под глазами появились темные круги. Но он был счастлив. Он наконец чувствовал себя полезным. Он занимался тем, для чего появился на свет. Он снова стал Большим Джимом.

Через несколько дней после его возвращения нам позвонил Гамаши. Когда Джим ездил по округу Явапай, люди рассказывали ему, что Гамаши за глаза называл его «бронтозавром» и «уставшим стариком». Это было прямо перед снежной бурей. Теперь Гамаши был настолько удивлен знаниями и эффективностью работы Джима, что решил предложить ему работу менеджера на своем ранчо. Он обещал Джиму построить ему новый дом из карликовой сосны. «Ты на самом деле отличный парень», — говорил Гамаши.

Мы с Джимом обсудили полученное предложение и пришли к выводу, что оно нам не подходит. При англичанах мы сами управляли ранчо и принимали все решения. Снежная буря немного привела в чувство Гамаши, но он все равно будет думать, что ранчо необходима «магия». Джим не хотел тратить время на споры с хозяином и отговаривание того от разных глупостей. Кроме того, у нас не было возможности приобрести ранчо или хотя бы его часть. Джим не хотел жить в новом доме для менеджера, доме из карликовой сосны, и ждать, пока приземлиться самолет хозяина и его друзей из Голливуда, чтобы потом вести их на прогулки. Я и сама была уже раньше прислугой, и мне этого опыта было вполне достаточно.

В следующем месяце начались школьные каникулы, и я ездила по городу по делам. Я решила заехать на склад к Джиму. В

газете напечатали статью о том, как Джим спасал стада, и его фотографию, где он был изображен рядом с самолетом, из которого выпрыгнул с парашютом. Статья вышла под заголовком «Ковбой прыгает с парашютом, чтобы спасти стада во время бури». Мой муж стал героем. Его узнавали на улице и жали руку. Однажды при виде Джима прохожий закричал: «Ковбой-парашютист!»

Я считала все это смешным, но заметила, что женщины стали улыбаться и флиртовать с ковбоем-парашютистом Джимом, который вежливо приподнимал шляпу и открывал им двери.

В тот день Джим не ждал моего появления. Когда я вошла в здание его склада, прошмандовка-бухгалтерша Гленда стояла в дверях офиса Джима и что-то ему говорила. У нее были черные волосы, ярко-красная помада, тело плотно обтягивало платье фиолетового цвета, и она прислонилась к косяку, демонстрируя свою эффектную фигуру. На ней был лифчик, поднимавший и выталкивающий грудь, словно две ракеты, которые вот-вот оторвутся от земли.

Она посмотрела на меня, дерзко повела грудью и перевела взгляд на моего мужа. «О-о, Смити, — пропела она, — нас, кажется, застукали».

У меня руки зачесались, так захотелось ей влепить оплеуху, но я сдержалась и перевела взгляд на мужа в ожидании его реакции. Если он мне изменяет, от меня пощады не жди, но мне показалось, что Джим смущен не своим поведением, а поведением бухгалтерши. «Перестань, Гленда», — сказал он.

Мы пошли в кафетерий и пообедали, но не обсуждали то, что произошло. Я решила отслеживать ситуацию и не спускать глаз с Джима и Гленды.

Дни шли, а у меня из головы не шел тот случай. Я все думала, разводит ли мой муж шашни со своей бухгалтершей. Они весь день проводят в одном помещении, в котором есть масса тихих уголков для интимных встреч. А во время обеда они могут отъехать в какой-нибудь «мотель на час». У нее были все необходимые мотивы, и у обоих было свободное время. Интересно, как вел себя в этой ситуации мой муж?

Было бесполезно задавать Джиму прямой вопрос. Если он, в конечном счете, окажется не лучше моего первого горе-муженька, он просто соврет. Я думала, что знаю Джима, но при этом я была совершенно уверена в том, что не стоит доверять мужчинам. При появлении благоприятной возможности любой мужчина не побрезгует ею воспользоваться. В этом Финиксе, черт возьми, было гораздо больше соблазнов, чем в округе Явапай. Кроме того,

человек может просто меняться со временем. Возможно, шумиха вокруг «ковбоя-парашютиста» вскружила Джиму голову. Кто знает, может, все эти хлопающие ресницами дамочки с приподнятыми бюстгальтерами сиськами довели его до мысли о том, что он — породистый жеребец-производитель? Может быть, латентный полигамный мормон все-таки поднял в нем свою непокорную голову?

Как бы там ни было, я поняла, что не успокоюсь, пока со всей этой историей не разберусь. Я должна была все узнать.

Я не собралась нанимать частного детектива, как это часто происходит в кино. Все детективы — мужчины, поэтому им тоже не стоит доверять. Я не хотела сама выслеживать Джима, как в случае с моим первым горе-муженьком в Чикаго. Тогда я точно знала, что он — лгун и обманщик, и мне были нужны доказательства. В случае с Джимом я должна была выяснить факты и сделать это максимально тихо. Кроме всего прочего, Финикс был гораздо меньше Чикаго, и многие меня знали. Я была преподавателем, и у меня была определенная репутация. Мне не хотелось следить за мужем на виду у всех.

Поэтому я решила привлечь Роз-Мари.

«Но, мама, я не хочу шпионить за папой!» — возмутилась дочь, когда я объяснила ей всю ситуацию.

«Мы не шпионим, а расследуем, — убеждала ее я. — Он, может быть, мне изменяет, а может быть, и нет. Кто знает? Мы надеемся выяснить то, что на нем нет никакой вины, вот и все».

При такой постановке вопроса Роз-Мари не могла отказаться.

Я решила, что если между Джимом и бухгалтершей что-то и происходит, то лучшее время для пылких свиданий — это время обеда. Они вряд ли бы стали рисковать и пускаться во все тяжкие на складе из-за боязни быть раскрытыми.

У Роз-Мари начинались весенние каникулы. Я решила, что всю неделю во время каникул она будет следить за отцом во время ланча. Если что-то происходило между Джимом и бухгалтершей, то, скорее всего, происходило не менее одного раза в неделю. Если за неделю не произойдет ничего подозрительного, то я отменю слежку.

В первый день нашего «расследования» было не по-весеннему жарко, а небо было иссиня-голубым. Я запарковала машину на некотором отдалении от склада. Я сказала Роз-Мари, чтобы она спряталась на другой стороне улицы и последовала за Джимом во время обеда, обязательно при этом держа между собой и им несколько человек на тот случай, если он повернется. Я выдала ей блокнот и ручку: «Делай записи».

Вид у нее был не самый веселый, но она, тем не менее, взяла блокнот и вышла из машины.

«Будет весело, — приободрила ее я, — мы же сыщики».

Полчаса я старалась читать газету, но в основном смотрела на часы и рассматривала прохожих. Потом вернулась Роз-Мари и села в машину.

«Ну и что произошло?» — спросила я.

«Ничего».

«Ну, что-то наверняка произошло?»

Роз-Мари принялась рассматривать свою обувь. «Папа ел ланч. В парке, один».

Она сказала, что он зашел в продуктовый магазин, вышел оттуда с бумажным пакетом, вошел в парк, сел на скамейку, вынул банку сардин, кусок вареной колбасы и сыра, а также пакетик молока. Перочинным ножом он нарезал колбасу и сыр на кусочки и потом ел его все с галетами. Молоко пил маленькими глотками, растягивая его как можно дольше.

На этом месте рассказа Роз-Мари улыбнулась, вспомнив, как видела отца, поедающим галеты с колбасой и экономно попивающим молоко. От этой мысли ей стало веселее.

«Что-нибудь еще?» — спросила я.

«Когда молоко закончилось, он смел с себя крошки и скрутил себе сигарету».

«Отлично, — продолжила я. — Завтра продолжим».

На второй день после того, как Роз-Мари ушла со своим блокнотом и ручкой, я сидела и барабанила пальцами по рулю. Но очень скоро из-за угла появились Роз-Мари с Джимом. Он держал ее за руку, а она выглядела гораздо более счастливой, чем когда уходила.

Джим наклонился к стеклу: «Лили, что, черт возьми, происходит?»

Я подумала, что надо бы придумать какую-нибудь лживую и запутанную историю, но потом поняла, что Джим все поймет. Я поняла, что не стоит отнекиваться. «Я пыталась доказать себе и Роз-Мари, что ты верный муж, что и доказала».

«Ага, — сказал Джим, — понятно. Давайте поедим».

Он отвел нас в магазин, где мы купили вареной колбасы, сыра, галет и молока и устроили в этом парке пикник.

В тот вечер, когда мы вернулись домой, Джим сказал мне: «Давай-ка поговорим».

Я налила себе виски с водой и вышла во двор за домом, где росли апельсиновые деревья, на которых только начали завязываться плоды.

«Я не шпионила, — объяснила я. — Просто хотела подтвердить, что в наших отношениях, между нами все правильно. Я не хотела, чтобы ты изменял мне с этой сучкой».

«Лили, я тебе не изменял. Просто в городе неизбежно периодически случается, что мужчины оказываются в компании женщин, которые не являются их женами. Ты можешь мне верить, мне незачем врать».

«Дело не в доверии, — говорила я. — Я не собираюсь сидеть и смотреть, как всякие пытаются украсть моего мужчину».

«Может быть, жизнь в городе нам не очень подходит. Может быть, от нее мы становимся немного не в себе».

«Тогда надо отсюда уезжать».

«Наверное, надо».

«Так и порешим».

«Теперь надо понять, куда ехать».

IX. Летун

Рекс и Роз-Мари после свадьбы

Хорсе Меса — это даже не просто маленькое поселение, а скорее лагерь, построенный для рабочих, которые строили плотину Хорсе Меса на реке Солт-ривер. После строительства плотины появилось озеро Апачи, а ГЭС вырабатывает электроэнергию, которая идет в Финикс. В Хорсе Меса жило всего 13 семей, но в этих семьях были дети, а детям надо ходить в школу, и летом я получила работу в этом поселении.

Мы поменяли красивый, но малонадежный Kaiser на добрый, старый, сделанный в Детройте Ford, и в одно прекрасное июльское утро уложили чемоданы в автомобиль и поехали сначала на восток, до развязки Апачи, а потом до равнины Тортилла, где асфальт закончился. Далее началась грунтовая дорога, которая, извиваясь, поднималась в горы Суперстишен. Окружающая местность радовала глаз даже больше, чем Гранд Каньон. Мы проезжали мимо огромных скал из красного и золотого песчаника, лежащего слоями, словно книги на полке. Склоны гор заросли кактусами. В этих растениях не было ничего красивого, но они поражали своей способностью выживать в неимоверно сухом климате, каменистой почве и на самых негостеприимных горных склонах. При этом некоторые из этих

кактусов давали чертовски вкусные плоды.

Мы проехали несколько километров по тропе апачи и вышли на еще более узкую дорогу, которая шла на север. Мы «вписывались» в резкие и опасные повороты дороги, проезжали под нависшими над тропой скалами и мимо горных массивов самой причудливой и невообразимой формы. Джим был за рулем, машина ползла, как черепаха, прижимаясь к скале, чтобы не сорваться вниз. Край дороги не был огорожен и не имел бордюра. Одно неправильное движение — и машина в любую секунду может сорваться в пропасть. Дорога, по которой мы ехали, называлась «Агнесса плачет» и свое название получила после того, как ехавшая в эти края учительница школы Агнесса разрыдалась, поняв, в какую глухомань ее забросила жизнь. Мне, напротив, нравилось все то, что я видела. Я была рада подальше уехать от дорожных пробок, школьных информационных бюллетеней, бюрократов, сирен учебных тревог и запертых дверей в городе. Джим пошутил, что этой дороге надо дать новое название — «Лили смеется».

Дорога «Агнесса плачет» вывела нас на дно каньона. Мы повернули за угол и увидели темно-синее озеро в обрамлении скал из красного песчаника. Хорсе Меса прилепилась на склоне горы над озером. Это поселение состояло всего из нескольких домов и находилось далеко от цивилизации. Агнесса оказалась совершенно права — это была настоящая глухомань. Два раза в неделю сюда от плотины Рузвельта приезжал грузовик с продуктами. Здесь был только один телефон, который стоял в местном «клубе». Когда тебе надо было позвонить, надо было сообщить номер оператору на коммутаторе в Темпе, который назначал время соединения, шедшего через коммутатор в Мормон Флэтс. Телефон находился в общественном месте и не в будке, поэтому окружающие слышали, о чем ты говоришь.

Мы были очень довольны новым местом. Дети весь день провели на озере, ныряя со скал в прохладную воду. Здесь были река и озеро, куда на водопой собирались разные животные: толстороги, ящерицы-ядозубы, чаквеллы и гремучие змеи.

Джим нашел работу в бюро по землеустройству в качестве водителя грузовика, развозящего гравий. Этот гравий использовался для дорожных работ на всем протяжении тропы апачи. Джим был доволен своей работой. Он ездил на мощном грузовике, никто ему ничего не указывал, и работал он на природе.

И я наконец снова вернулась в школу, размещающуюся в одной комнате. Здесь не было холодных, как рыбы, бюрократов, которые контролировали меня и говорили, как и что я должна

преподавать.

В школе Хорса Меса было всего восемь классов, поэтому осенью нам пришлось уже в третий раз отправить детей в интернаты. Роз-Мари пошла в школу Св. Джозефа — небольшое, но качественное учебное заведение в Тусоне. Я знала, что многие из ее одноклассниц выросли в обеспеченных семьях, поэтому перед ее отъездом сделала ей подарок.

«Жемчуг! — воскликнула Роз-Мари, открыв коробочку. — Наверняка очень дорогое ожерелье».

«Я купила его на зеленые марки S&H, — объяснила я. — И это не настоящий жемчуг, а искусственный». Тут я впервые для Роз-Мари рассказала историю о моем первом горе-муженьке и его семье. «— Этот козел подарил мне фальшивое кольцо. Несколько лет я свято верила в то, что оно настоящее. Ну, а потому, что я сама в это верила, то верили и все окружающие. — Я надела ожерелье и застегнула его на ее шее. — Главное — выше голову, — посоветовала я, — тогда никто даже не заподозрит, что это искусственный жемчуг».

Дети уехали в интернаты, и наша жизнь в Хорсе Меса шла тихо и спокойно. Тишина и спокойствие объяснялись во многом окружающей природой. Мы жили, словно в храме, который построила сама природа. Встаешь утром, выходишь на улицу и смотришь вниз на синее озеро, окруженное слоеным пирогом гор из песчаника, красные и желтые слои которого природа создавала на протяжении миллионов лет, и десятки темных впадин, которые после дождя превращались в водопады. Во время одного дождя я насчитала двадцать семь водопадов.

Жители Хорса Меса не ругались и умели находить общий язык. Мы должны были ладить, у нас не было другого выхода. Все мы зависели друг от друга, и споры были роскошью, которую мы не могли себе позволить. Никто не жаловался и не сплетничал. Радио в этих местах плохо ловилось. По вечерам дети играли, а взрослые ходили друг к другу в гости. Ни у кого из нас не было много денег, поэтому не говорили на темы, которые интересуют обеспеченных людей. Мы говорили о том, что важно для нас: о погоде, уровне воды в озере, о большом окуне, которого поймали под мостом, и о пуме, которую видели около ручья Фиш-крик. Жителям города могло бы показаться, что нам было нечем заняться и не о чем поговорить, но мы не разделяли это мнение. Наша жизнь была спокойной и размеренной.

Несмотря на то что все было тихо и спокойно, у меня иногда происходили случаи, когда я испытывала гнев и

возмущение. Я уже давно интересовалась политикой, но после того, как департамент образования попытался закрыть в нашем районе пару школ, я связалась с национальным профсоюзом учителей и поняла, что у меня есть определенные способности для того, чтобы заниматься политикой. Я поняла, что при наличии острых локтей и громкого голоса очень легко привлечь внимание политиков, в особенности если хватаешь их за галстук и тычешь в грудь пальцем.

Чтобы заставить врунов-политиков выполнять свои предвыборные обещания, я начала регулярно ездить в Финикс. Однажды вместе с Роз-Мари я ворвалась в офис губернатора для того, чтобы сказать ему, что он обязан финансово поддерживать школы и выполнять нормы, гарантирующие гражданам право на получение образования. Когда тот пригрозил меня арестовать, я ответила, что я — налогоплательщик, любящая мать двоих детей и преподаватель. Я устрою пресс-коференцию и докажу, что он — сукин сын, который не выполняет свои обещания.

Я стала ответственной избирательного округа Хорсе Меса от партии демократов. Я всегда носила с собой регистрационные карточки избирателя и интересовалась у людей в очереди о том, зарегистрировались ли они для того, чтобы иметь право голоса. Если они еще не зарегистрировались, я давала им карточку. «Все, кто думает, что он слишком маленький и незначительный человек, пусть вспомнит, каким болезненным может быть укус комара», — обычно говорила я.

Взрослые члены всех тринадцати проживающих в Хорсе Меса семей в результате моей работы зарегистрировались. В день выборов Джим отвез меня в Тортилла Флэтс. Я вышла из машины, в одной руке у меня были бюллетени всех двадцати шести избирателей, а в другой револьвер с перламутровой рукояткой. Так, на всякий случай, если кому-то придет в голову встать между мной и избирательным участком. Войдя в двери избирательного участка, я громко заявила: «Внимание! Вот бюллетени избирателей из Хорсе Меса. У нас проголосовало сто процентов избирателей».

Мы с Джимом придумали себе новое хобби — поиски урана. Правительству нужен был уран для производства ядерного оружия, и было объявлено вознаграждение в размере ста тысяч долларов тому, кто откроет месторождение урана. Одна нищая семья в Колорадо нашла такое месторождение и уже получила свои деньги. Джим купил подержанный счетчик Гейгера, и по выходным мы выезжали в пустыню в поисках камней, на которые реагировал этот счетчик.

К моему удивлению, мест, в которых счетчик Гейгера показывал радиацию, оказалось довольно много. В этом смысле особенно удачным оказалось место под названием Французская равнина (Frenchman's Flat). Там мы быстро насобирали несколько ящиков камней. Несколько камней мы отвезли химику-лаборанту в Мормон Флэтс, но тот сказал, что это не уран, а обычная радиация. Как он нам объяснил, эти камни находились поблизости от взрывов ядерного оружия, которое проводилось в тех местах.

Однако я не выбросила эти камни, решив, что когда-нибудь они чего-то да будут стоить. Мы поставили ящики с камнями в подвал и потом еще несколько раз выезжали на поиски урана.

После окончания школы Роз-Мари и маленький Джим поступили в университет штата Аризоны. «Маленький» Джим вымахал ростом 194 см и весил под сто килограммов. Он стал выше Большого Джима. Маленький Джим играл в американский футбол, съедал полпачки хлопьев на завтрак и не любил учиться. На первом курсе он познакомился с красоткой по имени Диана, отец которой был каким-то важным бюрократом в почтовой службе Финикса. Они поженились, Джим бросил университет и стал полицейским.

«Первый пошел, вторая на подходе», — подумала я.

Мне казалось, что мы с Роз-Мари достигли определенного взаимопонимания. По крайней мере, мне казалось, что это было понимание, хотя она сама упорно считала, что я навязываю ей свою волю. Как бы там ни было, мы договорились, что она может сколько угодно изучать в университете искусство, но специализироваться надо на предметах, необходимых для преподавания, чтобы получить диплом учителя. После войны бывшие солдаты вернулись домой, и Роз-Мари постоянно получала приглашения на свидания. Более того, несколько мужчин даже умудрились сделать ей предложение. Я говорила, что Роз-Мари не стоит торопиться и надо немного подождать. Я понимала, что ей нужен надежный мужчина, который мог бы ее поддержать. У нее был ветер в голове, но если рядом с ней будет рассудительный и спокойный мужчина, она сможет создать с ним семью, преподавать в начальной школе, вырастить пару детей и рисовать в свободное время, сколько ей вздумается.

Надежных мужчин, наподобие ее собственного отца, было достаточно, и я была уверена в том, что рано или поздно она такого найдет.

Летом после окончания третьего курса она вместе с подругами начала ездить и плавать в каньоне Фиш-крик.

Однажды вечером она вернулась домой и рассказала историю, которая показалась ей веселой. В каньон приехала группа молодых пилотов. Когда она прыгала со скалы в воду, один из них был настолько поражен ее красотой, что прыгнул за ней в воду и сказал, что на ней женится.

«Я сказала ему, что мне уже делали предложение двадцать два мужчины, и я всем им отказала. Почему он считает, что я ему не откажу? Он тогда заявил, что не делает мне никакого предложения, а просто сообщает, что мы поженимся».

Такой уверенный в себе человек, подумала я, должен быть или прирожденным лидером, или мошенником. «И какое впечатление о нем у тебя сложилось?» — спросила я.

Роз-Мари на мгновение задумалась. «Он любопытный парень, — сказала она, — не такой, как все. Он не очень хорошо плавает, но все равно прыгнул в воду».

Парня, который прыгнул за Роз-Мари, звали Рекс Уоллс. Он вырос в западной Виргинии и служил на базе ВВС Люк. С первого свидания с ним Роз-Мари вернулась очень довольной. Они встречались в мексиканском ресторане, какой-то мужчина принялся с ней флиртовать, Рекс начал с ним драку, которая переросла в общую потасовку, и Рекс с Роз-Мари убежали до прибытия полиции.

«Он сказал, что мы с ним „слиняли“», — сказала Роз-Мари.

О, боже, подумала я. Хулиган. Только этого ей и не хватало.

«Очень многообещающее начало», — сказала я вслух.

Роз-Мари не заметила моего сарказма. «Он весь вечер проговорил. У него куча планов. И его очень заинтересовали мои картины. Мам, это первый мужчина, который приглашал меня на свидание и серьезно отнесся к моему искусству. Он даже попросил показать мои работы».

В следующие выходные Рекс появился в Хорса Меса, чтобы посмотреть на картины Роз-Мари. У него были узкие темные глаза, дьявольская ухмылка и зачесанные назад темные волосы. Его манеры были обходительными. Он снял фуражку, крепко пожал руку Джима и нежно сжал мою. «Вот откуда у Роз-Мари ее красота», — сказал он мне.

«Тебя не учить, как говорить комплименты», — заметила ему я.

Рекс закинул назад голову и громко рассмеялся.

«Теперь я вижу, от кого у Роз-Мари ее независимый нрав».

«Я всего лишь старая училка, — ответила я, — с хорошими зубными протезами». Я вынула протезы и продемонстрировала их Рексу.

Роз-Мари побледнела от ужаса и воскликнула: «Мама!»

Но Рекс снова рассмеялся. «Очень хорошая работа, — заметил он, — но у меня самого не хуже». Он вынул свои вставные челюсти и объяснил, что, когда ему было семнадцать лет, его машина врезалась в дерево. «Машина-то остановилась, а я нет», — добавил он.

«Парень действительно интересный», — подумала я. По крайней мере, тот, кто смеется над несчастным случаем, во время которого потерял зубы, должен быть смелым и открытым человеком.

Роз-Мари внесла в комнату несколько своих работ: пейзажи пустыни, изображения цветов, кошек и портреты Джима. Рекс брал картины одну за другой и хвалил яркость красок, удачную и выигрышную композицию, хорошую технику, уверенный мазок и так далее и так далее. Он нес полную, по моему мнению, ерунду, однако Роз-Мари слушала его, затаив дыхание, как в свое время слушала треп француженки Эрнестин.

«А почему эти картины не висят на стенах?» — поинтересовался Рекс.

В гостиной у нас висели две репродукции картин с изображением леса, которые я купила потому, что небо на них по гамме идеально соответствовало цвету ковра на полу. Недолго раздумывая и не спрашивая разрешения, Рекс снял картины и на их место повесил работы Роз-Мари, в которых не было и намека на голубой цвет.

«Вот, — сказал он, — здесь им и место».

«Картины хорошие, но под ковер не подходят, — заметила я. — Я долго искала их, потому что синий цвет на них точно соответствует цвету ковра».

«Да, к черту все эти соответствия! — ответил Рекс. — Иногда полезно все перемещать. — Он показал пальцем на картины: — Это всего лишь репродукции, — а потом на работы Роз-Мари: — А вот это оригиналы. Более того, это просто шедевры».

Я бросила взгляд на Роз-Мари. Она буквально светилась от удовольствия.

К концу того лета Роз-Мари и Рекс стали встречаться регулярно. Мне было сложно сказать, насколько серьезно Рекс относился к моей дочери, но одно было очевидно — он был упорным парнем. Мне казалось, что я вижу его насквозь. Он умел очаровывать, но этой способностью обладали все мошенники, которым надо сначала завоевать твое доверие, а потом обобрать тебя до нитки. Это я поняла по опыту общения с моим первым мужем. У этого Рекса всегда наготове была шутка, он мог

разглагольствовать на любую тему, осыпал людей комплиментами, словно щедро раздавал жвачку, и делал все, чтобы ты чувствовал себя центром вселенной. Тем не менее я не стала бы подпускать его к себе слишком близко.

У него было много разных планов. Он постоянно говорил о новых источниках энергии: солнечной, термальной и энергии ветра. Джим считал, что Рекс — это просто трепло. «Если можно было бы использовать энергию воздуха, который он выталкивает из себя, то можно осветить весь Финикс», — сказал однажды Джим.

Я никогда не предостерегала Роз-Мари о возможных проблемах отношений с Рексом, потому что именно в таком случае эта своевольная особа точно сделала бы какую-нибудь глупость. Я просто говорила ей, что, возможно, Рекс в долгосрочной перспективе — не самый идеальный партнер.

«Я бы не назвала его надежным, как скала», — объяснила ей я.

«А я и не хочу выходить замуж за скалу», — ответила она.

Роз-Мари говорила мне, что ей в Рексе нравится то, что когда они вместе, что-то постоянно происходит. Рекс умел и любил завязать разговор с незнакомым человеком. Он действовал спонтанно и неожиданно. Он обожал розыгрыши и сюрпризы. Однажды он тайком пронес одну из небольших картин Роз-Мари в художественный музей Финикса, повесил ее на стене, а потом пригласил ее в музей. Она страшно удивилась и была польщена, когда Рекс подозвал ее к висящей на стене работе и произнес: «Ой, да ты только посмотри! Самая лучшая картина во всем музее!»

С Рексом постоянно происходили странные события. Некоторые из этих событий были смешными, некоторые пугающими, но все, чем бы он ни занимался, превращалось в приключение. Он был непредсказуемым и видел эту черту характера в других, словно масон, считывающий тайные сигналы. С ним можно было пойти в цирк и познакомиться с клоунами, наездницей и глотателем шпаг. После представления он в этой компании мог пойти пить в бар, в котором глотатель шпаг рассказывал о секретах своего ремесла, наездница-цыганка вспоминала времена, когда она сидела в нацистском концлагере, а один из клоунов, тот, у кого были самые грустные глаза, мог признаться, что поблизости живет девушка, которую он никак не может разлюбить, после чего все толпой садились в машину и в четыре часа утра стояли под балконом этой женщины, распевая серенаду Red River Valley — «Долина Красной реки», чтобы та

снова полюбила клоуна с грустными глазами.

Однажды осенью, во время каникул Роз-Мари, в нашем доме в Хорсе Меса появился Рекс. На нем были ковбойские сапоги и огромная шляпа. Джим, Роз-Мари и я сидели за кухонным столом и доедали манную кашу. Я предложила Рексу каши.

«Нет, мэм, спасибо. У меня сегодня большие планы, и я не хотел бы есть слишком много».

«И что за планы?» — поинтересовалась я.

«Ну, я знаю, что все вы любите лошадей, — начал Рекс. — И я подумал, что, если собираюсь жениться на вашей дочери, то должен вам показать, что сумею ездить на лошади, хотя никогда раньше не сидел в седле. Так что сегодня я планировал найти где-нибудь лошадь, и если вы согласитесь присоединиться ко мне, выехать на прогулку и поделиться советами с начинающим ковбоем, то я буду вам крайне признателен».

Мы с Джимом переглянулись. Да, этот парень не хотел исчезать из нашей жизни. Роз-Мари начала объяснять, что у подножия горы живет семья Кребс, дети которых ходят в мою школу. У них есть лошади, и они с удовольствием разрешат нам на них прокатиться. Мы доели манную кашу, надели ковбойские сапоги, сели в машину и поехали к Кребсам.

Рэй Кребс сказал, что все лошади находятся в загоне, а седла и уздечки лежат в сарае. Правда, на лошадях уже не ездили пару месяцев, поэтому он рекомендовал нам быть поосторожнее. Мы выбрали четыре лошади, но они не хотели отходить от табуна, поэтому Джиму пришлось поймать их лассо перед тем, как вести в сарай и оседлывать.

Роз-Мари захотела прокатиться на самой быстрой лошади, поэтому выбрала себе небольшую гнедую кобылку. Для Рекса я приметила спокойного кастрированного мерина, но тот сказал, что ни за что не сядет на кастрированное животное, поэтому я дала ему кобылу, которую выбрала для себя, несмотря на то что выбранное им животное нервно переступало с ноги на ногу.

Мы оседлали лошадей и выехали в загон побольше размером, предназначенный для выездки. Джим и Роз-Мари пустили своих лошадей рысью, а я осталась сидеть на лошади в центре загона и стала давать Рексу советы. Он внимательно слушал и старался следовать моим советам, но с первого взгляда становилось очевидным, что он не прирожденный наездник. Он слишком напрягался и наклонялся вперед, от чего смещался центр тяжести и ему приходилось напрягать плечи. Я велела, чтобы он расслабился и сел поглубже в седле. Нет смысла хвататься за уздечку, она его не спасет.

Но Рекс не последовал моему совету и без умолку говорил, что нет ничего проще, чем кататься на лошади, и что ему это занятие нравится. Ему захотелось поехать быстрее, и он спросил: «А как тут на вторую скорость переключиться?»

«Сперва научись задницу от седла не отрывать», — порекомендовала я.

Через некоторое время Рекс перешел на рысь, но постоянно подскакивал в седле и дергал поводья. Потом он заявил, что пока не заставит лошадь пойти галопом, то не сможет считать, что вообще катался верхом.

«Пни ее, если хочешь, чтобы она галопом пошла», — посоветовала Роз-Мари.

И именно это Рекс и сделал. Лошадь начала бежать быстрее, но все-таки не перешла на галоп, видимо, решив, что шатко сидящий на ней всадник еще к такой скорости не готов. Обрадовавшись тому, что лошадь ускорилась, Рекс принялся радостно орать: «Воа! Воа!» и туда-сюда дергать поводья. Лошадь испугалась и понесла.

Лошадь неслась вдоль ограды загона, и я закричала, чтобы Рекс отклонился назад и держался за гриву, но он запаниковал и не услышал мои слова. Он продолжал кричать на лошадь и дергать поводья, но лошадь не сбавляла скорости.

Джим и Роз-Мари отъехали в сторону к центру загона. Лошадь Рекса сделала еще несколько кругов, не сбавляя скорости, и я увидела, что тот совсем хлипко держится в седле. По глазам лошади я видела, что животное не злится, а просто испугалось, что означало, что она хочет остановиться, но для этого ей нужно разрешение.

Я соскочила с лошади и встала на пути Рекса. Я была готова отскочить в сторону, если его лошадь не остановится. Лошадь быстро приближалась, я медленно подняла вверх руки и тихим голосом сказала ей «Пруууу». Лошадь остановилась прямо передо мной.

Лошадь остановилась так резко, что Рекс не удержался, хотя пытался схватить лошадь за шею, и свалился на землю.

Роз-Мари соскочила со своей лошади и подбежала к нему.

«Ты в порядке?» — озабоченно спросила она.

«Он в полном порядке, — ответила я. — Может, чуть ушибся».

Рекс встал и отряхнул пыль со штанов. Я заметила, что он взволнован, но он несколько раз глубоко вздохнул и провел рукой по волосам. Потом на его лице появилась улыбка. «Педаль газа я нашел, — сказал он, — но с педалью тормоза были небольшие проблемы».

Рекс настоял на том, чтобы снова сесть в седло, что было для меня приятной неожиданностью, и мы проехали по участку земли Кребсов. Во второй половине дня мы вернулись в Хорсе Меса. Я разогрела бобы, и после того, как все поели, предложила сыграть в покер.

«Вот от такого предложения я никогда не откажусь, — сказал Рекс. — У меня в машине есть бутылка, сейчас принесу, и можем выпить по стакану».

Он принес из машины бутылку, Джим поставил на стол стаканы, не забыв поставить и себе. Сделал он это из вежливости, хотя сам не пил. Мы расселись вокруг кухонного стола. Рекс разлил всем по два пальца виски. Я раздала карты. Нет способа лучше узнать характер человека, чем сыграть с ним в покер. Некоторые играют для того, чтобы «остаться при своих», то есть сохранить то, что у них есть, а некоторые — для того, чтобы выиграть по-крупному. Для некоторых покер — это просто азарт игры, для других — это расчет с небольшим элементом риска, на который он готов идти. Некоторые просчитывают карты, а другие считают, что важнейший элемент игры — психологический фактор.

Вот Роз-Мари была нулевым игроком. Я даже и не знаю, сколько раз я ей объясняла правила, но она неизменно умудрялась задавать вопросы, которые раскрывали ее карты. Как только я раздала карты, Роз-Мари посмотрела на них и тут же спросила: «Что сильнее, флэш или стрит-флэш?»[35]

«Когда себя так раскрываешь, никогда не выиграешь», — сказала я.

«С тобой особо не выиграешь, — ответила Роз-Мари, — ты постоянно выигрываешь, поэтому никто не хочет с тобой играть».

Я не стала это комментировать и продолжать спор.

По ходу развития игры я увидела, что Рекс оказался хорошим игроком. Он концентрировался не столько на картах, сколько на понимании того, что думает его противник. Именно поэтому он знал, когда остановиться и сказать «пас», а когда поднимать ставки.

Бутылка виски стояла у локтя Рекса. Джим и Роз-Мари вообще не притронулись к своим стаканам, а я сделала несколько глотков из своего. Рекс постоянно себе подливал. По мере развития вечера он начал переблефовывать, играть необдуманно широко, делать слишком высокие ставки, зарясь на то, на что ему вообще не стоило бы разевать рот, и начал злиться на карты, когда проигрывал.

Через некоторое время он перестал наливать и пить свои шоты, а принялся пить «из горла». Вот тут-то я поняла, что у меня

есть реальный шанс его «вынести». Я подождала, когда мне придет хорошая карта (у меня был фул-хаус[36]) и сделала вид, что у меня слабая карта. Он поднимал ставки, а я их уравнивала, и вскоре оказалось, что он поставил больше, чем, может быть, хотел.

Я положила свои карты на стол. Рекс внимательно на них посмотрел, и на его лице появилось кислое выражение, и он бросил свои карты картинками вниз. Через несколько секунд он ухмыльнулся и сказал: «У того мерина не было яиц, а у тебя, Лили, точно есть».

Роз-Мари захихикала. Мне показалось, что ей понравилось то, что ее парень повел себя слишком нагло и переступил черту в отношениях с ее матерью. Если честно, этот Рекс был первым парнем, которого она приводила домой и который меня нисколько не боялся.

Джим посмотрел на Рекса и поднял бровь. «Поосторожнее, летун», — сказал он.

«Без обид, брат, — ответил Рекс. — Это же был комплимент. — Он хотел сделать еще глоток из бутылки, но бутылка оказалось пустой. — Кажется, мы все выпили», — заметил он.

«Это ты все выпил», — сказала я.

«Может быть, хватит уже играть», — сказала Роз-Мари.

Рекс кивнул. Он поставил бутылку на стол, встал, накренившись на один бок.

«Ты пьян», — сказала я.

«Слегка, — ответил Рекс. — Я думаю, что мне настало время откланяться».

«Тебе в таком состоянии не стоит садиться за руль».

«Все будет в порядке, — ответил Рекс, — я всегда вожу в таком состоянии».

«Мне кажется, что мама права», — сказала Роз-Мари.

«Ты можешь лечь в гараже», — предложил Джим.

«Я же сказал, что у меня все в порядке», — ответил Рекс и начал искать в карманах ключи.

«Послушай, тупая твоя голова, — сказала я. — Ты слишком пьян, чтобы вести, я тебе этого не позволяю».

Рекс кулаками уперся в стол. «Послушайте, леди, Рексу Уоллсу никто не приказывает, и в особенности эта краснолицая и твердожопая птица. И вот на этом я пожелаю всем доброго вечера».

В полной тишине Рекс проковылял по комнате, вышел и крепко хлопнул дверью. Мы услышали, как во дворе завелась машина, резко дали газу, и с визгом шин он умчался в темноту по

прилепленной к скалам дороге под названием «Агнесса плачет».

На следующий день мне надо было серьезно поговорить с дочерью по поводу ее бойфренда.

«Он, конечно, человек интересный, — сказала я. — Но он представляет опасность для себя и окружающих».

«Никто не без изъяна, — ответила Роз-Мари. — Каждый из нас в одном шаге от животного и в одном шаге до ангелов».

«Это верно, — заметила я, — но большинство людей где-то посредине. А Рекс — нестабильная личность. С ним у тебя не будет никакой уверенности и спокойствия».

«Мне не нужны уверенность и спокойствие, — ответила она. — И кроме этого, я считаю, этого мне никто не сможет дать. Всех нас, может, убьет завтра атомная бомба».

«Ты думаешь, что будущее не имеет значения? Ты хочешь сказать, что ты собираешься жить так, будто завтра никогда не наступит?»

«Большинство людей так сильно волнуются по поводу будущего, что не наслаждаются настоящим».

«А тех, кто не планирует свое будущее, это будущее может очень сильно удивить. Надеемся на лучшее, готовимся к худшему, как говорил мой покойный отец».

«Невозможно подготовиться ко всем ситуациям, в которые поставит тебя жизнь, — сказала она. — И опасности тоже не избежать. Она есть. Мир — очень опасное место, и если сидеть, волноваться и руки себе ломать, то пропустишь все приключения».

Я подумала о том, что я могу достойно выступить на тему опасности. Я готова прочитать ей целую лекцию об опасности. О том, как моего отца в трехлетнем возрасте в голову лягнула лошадь, о смерти Мини, волосы которой попали в конвейер, о моей сестре Хелен, которая покончила жизнь самоубийством после того, как у нее произошла незапланированная беременность. В самой жизни было заложено достаточное количество приключений и опасности, которого вполне всем хватает. Не стоит гоняться ни за тем, ни за другим. Но, увы, Роз-Мари перестала меня слушать со времен, когда мы ездили к индейцам хавасупай и я ее там побила за то, что она купалась с Фиделем Ханна.

«Я не знаю, в чем я ошиблась, когда тебя воспитывала, — сказала я. — Может быть, я просто перестаралась. В любом случае, я считаю, что тебе нужен якорь, тебе нужна скала».

Чуть позже в тот же день в нашу дверь постучали. Я открыла дверь. На пороге стоял Рекс, в руках которого был букет

белых лилий. Рекс протянул мне цветы.

«Лилии для Лилии. В виде извинения, — произнес он. — Даже если эти цветы не такие прекрасные, как носящая их имя».

«Что-то вчера вечером ты другие песни пел».

«То, что я сказал, было непростительно, и я первым готов это признать, — сказал он. — Но я надеялся на то, что ко мне отнесутся с большим пониманием». Далее он понес о том, что у него был тяжелый день, его сбросила лошадь на глазах женщины, которую он любит, потом ее мать обыграла его в покер и поэтому он выпил лишнего. «Но вы сами все начали, назвали меня „тупая твоя голова“. — Он замолчал и потом продолжил: — И я умею ездить пьяным».

Я покачала головой и посмотрела на цветы. «Я могу относиться к тебе с каким угодно пониманием, но все равно считаю, что моей дочери нужен якорь».

«С якорем есть одна проблема, — сказал он. — Если ты к нему привязан, тебе будет сложно лететь».

Ну и поганец, подумала я. Всегда он должен за собой оставить последнее слово. Но лилии были красивыми. «Пойду, поставлю их в воду», — сказала я.

«Я слышал, что вам нравится летать, — добавил Рекс. — Если вы вернете мне свою милость, то я сочту за честь прокатить вас на самолете».

Я уже много лет не была в небе, и, несмотря на то что я была все еще очень зла на этого хулигана, мне понравилась эта идея, и я согласилась. Когда в следующее воскресенье Рекс заехал за мной, я встретила его в моем костюме пилота с кожаным шлемом под мышкой.

Рекс высунулся из окна двухцветного Ford’a, который он всегда одалживал у приятеля, чтобы до нас добраться. «Амелия Экхарт![37] — закричал он, увидев меня. — Ты все-таки жива!»

Роз-Мари хотела поехать вместе с нами, но Рекс сказал, что в самолете будет всего два места. «Это путешествие только для нас с Амелией», — заявил он.

Рекс вел машину, как сумасшедший, то есть именно так, как мне самой нравится водить. Я не успела и глазом моргнуть, как мы пронеслись по дороге «Агнесса плачет», выехали из каньона, и оказались на тропе апачи.

Я спросила Рекса о его семье.

«Мэм, — ответил он, — если вас интересует моя родословная, то в любом питомнике для собак ее гораздо больше, чем в моей семье». Он вырос в шахтерском городке. Его мать была сиротой, отец работал служащим на железной дороге. Его дядя делал

самогон, и когда Рекс был пацаном, он иногда отвозил этот самогон на продажу в город.

«Так значит, ты тогда и научился так водить, убегая от полиции?» — спросила я.

«Нет, черт возьми, — ответил он. — Именно полицейские и были нашими лучшими покупателями. Потом дядя не разрешал, чтобы я гнал слишком быстро. Он делал качественный самогон, который нельзя было трясти. Самогон у него выдерживался, как дорогой коньяк».

Я рассказала ему о том, как сама продавала алкоголь и хранила ящики с бутылками под детской кроваткой и как однажды Роз-Мари спасла меня своим криком от полиции. Мы прекрасно ладили. Так, мило болтая, мы доехали до стоящего в степи обшарпанного трейлера на колесах. Вокруг были разбросаны старые бочки из-под бензина, рулоны брезента, ржавые оси автомобилей и металлические раковины для мытья рук. Неподалеку от трейлера стоял старый грузовик, вместо колес у которого были подставлены кирпичи.

Рекс резко затормозил и припарковался напротив трейлера. «Вы только посмотрите на весь этот мусор! — сказал Рекс. — Я из западной Виргинии, и поэтому не понаслышке знаком с жизнью белого отребья. Сейчас я скажу хозяину, что надо немного прибраться на участке».

Он вылез из автомобиля и начал колотить кулаком в дверь вагончика. «Эй, кто там в захламленном теремочке живет?! Да покажи свою страшную харю наружу!»

Дверь приоткрылась, из проема показалось худое лицо с коротко подстриженными волосами.

«Здесь в машине сидит моя будущая теща, — закричал Рекс, — и ее глазам больно смотреть на этот валяющийся по территории хлам. Так что я хочу, чтобы, когда я здесь в следующий раз окажусь, все было прибрано! Ферштейн?»

Гость и хозяин посмотрели друг на друга, и я подумала, что сейчас начнется драка, но они заржали и начали по-приятельски колотить друг друга по спинам.

«Рекс, ах ты, сукин сын! Как жизнь молодая, скандалист?» — спросил хозяин трейлера.

Рекс подвел его к машине и представил нас. Это был его старый приятель по ВВС Гас. «Ты, может быть, подумаешь, что это сама потерянная Амелия Экхарт, но это Лили Кейси Смит собственной персоной. Она может научить Амелию паре трюков высшего авиационного пилотажа, но самое главное, что она мать моей будущей жены».

«Вы дадите согласие на то, чтобы этот постоянно убегающий

в самоволку пилот стал мужем вашей дочери? — спросил меня Гас. — С ним надо всегда держать кнут под рукой».

И оба приятеля снова громко заржали.

Рекс объяснил мне, что пилотам запрещали подниматься в воздух с гражданскими лицами на борту военного самолета. Несмотря на это, все пилоты катали гражданских. На виду у руководства он не мог взлететь с аэродрома с гражданским лицом на борту, но он приземлится на взлетной полосе рядом с трейлером Гаса, на которой пилоты тренировали вынужденную посадку самолета. Поэтому он оставит меня в обществе Гаса, быстро приедет на военную базу и приземлится здесь на самолете. Я сама не была большой поклонницей правил и ограничений, поэтому в этом смысле реноме Рекса в моих глазах стало немного лучше. Впрочем, это был всего лишь один маленький плюсик, и, по моему мнению, отрицательных качеств у Рекса было гораздо больше, чем положительных.

Мы зашли в вагончик Гаса и начали болтать. На шесте во дворе висел оранжевый, показывающий направление ветра, «носок». Ветра не было, и «носок» безвольно свесился вниз. Через некоторое время приземлился самолет Рекса. Это был желтый одномоторный и двухпилотный самолет со стеклянным куполом над кабиной пилотов. Самолет подъехал к нам поближе. После того как Рекс остановился, Гас показал мне опускающуюся вниз подножку, с которой я забралась на крыло. Рекс пересел из кресла ближе к носу самолета назад, на место второго пилота, а меня посадил на место первого. Я надела наушники и смотрела, как панель управления самолетом слегка вибрирует от работы мотора. Рекс нажал на газ, и самолет, набирая скорость, поехал по взлетной полосе.

Мы поднялись в воздух, и у меня появилось ощущение, что я ангел, наблюдающий, как крохотные машинки ползут по извивающейся под нами дороге. Я смотрела на линию горизонта и замечала, что земля имеет округлую форму, и радовалась синему небу.

Мы полетели в сторону Хорсе Меса, и Рекс на небольшой высоте несколько раз пронесся над нашим домом. Из дома выбежали Джим с Роз-Мари и помахали нам руками. Рекс в ответ помахал им крыльями.

Потом Рекс набрал высоту, и мы полетели вдоль горного хребта в сторону каньона Фиш-крик. Потом мы резко опустились в каньон и пронеслись над извивающейся рекой. Слева и справа от нас мелькали красные скалы.

Мы поднялись из каньона и направились к равнине. Рекс

сказал мне по внутренней связи, чтобы я взяла на себя управление самолетом. Я взяла рулевое управление, самолет немного повело, но я выровнялась и сделала широкий круг, потом набрала высоту, а потом снова опустилась. Я подумала, что в жизни нет ничего приятнее, чем управлять самолетом.

Потом Рекс снова взял управление на себя. Он перевернул самолет вверх дном, потом вернул его в нормальное положение и резко снизился. Мы неслись в двадцати метрах над землей. Под нами мелькали деревья, холмы и камни.

«Это называется „сбить шляпу“, — объяснил Рекс. — Однажды мой приятель сделал такой трюк на пляже, чтобы привлечь внимание девушек, но высунулся из кабины, чтобы им помахать, задел крылом воду и упал».

Мы быстро приближались к дороге, вдоль которой стояли столбы с проводами. «Смотри!» — закричал Рекс. Он снизился, и казалось, что самолет вот-вот чиркнет брюхом о землю.

Я поняла, что он хочет пролететь под телефонными проводами. «Рекс, не надо! — закричала я. — Ты нас убьешь!»

Он только засмеялся. Мы пролетели между двумя столбами ниже телефонных проводов.

«Ты просто сумасшедший!» — сказала я.

«И именно это вашей дочери во мне нравится!» — ответил он.

Мы поднялись выше и полетели на север. Рекс увидел то, что искал, — стадо. Он снизился и пролетел в бреющем полете над животными. Скот побежал в разные стороны от самолета, но Рекс начал облетать животных так, чтобы снова собрать их в стадо. Когда стадо стало единым организмом, он поднял самолет вверх.

«Такое, сидя верхом на лошади, трудно сделать, а?» — спросил он меня.

Весной того года Рекс и Роз-Мари решили пожениться. Мы с Роз-Мари мыли посуду после ужина, когда она сообщила мне эту новость.

«Тебе нужен надежный человек, — сказала я ей. — Разве я тебя в жизни ничему не научила?»

«Конечно, научила, — ответила она. — Ты всю жизнь меня учишь. Ты все время говоришь: „Пусть это будет тебе уроком“. Но все эти годы ты думала, что учишь меня одному, но я выносила из этого совершенно другие уроки».

Мы долго стояли и смотрели друг на друга. Роз-Мари облокотилась о стену и скрестила руки.

«Так ты выйдешь за него замуж даже без моего согласия?» — спросила я.

«Совершенно верно».

«Я всегда считала, что на свете нет ребенка, которого я не могла бы научить, — сказала ей я. — Оказывается, есть. Этот ребенок — моя собственная дочь».

Рекс сообщил нам, что его армейский контракт подходит к концу и он не собирается его продлевать. В BBC хотели, чтобы он пересел на бомбардировщики, а он хотел летать на истребителях. Кроме всего прочего, он не желал, чтобы Роз-Мари потратила всю свою жизнь на то, чтобы растить детей в каком-нибудь трейлере рядом с военно-воздушной базой. У него были большие планы. Очень большие.

Мне все это показалось крайне непродуманным.

«И где вы собираетесь жить?» — спросила я Роз-Мари.

«Не знаю, — ответила она, — это не имеет никакого значения».

«Как это — не имеет никакого значения? То место, где ты живешь, твой дом, разве это не одна из самых важных частей твоей жизни?»

«Я не чувствую, что у меня есть дом, с тех пор, как мы уехали с ранчо. И мне кажется, что у меня никогда не будет дома. Может быть, мы никогда и не остепенимся и не осядем».

Джим воспринял новости философски. Он сказал, что, если она уже приняла решение, с ней бесполезно спорить.

«Мне кажется, что все это моя ошибка», — сказала я.

«Не вини себя, — ответил Джим. — Она не выросла такой, какой тебе бы хотелось, но еще не значит, что у нее в жизни все будет не так, как надо».

Мы сидели на ступеньках крыльца перед домом. Незадолго до этого прошел дождь. Скалы вокруг Хорсе Меса были мокрыми, и со склонов гор текли водопады.

«Люди похожи на животных, — продолжил свою мысль Джим. — Некоторым нравится сидеть в загоне, а некоторым — бегать на воле. Надо понять характер человека и то, что ему нравится, и смириться с положением дел».

«Так, значит, это и есть урок, который я должна из всего этого извлечь?»

Джим пожал плечами. «Наша дочь нашла то, что ей в жизни нравится. Это картины. Она нашла парня, который ей по душе. Это Рекс. Так что считай, что у нее есть то, что имеют далеко не все».

«Значит, мне надо перестать контролировать эту ситуацию».

«Ты почувствуешь себя гораздо более счастливой, если это сделаешь».

Я сказала Роз-Мари и Рексу, что заплачу за всю свадьбу,

если она будет проходить в католической церкви. Я хотела, чтобы все было красиво, и надеялась на то, что традиционная свадьба заложит хорошее начало и сможет подтолкнуть их к созданию традиционного брака.

Я сняла банкетный зал в отеле Sands, который только появился в центре Финикса. Цена была не очень высокой, поскольку отель был совсем новый и хотел привлечь клиентов. Я помогла Роз-Мари выбрать свадебное платье. Это приобретение тоже оказалось бюджетным, потому что мы взяли платье, которое было заказано, но свадьбу отменили и платье не выкупили. На Роз-Мари это платье сидело отлично.

Я пригласила практически всех людей, с которыми была знакома: владельцев ранчо, ковбоев, учителей и моих бывших учеников, администрацию школы, членов демократической партии штата Аризоны, людей из моего прошлого, наподобие Грейди Гаммаджа, который помог мне получить мою первую преподавательскую должность в Ред Лейке, и Рустера, который отписал мне о том, что приедет на свадьбу вместе со своей женой — девушкой из племени апачи. Я собиралась надеть платье, которое носила на премьере картины «Унесенные ветром», но Джим сказал, что не стоит. Он объяснил, что не хочет, чтобы я выглядела лучше, чем невеста.

«Как вы планируете провести медовый месяц?» — спросила я Роз-Мари за несколько дней до свадьбы.

«Мы вообще ничего не планируем, — ответила она. — Рекс так решил. Мы сядем после свадьбы в машину и поедем куда глаза глядят».

«Ой, дорогая, ты себе готовишь серьезные приключения».

В день свадьбы Роз-Мари выглядела потрясающе. Она была одета в платье до пола, сделанное из шелка и белых кружев, длинную кружевную вуаль и в перчатки, доходящие до локтя. В белых туфлях на высоких каблуках она стала почти одного роста с дьявольски ухмыляющимся Рексом, который был в белом пиджаке с черной бабочкой.

Рекс и его приятели весь день прикладывались к своим фляжкам. Рекс сказал речь, в которой назвал меня «Амелией Экхарт», Джима — «ковбоем-парашютистом», а Роз-Мари — своей «дикой розой». Когда загремела музыка, он закружился с Роз-Мари в танце. Она веселилась, смеялась и выкидывала ноги в белых туфлях вверх, словно танцевала канкан. Потом Рекс построил нас в «ручеек», и, взявшись за талию стоящего впереди человека, мы прошлись по комнате, вихляя тазом и выбрасывая вбок ноги.

В конце вечера все мы вышли из отеля. Ford, который Рекс занял у приятеля, ждал у тротуара. Стоял май, садилось солнце, и все кругом залило золотым светом. Мы стояли на ступеньках отеля и провожали новобрачных. Рекс спустился с лестницы, обхватил Роз-Мари за талию, наклонился и поцеловал взасос. Они чуть не упали и начали смеяться так, что слезы выступили из глаз. Роз-Мари залезала в автомобиль, и Рекс погладил ее по попе, словно он эту попу купил, а потом запрыгнул на место водителя. Они все еще смеялись, когда он завел мотор, резко газанул, как делал всегда, и они отъехали.

Джим обнял меня за плечи, и мы вместе смотрели им вслед. Они ехали, как пара полуобъезженных лошадей.

Эпилог. Маленькое существо

Джаннетт Уоллс в возрасте двух лет

Мы с Джимом продолжали жить в Хорсе Меса. Джим был уже совсем не мальчик и вскоре после свадьбы дочери вышел на

пенсию. Впрочем, он не отошел от дел и начал выполнять функции неофициального главы нашего маленького поселка. Он мог провести разъяснительную беседу с набедокурившим ребенком соседа, помочь залатать протекающую крышу или починить машину. Я продолжала преподавать. Точно так же, как и Джим, я не любила сидеть без дела, положив ноги на перила на веранде дома. Я знала, что меня ждут ученики, и это помогало мне вставать с постели каждое утро.

Маленький Джим и Диана поселились в доме в пригороде Финикса, и у них появилось двое детей. Жизнь их семьи была спокойной и стабильной. В это время Рекс и Роз-Мари переезжали из одного места в пустыне на другое. Рекс подрабатывал разной халтурой и строил самые грандиозные планы. Потягивая пиво и глубоко затягиваясь сигаретой, он работал над чертежами машин, которые должны были добывать золото, или огромных солнечных батарей. Роз-Мари рисовала, как сумасшедшая, но при этом постоянно рожала детей. Они навещали нас пару раз в году, и каждый раз казалось, что в их семье прибавление. Они гостили у нас не слишком долго. Довольно быстро мы с Рексом начинали друг на друга орать, и дело едва не доходило до драки. Мы ругались, а Роз-Мари была на сносях или кормила ребенка, который недавно появился на свет.

Сначала у нее родились две девочки, но второй ребенок умер, так и не дожив до года. Третьим ребенком тоже была девочка. Во время ее рождения Рекс с Роз-Мари жили в нашем доме в Финиксе на Третьей улице. У них не было денег на роддом, поэтому мне пришлось привезти им чек, а также отчитать этого лентяя Рекса. Роз-Мари назвала девочку Джаннетт и, видимо, под влиянием своей французской учительницы рисования, настояла, чтобы в имени ребенка были две буквы «Н» на французский манер.

Джаннетт, на мой взгляд, не была писаной красавицей, что, в общем-то, и к лучшему. У нее были морковного цвета волосы и длинное и настолько худое тельце, что, увидев ребенка в коляске, многие сердобольно советовали Роз-Мари ее лучше кормить. Но у нее были улыбчивые зеленые глаза и такая же волевая челюсть, как у меня, и с самого ее рождения я чувствовала с этим ребенком сильную связь. С первого взгляда было видно, что эта девчонка будет бороться и не сдаваться. Когда я взяла ее на руки, это маленькое существо схватило меня за палец и никак не хотело отпускать.

Глядя на жизнь Роз-Мари и Рекса, я понимала, что жизнь их детей не будет простой. Но у них была моя кровь, кровь моей семьи, и я знала, что они смогут правильно сыграть теми

картами, которые выдала им судьба. Ну, и я еще какое-то время буду в этом мире и смогу им помочь. У Роз-Мари и Рекса не получится не дать мне общаться с моими внуками. Я хотела своих внуков кое-чему научить, и, черт подери, если я чего-то захотела, никто не может меня остановить.

Благодарности

Низкий поклон моей матери Роз-Мари Смит Уоллс. Она не скупилась рассказывать истории, воспоминания, делиться своими наблюдениями и посвящала этому сотни часов. Она никогда не отказывалась ответить на вопрос, каким бы личным он ни оказался. Она никогда не стремилась контролировать или в чем-либо ограничивать то, что я пишу.

Я хочу поблагодарить моего брата Брайана и сестер Лори и Морин, а также мою семью по линии мужа — клан Тейлоров. Нижайший поклон моей тете Диан Муди и кузинам Смит, в особенности Шелли Смит Данлоп, которая подарила мне массу фотографий с изображением многих мест, людей и прочих созданий из тех времен, о которых я знала только со слов других.

Выражаю признательность Дженнифер Рудольф Уоллш, которая была моей хорошей подругой задолго до того, как стала моим агентом. Нан Грахам из SCRIBNER помогла мне найти точные слова и добавила мыслям ясность и законченность. Кейт Биттман заряжала оптимизмом и работала за троих, ну разве это не подарок? А Сьюзан Молдоу всегда поддерживала.

Спасибо Джо Кинчелоу, Дику Бикелю и Сьюзан Хоуман за житейскую мудрость и здравый смысл.

Не уверена, что смогу до конца отблагодарить своего мужа Джона Тейлора. Он научил меня очень многому, в том числе пониманию, когда надо отступить и позволить всему идти своим чередом.

Об авторе

Джаннетт Уоллс родилась в Финиксе, штат Аризона, и выросла в юго-западной части страны и в Уэлче. Она закончила Барнард-колледж и двадцать лет проработала журналистом в Нью-Йорке. Ее роман «Замок из стекла»[38] стал международным бестселлером и был переведен на 23 языка. Она замужем за писателем Джоном Тейлором и живет в Виргинии.

notes

Примечания

1

64 га.

2

По так называемому гомстед-акту конгресса США о бесплатном выделении участков земли поселенцам. — *Прим. пер.*

3

Белый человек! *(исп.)*

4

Loopy — сумасшедшая *(англ.)*.

5

Один из успешных и популярных военачальников сил Конфедерации, сын одного из героев войны за независимость США. — *Прим. пер.*

6

Лживый, обманчивый *(англ.)*.

Скрываться от правосудия *(англ.)*.

8

Widow’s peak — треугольный выступ линии волос на лбу; считается приметой, предвещающей раннее вдовство *(амер.)*.

9

Billy the Kid, он же Уильям Генри Маккарти, 1859–1881, известен как Билли Кид, американский разбойник.

10

Помы (*англ*. Poms) — просторечное прозвище выходцев из Англии в Америке. Существует две версии происхождения слова: 1) pom — аббревиатура от Prisoner of Mother England *(англ.)* — узник мамаши-Англии; 2) сокр. от pomegranate — название североамериканского фрукта красного цвета. Индейцы называли так англичан за свойство их кожи быстро обгорать на солнце.

11

Speakeasy *(англ.)* нелегальные бары. Действие происходит во время сухого закона в США. — *Прим. пер.*

12

Gary — место, где сейчас располагается один из аэропортов Чикаго. — *Прим. пер*.

13

Chicago Loop — название исторического делового центра Чикаго. Термин «Loop» (дословный перевод на русский — петля) происходит от канатной дороги, построенной в 1882 г., которая делала поворот в этой части города. — *Прим. пер*.

14

В Библии масло, или бальзам из Галаада, упоминается несколько раз, например: в Иер 8:22 … Разве нет бальзама в Галааде?.. и в Иер 46:11 …Пойди в Галаад и возьми бальзам, дева, дочь Египта… — *Прим. пер.*

15

Rooster Legs, далее автор называет человека коротко Рустер, Rooster, то есть Петух. — *Прим. пер*.

16

Смит Бригам Янг (Brigham Young), 1801–1877, американский религиозный деятель, второй президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, организатор переселения мормонов в район Большого Соленого озера и строительства Солт-Лейк-Сити.

17

Соленое и перченое сырое яйцо с острым соусом и Вустерским соусом, в уксусе или бренди. Внешне напиток напоминает устрицу, отчего и получил такое название. — *Прим. пер.*

18

Порода молочных коров выведена в Англии на о. Гернси (Guernsey), расположенном в проливе Ла-Манш, в конце XVII — начале XVIII в. — *Прим. пер*.

19

Crazy Horse, настоящее имя Tašúŋke Witkro, в буквальном переводе «У него сумасшедшая лошадь», 1840–1877, вождь племени, который воевал и был убит в сражениях против американской армии.

73 000 га, или 730 км^2.

21

Green Stamps — программа лояльности покупателей и купоны компании Sperry & Hutchinson (S&H) использовались в США в 1930—1980-х гг. Сам магазин S&H был основан в 1896 г. Идея купонов «зеленые марки» исчерпала себя с появлением онлайн-торговли. — *Прим. пер.*

22

Hohokam — крупная археологическая культура, существовавшая на юго-западе США и частично на территории современной Мексики. Существовала с I по XV в. н. э. — *Прим. пер.*

23

Отмена сухого закона в 1933 г. — *Прим. пер.*

24

Amelia Mary Earhart; 1897 — пропала без вести в 1937 г., известная американская писательница и пионер авиации, первая женщина-пилот, перелетевшая Атлантический океан. — *Прим. пер.*

25

Eleanor Roosevelt, американский общественный деятель, супруга президента США Франклина Делано Рузвельта.

26

Egg cream — напиток из молока и содовой воды с сиропом.

27

USS Arizona — американский линкор типа «Пенсильвания». Спущен на воду в 1915 г. Потоплен японской авиацией 7 декабря 1941 г. в Пёрл-Харбор, не поднят. — *Прим. пер.*

28

Во время Второй мировой войны правительство поддерживало инициативу создания гражданами огородов для того, чтобы в стране не возникло нехватки продовольствия. — *Прим. пер*.

29

Герефордская порода крупного рогатого скота, порода мясного направления. Выведена в Англии, в графстве Херефордшир в XVIII в.

30

Не порода, а группа верховых лошадей, происходящих от испанских соловых, которых завезли колонисты в Центральную Америку в XVI в. Отличаются золотисто-соловой, часто совсем светлой (изабелловой) мастью с серебристо-белыми хвостом и гривой. — *Прим. пер.*

31

Kaiser Motors, ранее Kaiser-Frazer, — автомобильная корпорация, существовавшая с 1945 по 1953 г. В 1953 г. Kaiser объединяется с Willys-Overland в Willys Motors Incorporated. В 1963 г. компания превратилась в Kaiser Jeep. — *Прим. пер.*

Американские пончики. — *Прим. пер.*

33

Charles Marion Russell, известный также как Чарли Рассел и Кид Рассел, 1864–1926, американский художник, скульптор, писатель и ковбой, воспевший в своих произведениях романтику освоения первопроходцами Дикого Запада. — *Прим. пер*.

34

Frederic Sackrider Remington 1861–1909, американский художник, иллюстратор и скульптор, тоже известный своими произведениями на тему Дикого Запада. — *Прим. пер.*

35

Стрит-флэш (straight flush) «масть по порядку» — любые пять карт одной масти по порядку — сильнее флэша (просто пять карт одной масти). — *Прим. пер*.

36

Full house — «полный дом»: одна тройка и одна пара. — *Прим. пер*.

37

В 1937 г. при попытке совершить кругосветный полет на двухмоторном легком самолете Lockheed Model 10 Electra Амелия пропала без вести в центральной части Тихого океана в районе острова Хауленд.

38

На русском языке вышла в 2014 году в издательстве «Эксмо». Стала бестселлером как за рубежом, так и в России.